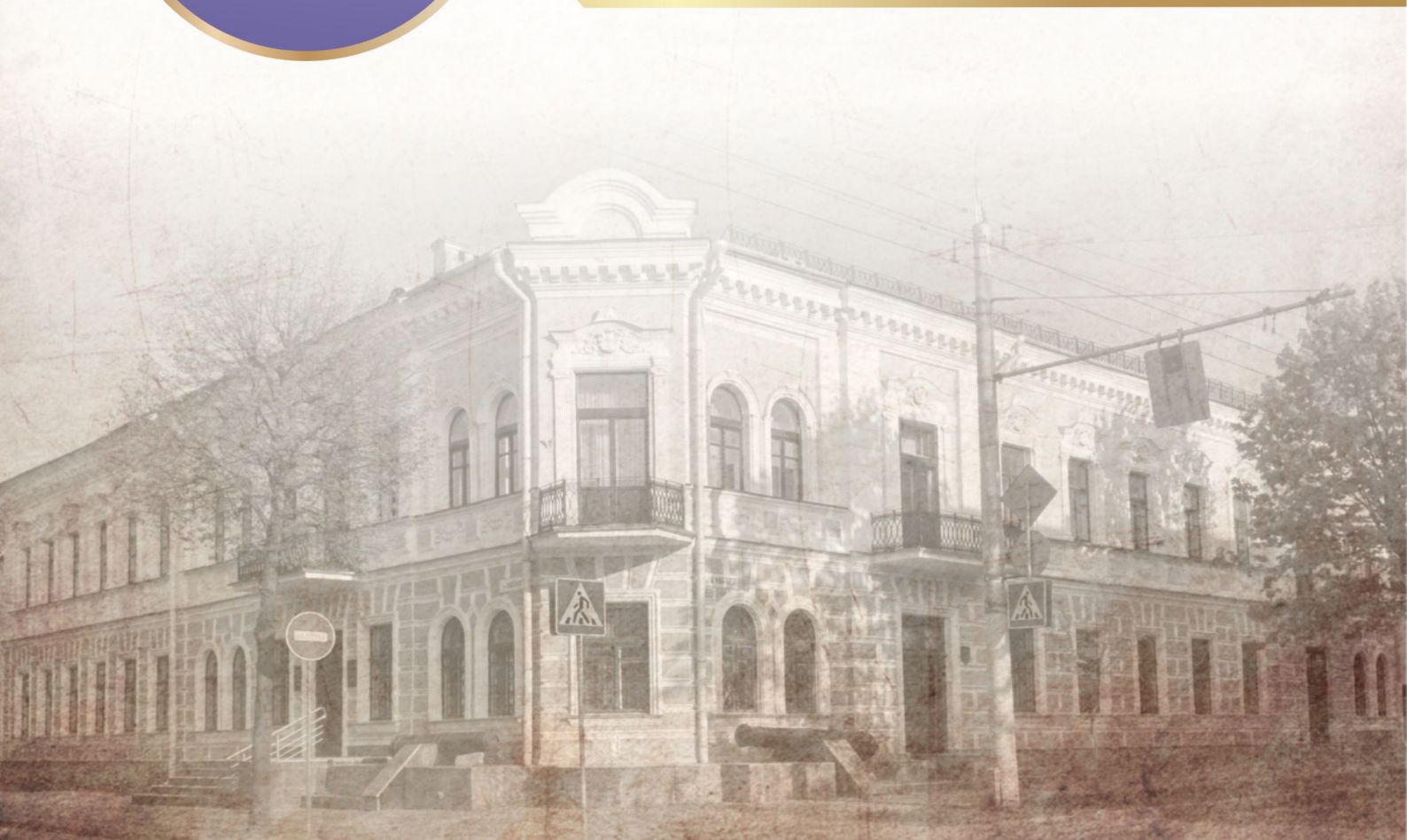

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
БРЕСТСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«БРЕСТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Материалы круглого стола

«Беларусь – страна единства»

Брест, 16 сентября 2025 года

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
БРЕСТСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА

УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«БРЕСТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Материалы круглого стола
«Беларусь – страна единства»

Брест, 16 сентября 2025 года

Брест

2025

УДК 94 (476.7) «1920/1941» (06)

069 (476.7) (06)

ББК 63.3 (4Бел-4Бре)6я431

79.1(4Бел-4Бре)я431

М 34

Редколлегия: директор УК «Брестский областной краеведческий музей» А. В. Митюков
заместитель директора по научной работе УК «Брестский областной краеведческий музей» О. В. Новикова

учёный секретарь УК «Брестский областной краеведческий музей» И. В. Зарецкая

Техническое редактирование и вёрстка: Т. Ю. Филиппова

Компьютерный дизайн: Т. Ю. Филиппова

М 89 Материалы круглого стола «Беларусь – страна единства», Брест, 16 сентября 2025 г., Брестский областной краеведческий музей; редкол.: А. В. Митюков [и др.] – Брест, 2025. – 150 с. : илл.

В сборнике представлены материалы круглого стола «Беларусь – страна единства», приуроченного ко Дню народного единства. Статьи белорусских историков и музейных сотрудников освещают период 1921-1939 гг., когда Западная Беларусь входила в состав Польского государства, и короткий период 1939–1941 гг. после воссоединения с БССР. В центре внимания авторов – различные аспекты жизни населения Западной Беларуси: политические преследования и деятельность карательных органов, состояние здравоохранения и аптечного дела, банковской системы, особенности культурной жизни, национально-освободительная борьба, мероприятия советской власти после воссоединения.

Материалы круглого стола адресованы научным сотрудникам музеев, историкам, преподавателям, студентам, краеведам и всем, кто интересуется историей Беларуси.

УДК 94 (476.7) «1920/1941» (06)

069 (476.7) (06)

ББК 63.3 (4Бел-4Бре)6я431

79.1(4Бел-4Бре)я431

М 34

И. В. Зарецкая,

учёный секретарь учреждения культуры «Брестский областной краеведческий музей»

Коммунистические транспаранты 1920–1930-х гг. в собрании Брестского областного краеведческого музея

Одной из драматичных страниц истории борьбы белорусского народа за независимость и национальное единство стало национально-освободительное движение в Западной Беларуси в 1921–1939 годах. В собрании Брестского областного краеведческого музея хранится немало количество предметов, связанных с этой сложной темой. К ним можно отнести документальные свидетельства, периодическую печать, книги, фотографии, личные вещи, воспоминания очевидцев и участников движения. Большой интерес и широкое поле для исследования представляют предметы наглядной агитации, а именно транспаранты (43 единицы, тканевые относятся к коллекции «Вексилология» (38), бумажные – к коллекции «Документы» (5)).

Источником поступления транспарантов, хранящихся в собрании музея, является Государственный архив Брестской области. Согласно акту № 497 от 8 октября 1956 г. и коллекционной описи к нему было передано 90 транспарантов и лозунгов подпольных организаций Западной Беларуси (КП 3690/1–90). Основанием для передачи стало распоряжение архивного управления МВД БССР №10/4–780 от 28 августа 1956 г.

Часть из них впоследствии попала в другие учреждения:

1. Гродненский историко-археологический музей – 12 (1956 г.);
2. Кобринский военно-исторический музей имени А. В. Суворова – 7 (1956 г.);
3. Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны – 15 (1956 г.);
4. Волковысский военно-исторический музей имени П. И. Багратиона – 7 (1956 г.);
5. Музей обороны Брестской крепости – 2 (1961 г.);
6. Пружанская школа № 2 – 1 (1962 г.);
7. Национальный исторический музей Республики Беларусь – 2 (1965 г.);
8. Минский областной краеведческий музей – 3 (1977 г.).

В Государственный архив Брестской области транспаранты поступили в 1939 г., находились в фонде 93, фондообразователем которого является Брестская поветовая комендатура государственной полиции.

Государственная полиция, созданная законом от 24 июля 1919 г., была организована в соответствии с новым административным делением польского государства: воеводские комендатуры, поветовые комендатуры и городские комиссариаты. Органы полиции имели многоуровневую структуру: офицерский корпус – аспирант, подкомиссар, комиссар, надкомиссар, подинспектор, инспектор; рядовые полицейские должности – постовой, старший постовой, полицейский (в ранге сержанта), старший полицейский.

В фонде Брестской поветовой комендатуры государственной полиции отложились многочисленные материалы об общественно-политической ситуации, как в повете, так и в Бресте. В материалах следственного отдела комендатуры имеются отчёты коменданта, статистические данные о преступлениях, акты обвинения и протоколы допросов, рапорты и донесения полицейских об общественно-политической ситуации, деятельности Коммунистической партии Западной Беларуси [3].

Коммунистическая партия Западной Беларуси была образована 30 октября 1923 г. на конференции Белостокского, Брестского и Виленского районных комитетов Коммунистической рабочей партии Польши, которая проходила нелегально в Вильно. КПЗБ входила в состав Коммунистической партии Польши как территориально-автономная организация, поэтому не имела отдельной программы и устава. В своей практической деятельности она исходила из тактических позиций, принятых на I (1928) и II (1935) партийных съездах и конференциях. Они предусматривали осуществление социалистической революции в стране, ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли крестьянам без выкупа, право на самоопределение Западной Беларуси и присоединение к БССР. Последняя часть этого требования (присоединение к БССР) была снята в июне 1931 г. на V пленуме ЦК КПЗБ в связи с подготовкой советско-польского пакта о ненападении. На момент создания КПЗБ её ряды насчитывали 528 человек. В конце 1924 г. насчитывалось 2296 коммунистов, в 1927 г. – 3254. Примерно треть членов КПЗБ постоянно находилась в тюрьмах, а позднее – в Берёза-Картузском лагере. Советская власть оказывала поддержку (идеологическую, финансовую и организационную) практической деятельности КПЗБ. Для этих целей в июле 1924 г. в Минске было создано Бюро содействия Коммунистической партии Западной Беларуси, также спецшкола КПЗБ [8; 4, с. 396].

На территории Брестчины действовала Брестская окружная организация КПЗБ, её первая конференция состоялась уже в декабре 1923 г. в д. Плоска Брестского р-на. Комсомол Брестчины был оформлен в 1924 г., через год в составе организации было более 400 человек. В 1920-е гг. создана Международная организация помощи революционерам (МОПР). МОПР в Бресте в основном занимался помощью политзаключённым Брестской тюрьмы. В Брестском повете также действовали ячейки и отдельные члены КПП и КПЗУ.

КПЗБ работала в сложных условиях репрессий со стороны польских властей, были времена, когда первые секретари Брестского окружкома сменялись по 4-5 раз за год, шли на долгие годы в тюрьмы или, чтобы избежать ареста, переходили в другие округа, уезжали на восток.

В середине 1920-х гг. коммунисты Западной Беларуси сменили тактику, перейдя от идеи вооружённой борьбы к массово-политической работе в профсоюзах, учебных заведениях, готовили народ к будущим битвам. Агитация велась нелегально. Основными формами работы были: распространение листовок и газет, организация митингов и забастовок, выступления на массовых мероприятиях (танцы, свадьба и др.), использование наглядной агитации (плакаты, транспаранты). Брестский окружком играл важную роль в координации подпольной работы, а его агитационные материалы отражали ключевые лозунги партии.

КПЗБ и комсомольцы отмечали все революционные события и праздники,

которые праздновались международным пролетариатом и в Советском Союзе и не признавались правительством Польши. Их празднование каралось тюрьмой. Отмечались и годовщины местных событий (создание партийной или комсомольской организации, смерть товарища). Все праздники чаще лежали на плечах комсомольцев, которые организовывали так называемую «техническую акцию», или «плакатирование». В эти дни повсюду в нелегальных условиях вывешивались транспаранты, распространялись листовки. Каждая коммунистическая ячейка должна была вывесить минимум 2-3 знамени с актуальными лозунгами [5].

Транспаранты могли иметь конкретные требования. 29 августа 1933 г. на улице Домбровской у синагоги (г. Брест) был снято знамя с лозунгом «Требуем освободить 9 политических заключённых. Долой фашистский террор. КСМЗБ». Полиция и все горожане понимали, что речь идёт об арестованных участниках вооружённого выступления в д. Новосёлки Кобринского повета [2, с. 260]. Ночью 19 декабря 1933 г. в д. Заболотье Каменица-Журовецкой гмины снят лозунг «Все на борьбу против усмирений 20 декабря», той же ночью в соседней деревне Франополь – 3 транспаранта, один из них с белой надписью на чёрной бумаге «Вечная память несчастному борцу тов. Женьке» [2].

Изготовление транспарантов было самым волнующим и ответственным делом. Для них необходима была красная ткань, масляные краски, безопасное место изготовления. Примерно за месяц до праздников все магазины, которые торговали такими товарами, брались под контроль полиции. Кроме этого, хозяева магазинов чаще всего с продажей таких материалов одновременно доносили на покупателя. В предпраздничные дни полиция усиливала охрану, проводила предварительные аресты. Комсомольцы вывешивали транспаранты так, чтобы полиция не смогла их сразу снять, например, подпиливали нижние ветки деревьев, вывешивали высоко на телефонных или электрических проводах. Один из лидеров КПЗБ и впоследствии исследователь национально-освободительного движения в Западной Беларуси Николай Семёнович Орехово в своих воспоминаниях упомянул о случае 1 мая 1924 г. в Вильно, когда красный флаг комсомольцы вывесили на башне Гедимины и сломали лестницу, чтобы туда никто не добрался [6, с. 22].

Транспаранты с коммунистическими лозунгами использовались и во время демонстраций, хотя это было крайне опасно. Так, 13 июля 1930 г. в д. Скорбичи Косицкой гмины собралась молодёжь из окрестных деревень, около 40 человек, после танцевального вечера, по призыву Стефана Козла из д. Блювиничи они двинулись с пением «Интернационала» через д. Скоричи в д. Черни, подняв вверх на палках-держателях подготовленный транспарант [2, с. 93]. В сентябре 1931 г. в Бресте состоялась забастовка рабочих против снижения платы. Во время митинга перед магистратом комсомольцы вывесили транспарант с требованиями, что произвело большое впечатление на самих рабочих. Магистрат вынужден был пойти на уступки [2, с. 158]. Красный флаг был поднят во время компании «3 Л» в Кобрине, в годовщину смерти В. И. Ленина, Розы Люксембург и Карла Либкнехта (1933 г.) [2, с. 205].

В ходе изучения дел 364, 437, 605, 999. 1190, 1410, 1936 и 2158 описи 1 фонда 93, которые относятся непосредственно к работе следственного отдела Брестской поветовой комендатуры в конце 1920 – начале 1930-х гг., было обнаружено большое количество информационных сообщений о появлении коммунистических транспарантов на

улицах городов и деревень Брестского повета, а именно факты вывешивания 34 транспарантов в 1931 г., 143 – в 1931 г. Охват «плакатинованием» был беспрецедентным – все города, крупные деревни, местечки, основные дороги. Особо следует выделить активистов Бреста, Малориты, гмины Мотыкалы, Высоко-Литовской, Домачево [1].

Транспаранты действительно вывешивались поздно ночью накануне больших праздников. Их замечали местные жители и сообщали об этом участковым (постерунковым), которые в свою очередь информировали следственный комитет Брестской поветовой комендатуры (они передавали рукописный рапорт или же звонили, тогда сообщение фиксировалось телефонограммой). По факту вывешивания транспаранта начиналось следствие (на польск. «wywiad»), которое в 99% случаях заканчивалось безрезультатно. Того, кто вывешивал, найти не удавалось. Нами обнаружено только несколько дел с реальными подозреваемыми. 31 июля 1931 г., накануне годовщины начала Первой мировой войны, на телефонных проводах д. Турна Малая был вывешен красный флаг с лозунгами. Подозрения пали на Базыля Кузавку из д. Омельна гм. Турна, 1907 г. р., белоруса, недавно выпустившегося из тюрьмы, где отбывал срок 1 год за антиправительственную деятельность. Подозреваемому удалось скрыться в направлении БССР. В деле «о вывешивании» в ночь на 1 мая 1931 г. в д. Велькорита под подозрение попали три человека Матюшик Дорофей, Хапелюк Александр и Хановицкий Филипп. По донесению конфидента они были взяты под стражу. Жертвой конфидента (доносчика) стала и Рахиль Бобровская из Бреста, которая сняла два транспаранта, вывешенных на ул. Кшывой (Кривой) 29 августа 1931 г. Мечта о красивом красном платье для дочери дорого обошлась женщине.

Дела «о вывешивании коммунистических транспарантов» носили массовый характер, в производстве обычно находились от двух до двадцати дней. После завершения следственных действий поветовому старосте, начальнику следственного управления и прокурору (подпрокуратору при окружном суде Бреста) передавался отчёт («sprawozdanie»). Транспаранты хранились в комендатуре в качестве вещественных доказательств в следственных делах.

Интересно письмо поветового старосты поветовому коменданту (Sprawa «Obwód 1 maja 1929») с грифом «Тайне». Староста настоятельно рекомендует предпринимать превентивные меры по выявлению тех, кто рисует транспаранты. «Отсутствие транспарантов и литературы на территории повета во время компании 1 мая будет признаваться как подтверждение надлежащего выполнения задач, поставленных перед поветовой комендатурой, а также комендантов постерунковых», гласит письмо. Приложением к данному тайному распоряжению стали рекомендации от секретариата ЦК КПП комитетам КПЗБ, КПЗУ, окружкам КПП о проведении акции 1-го мая с целью преодоления трудностей и дальнейшего расширения влияния коммунизма в широких массах трудящихся. В документе в подпункте 5.с говорится о необходимости широко использовать вывешивание транспарантов с первомайскими лозунгами, о написании и рисовании этих лозунгов на стенах домов, казарм, фабрик, беседок и т. д. Эта форма агитации довольно лёгкая организационно. Каждая партийная ячейка должна разделить свой район влияния между товарищами, чтобы коммунистические лозунги были видны повсюду [7, с. 248].

Коммунистические транспаранты, переданные из архива, представляют собой

прямоугольные полотнища горизонтального формата (за исключением трёх тканевых в форме флага и пяти прямоугольных бумажных вертикального формата). Выполнены чаще всего из хлопчатобумажной ткани (сатина) красного цвета, один атласный. Всё поле заполнялось текстом, который наносился масляной краской белого, иногда жёлтого или серебристого цвета. Единичные лозунги написаны химическим карандашом, ручкой, мелком. Буквы рисовали вручную, трафарет использовался крайне редко. Декоративные элементы наносились редко (пятиконечная звезда, серп и молот). В делах Брестской поветовой полиции лозунги обычно назывались «transparent komunistuczny», реже «czandar czerwony», «szmat czerwony», если надписей было немного. Участник коммунистического подполья Василий Петрович Ласкович вспоминал также название «флаги с «тайнами». В документах архива упоминаются «bibuly komunistuczny». Бибула – это тонкая упаковочная бумага, она могла быть красного цвета. В коллекции музея имеется 5 транспарантов на такой бумаге с лозунгами, нанесёнными краской серебристого цвета [7, с. 248].

Коммунистические транспаранты содержали лозунги на русском (74), польском (11), белорусском (4) и украинском (1) языках. Часто в русский язык добавлялись польские, белорусские слова (падатак, шарварок¹, тартуры², карные экспедыцыи, брудны лапы), допускались стилистические и грамматические ошибки.

Жители Западной Беларуси подвергались жёсткой национальной дискриминации. Вопреки Рижскому мирному договору, Конституции Польши 1921 г. право на обучение на родном языке не соблюдалось. К 1939 г. из 359 белорусских школ осталось 5. Даже польских школ было недостаточно. В результате только 2/3 населения Западной Беларуси были грамотными. Лозунги на понятном местным жителям языке, пусть даже с ошибками, были вкладом коммунистов и комсомольцев в просвещение и национальное самосознание крестьян, которые хотели «людьми зваться».

В содержании лозунгов или в конце, как подпись, часто встречаем названия коммунистических организаций:

1. КПЗБ – 39, в т. ч. Брестский окружком – 1, Брестский горком – 3, Малоритский комитет – 2;
2. КСМЗБ – 11, в т. ч. райком КСМЗБ – 1;
3. КПП – 10;
4. Коминтерн – 4;
5. КПЗУ – 3;
6. МОПР – 2;
7. Интернационал молодёжи – 1;
8. ОГУ (?) – 1.

Один из плакатов подписан инициалом «П.».

При анализе текста 90 транспарантов были выделены следующие темы:

1. Борьба за социальную справедливость – в 27 транспарантах («Долой безработицу

1 Шарварок – повинность на сооружении и ремонт дорог, мостов, зданий.

2 Тартуры – строгие допросы с пытками.

и голодные смерти!», «Ни гроша податку фашистскому правительству голода, террора, безработицы и войны против СССР!», «Долой шарварки и податки!», «Долой помещицкие тартуры»).

2. Антиправительственная пропаганда – 51 («Долой фашистскую диктатуру Пилсудскага!!!», «Долой буржуазное правительство и оккупантов», «Долой грабительский блок!», «Долой белый террор!», «Долой паршивый буржуазный строй!»).
3. Солидарность и поддержка СССР – 51 («Прочь брудны лапы фашистовскі, прочь от союзу Сов.Рес.Російской!»).
4. Интернациональная солидарность – 36 («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).
5. Праздники и знаменательные даты – 52.
6. Призывы к революции в Польше – 21 («Да здравствует социалистическая революция в Польше!»).
7. Революционные призывы общие – 15 («Долой империалистическую войну», «Да здравствует всемирная рабочая крестьянская революция»).
8. Политзаключённые – 14 («Требуем освобождения политзаключённых.»).
9. Провокаторы и конфиденты³ – 10 («Смерть провокаторам и конфидентам.», «Смерть шпионам и провокаторам трудящихся»).
10. Отделение от Польши, объединение с БССР – 5 («Да здравствует определение. Вплоть до отделения», «Да здравствует объединение Западной и Восточной Беларуси»).
11. Против пачификации, карательных экспедиций – 3 («Долой карну пачификацию деревни, Подлесья и Волков» (ныне деревни Мухавецкого с/с Брестского района), «Вооружённый отпор карным экспедициям!»).
12. «Требуем школу на родном языке!» – 1.
13. «Война войне» – 1.
14. «Смерть тому, кто снимет знамя!» – 1.

Упоминание праздников в содержании лозунгов подтверждает, что чаще они вывешивались накануне знаменательных дат:

1. 1 мая – День международной солидарности трудящихся – 20.
2. 7 ноября – День Октябрьской революции – 12 (иногда в лозунгах её именуют Ноябрьской).
3. 15–21 января – компания «3 Л» (день памяти В. И. Ленина, Розы Люксембург и Карла Либкнехта) – 8.
4. 1 августа – День борьбы против военного нападения на СССР – 5.
5. 1 сентября (упоминается и 6 сентября, т. к. праздновалось в течение недели) – Международный юношеский день – 2.

---

3 Конфидент — это доверенное лицо, человек, которому поручают тайные дела, или с которым делятся секретами и личными мыслями. Также этим термином называют доносчика, осведомителя или посредника.

6. 1 декабря (12 декабря) – День Китайской революции – 3.
7. 30 декабря – День образования СССР – 1.
8. 15 декабря – День борьбы с безработицей – 1.
9. 18 марта – День Парижской коммуны – 1 (вместе с 1-майским лозунгом).

Известны места вывешивания только 11 транспарантов (д. Пожежин, д. Лешница (Малоритский р-н), г. Высокое, д. Токари, д. Пруска, д. Малые Камарники, колония Свитыче (Каменецкий р-н), г. Жабинка, д. Вежки, д. Яковчицы и недалеко от неё (Жабинковский р-н)), годы создания – у 16 транспарантов (с 1925 по 1933 гг.).

Анализ коллекции транспарантов позволяет выделить их характерные черты:

- конспиративность (лаконичность и ёмкость содержания для быстрого изготовления и распространения);
- язык агитации (предпочтительное использование русского языка с понятной терминологией для охвата разных групп населения, низкий уровень грамотности);
- символизм (в основном красный цвет ткани и бумаги, в редких случаях декор – пятиконечная звезда, серп и молот);
- упор на антиправительственные и интернациональные лозунги, солидарность с СССР;
- толерантность (отсутствие антирелигиозных лозунгов, нет прямых призывов к убийствам);
- массовость (широкое распространение в сельской местности);
- эффективность (тенденция увеличения количества транспарантов).

Таким образом, коллекция коммунистических транспарантов является важным вещественным доказательством борьбы коммунистической партии Западной Беларуси в условиях подполья на территории Брестчины. Может послужить материалом для комплексных исследований средств наглядной агитации для историков и лингвистов, исследователей материальной культуры межвоенного периода. Каждый транспарант – это уникальный раритет, позволяющий нам приблизиться к далёкому прошлому.

В заключении хотелось бы отметить, что коллекция транспарантов имеет большой потенциал в научно-экспозиционной работе благодаря подлинности, эффектному внешнему виду и сохранности. Три транспаранта украшают раздел «Борьба за социальное и национальное освобождение на Брестчине в 1921–1939 гг.» в седьмом зале постоянной исторической экспозиции, некоторые экспонировались на выставках ко Дню народного единства («Дорогами борьбы и созиданья» (2021 г.), «На пути к единству» (2023 г.), «Слово в борьбе за единство» и «Территория единства» (2024 г.), «Слово – тоже оружие» (2025 г.).

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области. – Ф. 93. Оп. 1. ДД. 364, 437, 605, 999, 1190, 1410, 1411, 1936, 2158.
2. Борьба трудящихся Западной Беларуси за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы. Том II. (1929–1939 гг.). – Минск: «Беларусь», 1972. – 560 с.
3. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест: «Альтернатива», 2009. – С. 1–12.
4. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 2. XIX–XX стагоддзі: курс лекцый / рэд. кал. П. І. Брыгадзін, І. Ф. Ладысеў, П. І. Зялінскі і інш. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. С. 346.
5. Ласкович, В. П. Подвиг коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) 1919–1939 гг. Исторический очерк / В. П. Ласкович. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2002. – 404 с.
6. Орехво, Н. С. Дела и люди КПЗБ. Воспоминания / Н. С. Орехво. – Минск: «Беларусь», 1983. – 287 с.
7. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста. У 2 кн.. Кн. 1. – Мінск: БЕЛТА, 1997. – С. 245–248.
8. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы: манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.

А. А. Каплиев,

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси».

Недзяржаўныя формы медыцынскага абслугоўвання насельніцтва ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд

У міжваенны перыяд Рыжская дамова 1921 г. прадвызначыла суіснаванне на беларускіх землях дзвюх розных грамадска-палітычных і эканамічных сістэм, у межах якіх паступова склаліся і асобныя падыходы да медыцынскага забеспячэння насельніцтва. Так, у адрозненне ад БССР, дзе на падмурку прынцыпаў агульнадаступнасці, кваліфікаванасці і бясплатнасці склалася адзіная дзяржаўная сістэма аховы здароўя, на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўкаранялася дэцэнтралізаваная польская мадэль медыцынскага абслугоўвання, якая мела на мэце знізіць дзяржаўныя выдаткі на сферу аховы здароўя, а таму заахвочвала развіццё недзяржаўных сектараў медыцыны, перадусім страхавога, прыватнага і дабрачыннага. Дадзены артыкул характарызуе адметныя рысы развіцця недзяржаўных формаў медыцынскага абслугоўвання насельніцтва ў межах адзначаных сектараў і іх даступнасць для насельніцтва.

Польская мадэль медыцынскага забеспячэння насельніцтва фарміравалася пад значным уплывам сістэм медыцынскага забеспячэння тых краін, куды польскія землі ўваходзілі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай канца XVIII ст. Так, адным з падмуркаў польскай медыцыны стала замацаванне і пашырэнне абавязковага медыцынскага страхавання працоўных – “мадэлі Бісмарка”, што існавала ў Германіі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Афармленне страхавой медыцыны ў Польшчы звязана з Законам «Аб абавязковым страхаванні на выпадак хваробы» ад 19 траўня 1920 г., згодна з якім усе асобы, якія займаліся наёмнай працай, а таксама члены іх сямей уключаліся ў бальнічныя касы (“касы хворых”), якія мусілі быць утвораны ў кожным павеце, а таксама горадзе з насельніцтвам звыш 50 тыс. чалавек. Унёскі ў страхавы фонд былі размеркаваныя па 12 разрадах у залежнасці ад заробкаў работніка і складалі ад 50 да 500 польскіх марак [29, s. 723–744]. Узамен касы забяспечвалі бясплатную медыцынскую дапамогу ў выпадку захворвання застрахаванага або членаў яго сям’і, выдавалі грашовую дапамогу хворым і цяжарным, аплачвалі пахавальныя паслугі ў выпадку смерці застрахаванага. Касы хворых фактычна не з’яўляліся часткай дзяржаўнай сістэмы і былі набліжаны да фармату мясцовага самакіравання: касы кіраваліся радамі, якія абіраліся яе членамі кожныя 3 гады і куды ўваходзілі прадстаўнікі працадаўцы (1/3 членаў) і саміх рабочых (2/3 членаў). Выбраныя члены рады прызначалі непасрэднае кіраўніцтва касы: праўленне, рэвізійную і міравую камісіі. Выканаўчая структура тыпавай бальнічнай касы ўключала адміністрацыйны, медыцынскі і фінансавы аддзелы [16, s. 11–15]. Аднак калі на польскіх тэрыторыях, якія раней належалі Аўстрыі і Прусіі, касы хворых ужо існавалі ў дастатковай колькасці, то стварэнне бальнічных кас на тэрыторыі Заходняй Беларусі з-за наступстваў польскасавецкай вайны пачалося

толькі ў 1920-я гады і адбывалася павольней, чым ва ўласна польскіх землях, што было прадвызначана як палітыкай мясцовых уладаў, так і геаграфічнымі і сацыяльна-эканамічнымі асаблівасцямі рэгіёну: тэрыторыя Заходняй Беларусі адносілася да т. зв. «Польшчы “Б”» – земляў на ўсход ад р. Віслы, якія па ўзроўні эканамічнага і сацыяльна-культурнага развіцця значна адставалі ад «Польшчы “А”» [18, с. 38].

Напрыклад, на ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі ў прамысловасці было задзейнічана менш за 7% насельніцтва, а сама прамысловасць пераважна насіла лёгкі характар (толькі 6 прадпрыемстваў налічвала больш за 500 рабочых). Агульная колькасць рабочых рэгіёну не перавышала 100 тыс. чалавек з больш чым 4 млн насельніцтва краю. Таму ва ўмовах перавагі дробных прадпрыемстваў і агульнага нізкага ліку рабочых выдадзены ў 1920 г. закон «Аб абавязковым страхаванні на выпадак хваробы» на тэрыторыі Заходняй Беларусі фактычна не дзейнічаў. У выніку на 1925 г. на тэрыторыі ваяводстваў, куды ўваходзілі беларускія землі, існавала менш за 10 кас хворых, якія ў асноўным канцэнтраваліся ў Беластоцкім ваяводстве, якое лічылася найбольш прамыслова развітым (табл. 1) [1, с. 30].

Табліца 1. Касы хворых у Заходняй Беларусі ў 1925–1926 гг. [23, с. 353, 381].

Ваяводства	1925 г.			1926 г.		
	Лік кас	Лік застрахованых	Члены іх сямей	Лік кас	Лік застрахованых	Члены іх сямей
Беластоцкае	4	20756	20455	11	27841	21403
Віленскае	2	22019	21494	2	19060	18309
Навагрудскае	0	0	0	0	0	0
Палескае	0	0	0	2	6685	8074
РАЗАМ	6	42775	41949	15	53586	47786

На 1925 г. з 1,5 млн застрахованых у Польшчы на ўсходнія ваяводства даводзілася менш за 30 тыс. чалавек, да 1927 г. – менш за 70 тыс. [28, таб. 1]. Адпаведна, заходнебеларускія касы хворых мелі малую колькасць застрахованых у маштабах рэгіёну: напрыклад, у 1927 г. у Брэсцкай павятовай касе хворых было зарэгістравана толькі 4 803 застрахованых і 6 066 членаў іх сямей [4, арк. 2]. Акрамя таго, значная частка застрахованых не была здольная аплачваць паслугі бальнічных кас, якія ў адрозненне ад БССР, дзе ўсе страхавыя выплаты аплачваюцца працадаўца, пераважна пакрываліся самім работнікам. У выніку ў міжваенны перыяд касам хворых нярэдка даводзілася прымусова спаганяць страхавыя выплаты з работнікаў [7, арк. 1–12].

Адзначаныя фактары абумовілі тое, што акцэнт пры аказанні медыцынскай дапамогі застрахованым рабіўся на амбулаторнай дапамозе, як найменш каштоўнай для ўтрымання: на 1926 г. у Заходняй Беларусі з 200 амбулаторый, якія дзейнічалі на тэрыторыі «ўсходніх крэсаў», 25 належалі бальнічным касам [9, с. 48]. Паспяхова ішла кампанія па прыцягненню ў страхавую сістэму і медыцынскага персаналу: у 1926 г. з 1319 практыкуючых “на крэсах” урачоў 213 былі занятыя менавіта ў касах хворых [17, с. 29]. Аднак у адрозненне ад уласна польскіх зямель бальнічныя касы Заходняй Беларусі не стваралі ўласных бальніц, а толькі вылучалі грошы мясцовым медыцынскім установам іншых сектараў аховы здароўя ўзамен атрымання дапамогі застрахованымі

на аснове дагавораў. У выніку фінансаванне мясцовай аховы здароўя з боку кас хворых аказалася вельмі значным: напрыклад, у бюджэце аховы здароўя Беластоцкага павета на 1930/1931 гг.: з агульнага каштарысу ў 192893,5 злотых касамі хворых было вылучана 71 966,63 злотых, або 37,3% [12, к. 2].

Эканамічны крызіс канца 1920-х – пачатку 1930-х гг. знізіў прыбытак насельніцтва: колькасць застрахованых у параўнанні з 1929 г. знізілася на 15%, таму з прычыны падзення заробкаў і росту беспрацоўя бальнічныя касы імкліва гублялі рэнтабельнасць. Пацвярджэннем складанасцей з адлічэннем страхавых выплат насельніцтвам Заходняй Беларусі служаць рэгулярныя паведамленні аб распродажах маёмасці даўжнікоў кас хворых, што было прадугледжана ў законе аб страхаванні на выпадак хваробы 1920 г. Напрыклад, адзін з аўкцыёнаў маёмасці даўжнікоў Гродзенскай касы хворых у 1930 г. праходзіў у памяшканні страхавой амбулаторыі ў Крынках [19, с. 4].

Да канца 1920-х гадоў стала відавочна, што існуючая страхавая сістэма медыцынскага абслугоўвання, якая ўвесь час крытыкавалася самімі ўрачамі, неэфектыўная, а таму мае патрэбу ў неадкладных рэформах. Шматлікія касы аб'ядноўвалі малую колькасць рабочых, што абумовіла іх нізкую эфектыўнасць і ва ўмовах крызісу прывяло да скарачэння кас хворых шляхам іх аб'яднання, у выніку чаго на тэрыторыі “ўсходніх крэсаў” з 32 захавалася толькі 8 кас хворых [14, с. 234–235]. Астатнія бальнічныя касы рэарганізаваліся ў рэгіянальныя сацыяльныя страхавыя кампаніі, з пашыранай плошчай абслугоўвання [24, с. 1540–1547]. Так, з 28 верасня 1931 г. дзейнасць касы хворых у Брэсце-над-Бугам была пашырана на Брэсцкі, Кобрынскі, Косаўскі і Пружанскі паветы [5, арк. 119 адв.]. З пераадоленнем наступстваў крызісу страхавыя кампаніі працягвалі развіваць амбулаторныя віды дапамогі застрахованым, адкрывалі стаматалагічныя і фізіятэрапеўтычныя кабінеты, медыцынскія пункты і інш. [8, с. 60]. Аднак медыцынскай грамадскасцю прызнавалася, што выдзяленне сродкаў на пабудову вялікіх амбулаторый і іншых страхавых лячэбных устаноў не з'яўлялася мэтазгодным, а аптымальнай будзе арганізацыя працы, прынятая ў «правінцыйных» бальнічных касах, дзе ўрач з'яўляецца блізкім знаёмым сваіх падапечных, уваходны ў іх сям'ю і таму ў курсе іх праблем, што дазваляе яму стаць сапраўдным «хатнім урачом». Таму адной з найбольш значных ініцыятыў перыяду перафарміравання кас хворых у сацыяльныя страхавыя кампаніі стала ўсеагульнае ўвядзенне канцэпцыі сямейнага (хатняга) урача, як асновы медыцынскага страхавога абслугоўвання. Зона адказнасці страхавой кампаніі падзялялася на ўрачэбныя раёны, што замацоўваліся за доктарам, які прымаў пацыентаў у сваім кабінэце, а таксама ажыццяўляў выезды на дом хворых і аказваў дапамогу ў няшчасных выпадках. На 1934 г. даводзіцца масавае ўкараненне інстытута хатняга ўрача ў гарадах Заходняй Беларусі, аднак іх з'яўленне не прыняла ўсеагульнага характару [26, с. 15].

Разам з тым дадзеныя пазітыўныя змены не змаглі змяніць сітуацыю з аказаннем медыцынскай дапамогі, прымаючы да ўвагі, што катэгорыя застрахованых у бальнічных касах складала толькі невялікую частку насельніцтва Заходняй Беларусі. Так, у 1938 г. у Палескім ваяводстве было зарэгістравана толькі 44 371 застрахованых і 95 792 членаў іх сямей пры агульнай колькасці насельніцтва 1 172 259 чалавек [13, к. 5, 52].

Адметнай асаблівасцю міжваеннай польскай медыцыны з'яўлялася наяўнасць прыватнага сектара, які ў БССР і ССР у цэлым да канца 1920-х гадоў быў фактычна

ліквідаваны. Прыватныя клінікі, як і большасць іншых бальніц, у асноўным размяшчаліся ў буйных гарадах, дзе на іх паслугі быў попыт [22, s. 2]. Да 1928 г. у Польшчы існавала ўжо каля 70 прыватных клінік з больш чым 1500 бальнічных ложкаў. Аднак у адрозненне ад уласна польскіх зямель на тэрыторыі Заходняй Беларусі прыватныя медыцынскія ўстановы былі распаўсюджаныя яшчэ вельмі нязначна, а ў Палескім і Навагрудскім ваяводствах амаль цалкам адсутнічалі. На 1923 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі адкрылася толькі 6 прыватных клінік, пераважна ў найбуйнейшым горадзе Вільні, і адна клініка ў Баранавічах. Адносна развітая прыватная медыцына была толькі ў Віленскім ваяводстве (за кошт горада Вільні), дзе працавала ўжо 7 прыватных лячэбніц са 141 ложкам. У цэлым да 1928 г. прыватныя клінікі мелі ўжо больш за 180 ложкаў, што практычна ўдвая больш за паказчык 1923 г., аднак у цэлым узровень развіцця прыватнай медыцыны ў Заходняй Беларусі значна адставаў ад агульнапольскага: напрыклад, у Варшаве ў 1928 г. ужо працавалі 15 клінік на 324 ложка, у Познанскім ваяводстве – 13 клінік на 270 ложкаў [22, s. 2].

Асаблівасцю прыватнай медыцыны стала яе спецыялізацыя на хваробах (стаматалогія, гінекалогія, венерычныя і вочныя хваробы), што адсутнічалі ў дзяржаўных і муніцыпальных бальніцах, якія мелі ў большасці выпадкаў тэрапеўтычны, хірургічны або інфекцыйны профіль. Прыватныя клінікі мелі меншую, у параўнанні з іншымі ўстановамі, колькасць ложкаў і арыентаваліся на кароткатэрміновае прыбыванне пацыентаў, прычынай чаго таксама з’яўляліся адносна высокія кошты лячэння. Так, кошт дзённага прыбывання ў прыватнай клініцы значна перавышала такі ў дзяржаўных і муніцыпальных бальніцах у сярэднім у 2,5 – 3 разы. Напрыклад, у Палескай лячэбніцы ўрачоў-спецыялістаў на 12 месцаў, што дзейнічала ў Брэсце-над-Бугам з 1926 г., плата за дзень лячэння складала 10 злотых. Падобная практыка абумовіла нізкую даступнасць падобных устаноў для большасці насельніцтва, што зрабіла іх малапрывабнымі, асабліва ва ўмовах пачатку рэцэсіі 1930-х гадоў [10, с. 85].

У выніку асноўнай праявай прыватнай медыцыны ў Заходняй Беларусі стала індывідуальная ўрачэбная практыка. Згодна з польскімі нормамаі аказання медыцынскай дапамогі ўрач, як прадстаўнік вольнай прафесіі, у сваёй прыватнай практыцы меў права ўсталёўваць індывідуальныя нормы ўзнагароджання за свае прафесійныя паслугі, аднак калі кошт адрозніваўся ад сярэдняга кошту паслуг у гэтай мясцовасці, доктар павінен быў загадзя папярэдзіць пра гэта сваіх пацыентаў [20, s. 3]. Пры адсутнасці папярэдняй дамоўленасці, або ў выпадках, калі ўрач і пацыент не сышліся ў кошце, ужываліся цвёрдыя тарыфы, устаноўленыя мясцовай урачэбнай палатай і зацверджаныя мясцовымі органамі ўлады. У пераважнай большасці выпадкаў прыватны прыём ажыццяўляўся на хаце ў доктара, дзе было выдзелена асобнае памяшканне пад медыцынскі кабінет і назіральную. Так, у Заходняй Беларусі тыпавай з’яўлялася пабудова двухпавярховага дома ўрача, дзе першы паверх адводзіўся пад прыём пацыентаў, а на другім пражываў доктар і яго сям’я [11, с. 52–53].

Ва ўмовах пераважнай платнасці медыцынскага абслугоўвання значную папулярнасць у насельніцтва захоўвалі дабрачынныя лячэбныя ўстановы, дзе дапамогу можна было атрымаць бясплатна ці за мінімальныя грошы. Вядучай дабрачыннай арганізацыяй у міжваеннай Польшчы стаў створаны яшчэ ў 1919 г. Польскі Чырвоны Крыж. На тэрыторыі Заходняй Беларусі значную частку актыву гэтай арганізацыі склалі раскватараваныя тут вайскоўцы, што прадвызначыла шчыльныя сувязі арганізацыі

з польскім войскам і адкрыла магчымасці для выкарыстання яго рэсурсаў. Напрыклад, дзякуючы доступу да армейскіх санітарных аўтамабіляў менавіта Чырвоны Крыж з іх дапамогай наладзіў санітарны транспарт і арганізаваў выезды хуткай дапамогі да насельніцтва ў Беластоку, Брэсце-над-Бугам, Гродна, Пінску, Слоніме, Стоўбцах [3, арк. 12 адв.].

У адрозненне ад страхавой і прыватнай медыцыны Чырвоны Крыж разгортваў і буйныя лячэбныя ўстановы, напрыклад створаная ў Беластоку бальніца імя каралевы Лізаветы Бельгійскай, якая па словах прадстаўніка YMCA⁴ у Польшчы П. Сандэрсса была прыкладам нават для ўзорных амерыканскіх шпіталяў. Аднак найбольш распаўсюджаным тыпам медыцынскіх устаноў, што разгортваў на тэрыторыі Заходняй Беларусі Чырвоны Крыж, сталі медыцынскія пункты, якія набылі вялікую папулярнасць у насельніцтва [21, s. 17]. У 1930-я гады мясцовыя арганізацыі Чырвонага Крыжа ў Заходняй Беларусі прынялі актыўны ўдзел у стварэнні новага тыпу медыцынскіх устаноў – цэнтраў здароўя, якія былі накіраваныя на пашырэнне медыцынскай дапамогі для вясковых жыхароў [6, арк. 1 адв.]. Акрамя таго менавіта Чырвоны Крыж фактычна адказваў за падрыхтоўку сярэдняга медыцынскага персаналу ў Заходняй Беларусі, дзе дзяржаўная сістэма навучання фельчараў і медсясцёр так і не была разгорнута [21, s. 17].

Значная частка недзяржаўнай медыцыны прыходзілася на «нацыянальныя» лячэбныя ўстановы, перадусім яўрэйскія [27, s. 109]. У міжваеннай Польшчы і ў тым ліку на тэрыторыі Заходняй Беларусі яўрэі складалі ў сярэднім каля 10% насельніцтва, а яўрэйскія абшчыны імкнуліся стварыць уласную сістэму медыцынскага абслугоўвання, якая б не залежала ад дзяржаўнай і муніцыпальнай, што рабілася шляхам разгортвання сеткі бальніц і амбулаторый, што фінансаваліся мясцовымі яўрэйскімі абшчынамі, а таксама адмысловымі дабрачыннымі ўстановамі – “ТОЗ”⁵, “Лінас Гацэдэк”⁶, “Маген Давід Адом”⁷ і інш. [15, p. 38; 27, s. 109].

Аднак ва ўмовах Заходняй Беларусі, дзе медыцынская сетка значна саступала агульнапольскай, яўрэйскія медустановы набылі вялікую папулярнасць ва ўсіх катэгорый насельніцтва, і з прычыны гэтага падтрымліваліся мясцовымі ўладамі для пашырэння іх працы з яўрэйскага на ўсё насельніцтва, што прадвызначыла пашырэнне падобных устаноў. Так, на 1929 г. брэсцкая яўрэйская абшчына мела бальніцу на 90 ложкаў. Як і прыватныя клінікі яўрэйскія бальніцы размяшчаліся ў гарадах, аднак не толькі найбуйнейшых, але і павятовых цэнтрах, дзе пражывала значная колькасць яўрэяў. Сукупная колькасць ложкаў у яўрэйскіх бальніцах Заходняй Беларусі складала 675, ці больш чым 10% агульнай колькасці ложкаў на гэтай тэрыторыі. Напрыклад, у адным Пінску ў пачатку 1930-х гадоў існавала адразу дзве яўрэйскія бальніцы, не лічачы яўрэйскіх дабрачынных медыцынскіх устаноў “ТОЗ” [2, арк. 101].

Асаблівасцю ўтрымання падобных лячэбных устаноў стала іх фінансаванне са сродкаў яўрэйскіх абшчын і неабыякавых грамадзян, значная частка якіх маглі стаць патэнцыяльнымі карыстальнікамі паслуг яўрэйскіх клінік. Аналіз дзейнасці яўрэйскіх бальніц дазваляе вылучыць іх наступныя асаблівасці іх дзейнасці: 1) неспецыялізаваны профіль (большасць яўрэйскіх бальніц уяўлялі сабою лячэбныя

4 “Young Men’s Christian Association” – Юнацкая хрысціянская асацыяцыя (англ.).

5 “Towarzystwo ochrony zdrowia ludności żydowskiej” – Таварыства аховы здароўя яўрэйскага насельніцтва (польск.).

6 “Linias ha-Cedek” – Добрае чванне (яўр.).

7 “Magen David Adom” – Чырвоны шчыт Давіда (яўр.).

ўстанова прыёму па ўсіх хваробах); 2) у адрозненне ад прыватных клінік яўрэйскія бальніцы з'яўляліся буйнымі па сваім тыпу ўстановамі (больш за 50 ложкаў); 3) сетка яўрэйскіх бальніц была шырэй за прыватную як па агульнай колькасці ўстаноў, так і тэрытарыяльнаму ахопу, бо ахоплівала не толькі ваяводскія гарады, але і значную частку павятовых цэнтраў; 4) нягледзячы на абслугоўванне пераважна яўрэйскага насельніцтва, ажыццяўляўся прыём хворых іншых нацыянальнасцей [25, s. 122–126].

Такім чынам, ва ўмовах дэцэнтралізаванай польскай мадэлі медыцынскага забеспячэння менавіта недзяржаўныя формы дапамогі насельніцтву мусілі стаць адным з падмуркаў лячэбнага абслугоўвання насельніцтва. Аднак у адрозненне ад этнічна польскіх зямель падобны разлік не апраўдаўся на тэрыторыі Заходняй Беларусі, дзе пераважна вясковае насельніцтва не падлягала медыцынскаму страхаванню, а нізкія заробкі насельніцтва не дазвалялі большасці насельніцтва карыстацца паслугамі прыватнай медыцыны, што перашкаджала апошняй выйсці на высокія тэмпы развіцця. У выніку з усіх форм недзяржаўнай медыцыны найбольш папулярнымі і даступнымі заставаліся дабрачынныя ўстановы, пераважная большасць якіх была прадстаўлена бальніцамі і амбулаторыямі Чырвонага Крыжа і яўрэйскіх арганізацый.

Крыніцы і літаратура:

1. Біч, М. Рабочы клас / М. Біч, Л. Лыч, П. Зялінскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн. : БелЭн, 1993–2003. – Т. 6. Кн. 1. – 2001. – С. 28–32.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 1217.
3. ДАБВ. – Ф. 2. Воп. 1. Спр. 2484.
4. ДАБВ. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 802.
5. ДАБВ. – Ф. 5. Воп. 1. Спр. 1794.
6. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 1546.
7. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 1649.
8. Тищенко, Е. М. Страховая медицина в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939 гг.) / Е. М. Тищенко, С. Н. Гриб // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 4. – С. 59–60.
9. Фелистович, Н. Б. Медицинская помощь населению Западных областей Украины и Белоруссии в годы буржуазной Польши / Н. Б. Фелистович // Здравоохранение Белоруссии. – 1958. – № 11. – С. 47–50.
10. Чайчиц, И. Н. Доктор Король / И. Н. Чайчиц // Реставрация историко-культурных объектов как сохранение наследия Республики Беларусь : сб. стат. науч.-техн. семинара, 29 сентября 2021 г. ; редкол. : Э. А. Тур, С. В. Басов, И. П. Павлова. – Брест : БрГТУ, 2021. – С. 83–86.
11. Чарнатаў, В. М. Дамы ўрачоў / В. М. Чарнатаў // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1986. – С. 52–53.

12. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Z. 15. Sygn. 482.
13. AAN. – Z. 15. Sygn. 837.
14. Jach-Męczałka, I. Organizacja Kas Chorych w II Rzeczypospolitej / I. Jach-Męczałka // Hygeia Public Health. – 2015. – No 50 (1). – S. 233–238.
15. Kancypolski, Y. H. Under polish jurisdiction 1919–1939 / Y. H. Kancypolski // The Bialystoker Memorial-Book. – New York : Bialystoker Center, 1982. – P. 37–38.
16. Kasa chorych miasta Wilna. Sprawozdanie z działalności Kasy : za lata 1922–1927. – Wilno : Pol. Drukarnia Nakładowa «Lux», 1929. – 139 s.
17. Kieżewicz, D. Zdrowotność i leczenie w północno-wschodnich województwach Rzeczypospolitej Polskiej / D. Kieżewicz // Pierwszy zjazd lekarzy kresowych w Łucku : 30.8. – 31.8.1928 r. – Łuck : [s. n.], 1930. – S. 26–55.
18. M. I. K. Polska “A” i Polska “B” (próba analizy) / M. I. K. // Kalendarz Popularny Baranowicki na rok 1937. – Baranowicze : [s. n.], 1937. – S. 37–40.
19. Obwieszczenie // Przegląd Kresowy. – 1930. – Nr 154. – S. 4.
20. Opłaty za czynności lekarskie na terenie Wileńsko-Nowogródzkiej Izby Lekarskiej. – Wilno : nakł. Wileńsko-Nowogródzkiej Izby Lekarskiej, 1928. – 17 s.
21. Punkt jagliczo-położniczy P.C.K. na Wileńszczyźnie // Jestem. – 1939. – Nr 2 (luty). – S. 17.
22. Rakiewicz, F. Stan szpitalnictwa w Rzeczypospolitej Polskiej / F. Rakiewicz. – Warszawa : [s. n.], 1928. – 50 s..
23. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. R. IV, 1925/1926. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1927. – 551 s.
24. Rozporządzenie ministra pracy i opieki społecznej z dnia 28 września 1931 r. w sprawie reorganizacji kas chorych // Dziennik Ustaw. – 1931. – Nr. 94. – Poz. 724. – S. 1540–1547.
25. Sprawozdanie o stanie zdrowotnym Rzeczypospolitej Polskiej oraz o działalności władz i instytucji zdrowia publicznego w roku 1923. – Warszawa : Generalna Dyrekcja Służby Zdrowia, 1925. – 171 s.
26. Sprawozdanie z działalności ubezpieczalni społecznej w Grodnie za rok 1936. – Grodno: Nakładem ubezpieczalni społecznej w Grodnie, 1937. – 58 s.
27. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. – 114 s.
28. Ubezpieczenia Społeczne w Polsce w 1925 roku. – Warszawa : nakł. Ministerstwa Pracy i Opieki Społecznej, 1927. – 40 s.
29. Ustawa o obowiązkowym ubezpieczeniu na wypadek choroby z dnia 19 maja 1920 r. // Dziennik Ustaw. – 1920. – № 44. – Poz. 44. – S. 723–744.

Сосонкина В. Ф.,

ведущий провизор-инспектор организационно-фармацевтического отдела РУП «БЕЛФАРМАЦИЯ», председатель клуба истории фармации при республиканском общественном объединении фармацевтических работников «ФАРМАБЕЛ»

Басин Е. А.,

краевед

Деятельность аптечных предприятий на Брестчине в 1921–1939 гг.

В 1915 г. на территории современной Брестской области действовало 45 частных аптек, 20 из них в сельской местности. Наибольшее количество аптек находилось в Брест-Литовске – 7, в Пинске – 5. За период германо-российской и польско-советской войн число аптек уменьшилось на 7. В 1923 г. уже функционировало 38 аптек в городах и 11 – в сёлах. Кроме аптек вдвое больше было частных аптекарских магазинов (название в польский период – аптечные склады) [12, с. 214–216].

Аптечные предприятия в своей деятельности руководствовались польским законодательством. Санитарный закон от 19.07.1919 г. определял задачи образованного Министерства общественного здоровья (МОЗ), среди которых было и обеспечение контроля аптечного дела в стране. Контроль включал: допуск лекарственных препаратов (ЛП) на рынок Польши; регулирование производства и продажи сывороток и вакцин; порядок открытия аптек и предоставления в аренду помещений аптекам и аптечным складам; оказание помощи в организации выращивания лекарственных растений и продаже готовой продукции в массовом объеме; надзор за деятельностью фармацевтического персонала и организаций; соблюдение требования действующих фармакопей и аптекарской таксы, их обновление; содействие подготовке фармацевтических кадров. В структуре МОЗ был фармацевтический отдел.

Фармацевтические инспекторы контролировали деятельность аптек разных форм собственности, выдавали разрешение на перестройку и изменение расположения аптечных предприятий, на открытие новых аптек, свидетельство о профессиональной работе фармацевтов и дрогистов. Они также обеспечивали экзамены аптекарских учеников и дрогистов, осуществляли цензуру реклам на местах, проводили фармацевтико-судебную и лечебно-судебную экспертизу.

В 1923 г. МОЗ ликвидировано. В соответствии с распоряжением президента Речи Посполитой от 18.01.1924 г. функции МОЗ распределены между министерством внутренних дел (МВД) и министерством труда и социального обеспечения (МТСО). Для координации деятельности фарминспектров принято распоряжение МВД от 05.06.1926 г. о ревизии аптек. В 1932 г. МТСО преобразовано в министерство

социального обеспечения, куда переданы все структуры здравоохранения из МВД, и создан Департамент службы здоровья с 5 отделами, в том числе отделом фармацевтического контроля.

Первоначально фарминспекторы подчинялись непосредственно начальнику фармацевтического отдела МОЗ (за каждым воеводством был закреплён фарминспектор), а потом – начальнику инспекции воеводства общественного здоровья, в штате которого был и фарминспектор [6].

После вхождения в состав Польши большинство аптечных предприятий располагались в Полесском воеводстве и меньше – Новогрудском. Довоенное (1915 г.) количество аптек было восстановлено к 1927 г.

Открытие аптек осуществлялось на конкурсной основе с размещением объявлений местными отделами общественного здоровья в средствах массовой информации («Вестник Полесского воеводства», «Польские ведомости» и др.). В объявлениях указывалась концессия (предоставление помещения в аренду), правовые документы и другие условия. Причем многие правила открытия аптек взяты из российского врачебного устава 1905 года издания. Например, если владельцы действующих аптек считали, что открытие новой аптеки будет угрожать существованию их аптек, они имели право в течение 4 недель после опубликования объявления о конкурсе, выслать в адрес воеводского отдела общественного здоровья свои обоснованные претензии.

В течение 1927–1938 гг. впервые открылись аптеки в 11 селах: Логишин, Вольно, Остров, Ивацевичи, Кривошин, Лахва, Медведичи, Микашевичи, Погост-Загородск, Полонка, Томашовка [12, с. 214–216].

В рассматриваемый период действовали в основном частные аптеки, но также функционировали, хотя и в небольшом количестве, аптеки других по форме собственности типов. Например, акционерное общество Э. Паровского и Ю. Товянского в Малорите (1922 г., последний проживал в г. Варшаве) [8]; И. Мунвеза, Барковского и С. Каплана в Пинске (1928 г.), И. Гальпера и Ю. Зеваха (1938 г.) и др. [12, с. 217].

В Пинске в 1930 г. открыты: аптека больничной кассы (управляющие в 1930-е – С. Уцеховский, В. Хростинский) и муниципальная аптека (И. Скуратович, Б. Свидзинский) [2,3], в г. Барановичи – муниципальная (1931 г., М. Ситерман) [4].

Аптека больничной кассы (с 1934 г. – общественного социального страхования) и муниципальные аптеки обеспечивали по договорам ЛС местные государственные амбулатории и больницы.

В 1924–1925 гг. в Пинске функционировала амбулатория и при ней аптека еврейского общества «Линес Гацедес» [12, с. 217], а в Бресте над Бугом – с 1934 г. железнодорожная аптека (управляющий магистр фармации А. Клебеко) [3].

В межвоенный период, как и в дореволюционный (1917 г.), сохранилась традиция выполнения в аптеках санитарно-гигиенических и химико-бактериологических анализов. В частности, в Бресте над Бугом анализы ЛС осуществляла аптека К. Кагана и аналитико-химико-бактериологическая лаборатория магистра фармации Кротовского и доктора медицины Мостовланского (с 1929 г.), в Пинске – аптека К. и Б. Кимель (1932–1935 гг.) и Полесская аналитическая лаборатория (заведующий Б. Свидзинский), а в Барановичах – химико-бактериологическая лаборатория магистра фармации М. Ракова-Лондона. Причем все специалисты, проводившие анализы, прошли специальные бактериологические курсы в соответствующих учебных заведениях [12, с. 204].

Управляли аптеками лица с высшим фармацевтическим образованием, получившие его в дореволюционный период, а также в университетах 2-й Речи Посполитой (подготовку фармацевтических кадров осуществляли 5 университетов) [12, с. 204, 205]. По сравнению с количеством внебольничных аптек вдвое больше было аптечных складов [12, с. 218].

Следует подчеркнуть, что аптечные склады были открыты даже в таких малонаселенных пунктах как Оранчицы, где проживало всего лишь 145 человек, Ивацевичах – 222, Кривошине – 358 и др. В то же время отсутствовали аптеки и аптечные склады в Лунине с численностью жителей 1686, в Денисовичах – 1392, Бездеже – 1248 человек и др. [12, с. 217].

В межвоенный период на Брестчине действовали аптеки и аптечные склады в 45 городах и населенных пунктах, а с середины 1920-х годов создаются и фабрики по разливу газированных вод, в том числе минеральных.

Таблица 1. Количество внебольничных аптек, аптечных складов и фабрик по разливу газированных вод, в том числе минеральных, на территории современной Брестской области (1926, 1929) [12, с. 214–218].

Название воеводства	1926 год			1929 год		
	Количество предприятий			Количество предприятий		
	аптеки	аптечные склады	фабрики	аптеки	аптечные склады	фабрики
Новогрудское	8	11	-	12	17	10
Полесское	33	69	2	37	81	14
Итого:	41	80	2	49	98	24
	в т. ч.			в т. ч.		
	1 сельских	2 сельских		1 сельских	3 сельских	

Больше всего предприятий находилось в Полесском воеводстве.

Среди аптечных складов было 6 оптовых, 5 из них находились в Пинске. В Барановичах функционировало «Отделение лекарственных трав» – единственная травяная компания в восточном приграничье. Фирма не только продавала лекарственное и техническое сырьё отечественного и зарубежного производства, но и покупала растения у населения и предприятий. Она имела цеха для сушки и резки растений, и даже собственные плантации. Офис компании располагался на ул. Железнодорожной, 4 [12, с. 202].

Во второй половине 1920-х г. наибольшая численность населения была в Бресте над Бугом – свыше 30 тыс. человек, в Пинске – более 25 тыс., в Барановичах – около 12 тыс. и Кобрине – не менее 8 тыс. человек [12, с. 218].

Таблица 2. Перечень аптек и аптечных складов в Бресте над Бугом в 1929 году [10].

Адреса	Наименование аптечных предприятий, лаборатории
Ул. Домбровского (ныне ул. Советская).	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аптека Ракова Д., дом 46. 2. Аптека Гринберга, дом 107. 3. Апт.склад Шкутника А., дом 19. 4. Апт.склад Рабиновича Л., дом 20. 5. Аптечный склад Ельпера, дом 31. 6. Апт.склад Гельфанда Н., дом 37. 7. Апт.склад Циб Л., 109. 8. Апт.склад Омелинского И., дом 122. 9. Аналитико-химико-бактериологическая лаборатория магистра фармации Кротовского и доктора медицины Мостовланского, дом 29.
Ул. 3-го Мая (ныне ул. Пушкинская).	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аптека наследников Янковского, дом 22. 2. Аптека Саского Е., дом 38. 3. Апт.склад Таксина, дом 11. 4. Апт.склад Зильберштейна З., дом 21. 5. Апт.склад Френкеля, дом 15. 6. Апт.склад Фельдмана М., дом 17. 7. Апт.склад Кипермана М., дом 23. 8. Апт.склад Каллера О., дом 34. 9. Апт.склад Кандисбрата М., дом 50.
Ул. Ягиллонская (ныне пр. Машерова).	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аптека наследников Сухецкого, дом 16. 2. Апт.склад Кот Х., дом 32.
Ул. Тополева (ныне ул. 17-го сентября).	Аптека Кагана К., дом 31.
Ул. Стецкевича (ныне ул. Комсомольская).	Апт. склад Леберского М., дом 14.
Итого: 5 улиц	22 предприятия

Как и в былые времена, сохранилась традиция семейной преемственности в аптечном деле. Одна из самых продолжительных фармацевтических династий – это династия Сухецких (более 110 лет), родоначальником ее является Рафаил-Лев Станиславович Сухецкий. На протяжении 47 лет (1863–1910) владел и периодически управлял аптекой в Брест-Литовске. Аптека магистра фармации находилась на ул. Шоссейной №16 в собственном доме (ныне проспект Машерова, напротив ЦУМа). Продолжили семейное дело два его сына – провизоры Станислав и Казимир. В конце XIX в. старший сын имел аптеку в г. Минске, а Казимир с 1890 г. принял управление аптекой отца в Бресте.

В годы Первой мировой войны, возможно, семейство Сухецких жило в Польше [13]. После войны семья Станислава осталась в г. Плешеве Познаньского воеводства, там он имел свою аптеку [5], а семья Казимира Сухецкого возвратилась в Брест. Аптека возобновила работу на прежнем месте, но улица теперь имела название – Ягиллонская, как и сам город переименован в Брест-над-Бугом.

К. Сухецкий вел большую общественную работу: был гласным городской думы, председателем Полесского отделения Польского фармацевтического общества. К. Сухецкий умер 2 февраля 1927 года в возрасте 65 лет. Его могила находится на старинном католическом кладбище в Бресте. Владельцами аптеки стали его дочери, одна из них Анна с 1928 г. работала в аптеке в качестве аптекарской ученицы.

В середине 1920-х построено 2-хэтажное каменное здание: на первом этаже располагалась аптека, два магазина, аптечный склад, жилая комната для фармацевта, а на втором этаже – четыре жилые комнаты и кухня для семьи хозяина. В конце 1930-х произведена достройка и ремонт здания. Проекты, схемы и другие документы по переустройству здания находятся в фондах государственного архива по Брестской области [13].

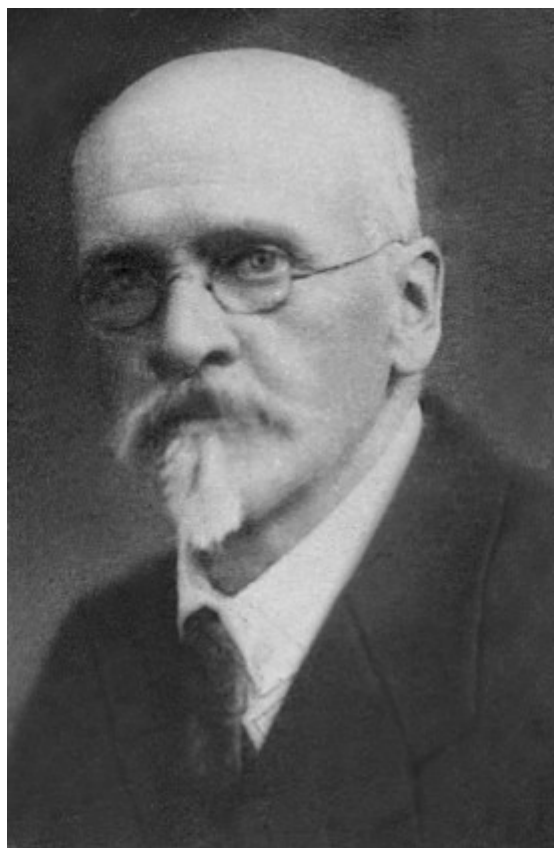

Рис. 1. Сухецкий Казимир (1862–1927)

После национализации аптек в 1940 г. бывшей аптеке наследников Сухецкого присвоен номер 3. В годы Великой Отечественной войны аптека функционировала, немецкими органами руководителем назначен В. Шварц. В должности рецептара аптеки работала Анна Рожанска (Сухецкая) [1].

Не менее интересна 100-летняя история семейного аптечного бизнеса Саских (Саски). Деятельность двоих из четырех его представителей связана с Брестом. Основателем династии является магистр фармации Теофил Саский – владелец аптеки в г. Варшаве (1838–1850-е г.). Бронислав Саский содержал аптеку в г. Кельце, где в начале 1890-х годов служил аптекарским учеником Ежи Саский. Е. Саский (1869–1939) открыл аптеку в Бресте в 1903 г., владел и управлял ею 30 лет. Собственного дома не было, жилые помещения и под аптеку арендовал, они находились в 2-хэтажном здании. В семье Саского было 4 детей. В годы Первой мировой войны семья находилась

в эвакуации в Харькове и Одессе, потом некоторое время проживала у родственников в Люблине. За годы войны семейное и аптечное имущество было разграблено. В 1920 г. на фронте погиб старший сын. Аптека Ежи Саского в 1936 г. обанкротилась, в 1937 г. с женой и дочерью переехали к другой дочери в местечко Двигози, Польша, где купили небольшую аптеку.

Второй сын Витольд по совету отца посвятил свою жизнь фармации. Будучи студентом Виленского университета проходил практику в аптеке отца, а после окончания учебы в 1933 г. здесь и работал, в 1938 г. назначен на должность фарминспектора Тарнопольского воеводства. Дальнейшая его жизнь была сложной. После Великой Отечественной войны он эмигрировал в США и внёс большой вклад в совершенствование фармацевтического образования страны. Всю свою трудовую жизнь, педагогическую и научную деятельность описал в книге «Через множество мостов», вышедшей в 1992 г. в Польше и США. Умер он в 2006 г. в г. Линкольн, США [14].

Малоизвестна фармацевтическая династия Осовских, один из представителей – Иван владел аптекой в Каменец-Литовске.

Провизор Иван Осовский (1880 г. р., Варшавское воеводство) получил это звание в Московском университете. До Первой мировой войны работал в трёх аптеках Варшавского воеводства. Потом был призван в ряды царской российской армии и управлял подвижной аптекой (1914–1917 гг.), служил в Красной армии (1918–1919 гг.). В декабре 1919 г. стал владельцем аптеки в имени Линевици, а в 1926 г. – аптекой в Каменец-Литовске, построенной отцом на ул. Рынок. Петр Осовский тоже имел фармацевтическое образование и все трое его детей пошли по его профессиональному пути. Средний сын Викентий работал по специальности в аптеках Польши и в 1939 г. эмигрировал в Румынию, а младшая дочь Уршуля содержала аптеку в одном из местечек Лодзинского воеводства. Иван Осовский с женой имели 4 детей. После прихода частей Красной армии в сентябре 1939 г. имущество И. Осовского было экспроприровано, а аптека национализирована, но он продолжил трудиться в ней в качестве рецептара. 29.04.1940 г. был арестован и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 25.05.1941 г. как социально-опасный элемент подлежал заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Но пришедшие в Каменец немецкие войска выпустили его из тюрьмы. В его доме в годы Великой Отечественной войны располагалась полиция. В июле 1944 г. он выехал вместе с отступающей немецкой армией. Реабилитирован 09.06.1989 г. В период оккупации в Каменце функционировал аптекарский магазин, возможно, управлял им И. Осовский [12, с. 223]. Здание бывшей аптеки И. Осовского сохранилось.

В Каменце на старинном кладбище есть могила Петра Осовского, на мраморной плите указано, что умер 01.10.1929 г. в возрасте 81 года.

В числе репрессированных до Великой Отечественной войны также были владельцы аптек, провизоры в Дрогичине (И. Ф. Павловский), Дивине (А. С. Флейшер) [12, с. 229], фармацевт аптеки в Бресте Я. Н. Гольдман [7, с. 183], провизор аптеки в Пинске И. А. Ильютрович [7, с. 256], оптик аптеки №3 в Пинске Ю. Ш. Милехман [7, с. 409], санитар аптеки в Кобрине С. А. Острометский [11, с. 9], владелец аптечного склада в Пинске Ш. Л. Айзенберг [11, с. 15], фармацевт аптеки №2 г. Барановичи С. Ф. Вальчак [11, с. 59], кассир аптеки Кобриня Р. И. Комаровская [11, с. 148], главный бухгалтер Брестского аптекоуправления Э. Ц. Кац [11, с. 189]. Перечисленные выше лица были реабилитированы в конце 1980-х – начале 1990-х.

В рассматриваемый период также занимались аптечным бизнесом и другие семьи. Например, в Бресте над Бугом владелец аптеки С. Гринберг (по образованию строитель) и его супруга – фармацевт Фаня [12, с. 226]; фармацевт Д. Раков и его сын, магистр фармации Гирш, в Пружанах – провизор В. Кривопише и его дети – Ванда и Стефан [12, с. 220]; в Лунинце – дочь владельца аптеки Ш. Гофштейна (не имел фармацевтического образования) – Азельрад [12, с. 222]; в Пинске – провизоры Н. Гринберг и его жена Фаня [12, с. 223], в Березе-Картузской – провизоры А. Собоцкий (отец) и сын Витольд [9] и др. семьи.

Рис. 2. Давид Раков (1882–1942 гг.)

Рис. 3. Гирш Раков (1909–1942 гг.)

Таким образом, в 1921–1939 гг. на Брестчине не прерывалась деятельность аптечных предприятий, но слабо развивалась аптечная сеть в сельской местности. Аптечные предприятия были разных форм собственности, продолжалась семейная преемственность в аптечном бизнесе. На территории отсутствовали учебные заведения по подготовке фармацевтов и фармацевтических заводов, но не наблюдался недостаток кадров и лекарственных препаратов в аптеках.

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 201. Оп. 1. Д. 6362. Л. 53.
2. Kalendarz Farmaceutyczny na rok 1931. – Warszawa, 1930. – S. 463.
3. Kalendarz Farmaceutyczny na rok 1935. – Warszawa, 1934. – S. 454.
4. Kalendarz Farmaceutyczny na rok 1932. – Warszawa, 1931. – S. 455.
5. Kalendarz Farmaceutyczny na rok 1924. – Warszawa, 1924. – S. 39.
6. Ханиш, Катажина. Организация государственного контроля аптечного дела во 2-ой Речи Посполитой Польши / К. Ханиш // Журнал ГрМУ. – 2008. – № 1. – С. 134–138.
7. Моряков, Л. Репрессированные медицинские и ветеринарные работники Беларуси. 1920 – 1960 гг. / Л. Моряков. – Минск, 2010. – 904 с.
8. Obwieszczenia Publiczne. – 1923. – S. 19.
9. Obwieszczenia Publiczne. – 1927. – S. 55.
10. Rocznik miasta Brzescia na rok 1930. – Brzesc nad Bugiem. – 1919. – S. 157.
11. Самовіч, У. В., Мелішкевіч У. У. Прысуд адменены. Частка 2 / У. В. Самовіч, У. У. Мелішкевіч. – Брэст, 1994. – 402 с.

12. Сосонкина, В. Ф. История фармации Беларуси / В. Ф. Сосонкина. – Минск, 2016. – 304 с.

13. Сосонкина, В. Ф. Аптекарского звания: малоизвестные факты о жизни и деятельности брестских фармацевтов / В. Ф. Сосонкина // Медицинский вестник. – 2021. – № 11. – С. 19.

14. Сосонкина, В. Ф. Аптекарского звания: малоизвестные факты о жизни и деятельности брестских фармацевтов / В. Ф. Сосонкина. // Медицинский вестник. – 2021. – № 14. – С. 18.

Шкрабина О. В.,

учёный секретарь государственного учреждения «Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж»

Захаванне беларускай нацыянальнай адукацыі і культуры на тэрыторыі Нясвіжскага павеата ва ўмовах польскага рэжыму 1920–30-х гг.

У 1920-я гады ў Заходняй Беларусі, якая знаходзілася пад уладай Польшчы, будучыня беларускай нацыянальнай культуры і адукацыі вызначалася двума ключавымі фактарамі: палітыкай польскіх улад і намаганнямі беларускіх педагогаў і актывістаў. У пачатку 1923 года ў Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах працавала шэсць беларускіх прыватных гімназій: у Вільні, Гарадку, Дзвінску, Навагрудку, Нясвіжы і Радашковічах. Да 1928 года колькасць беларускіх гімназій у гэтых ваяводствах скарацілася да чатырох (у Вільні, Радашковічах, Навагрудку і Клецку) з 25 гімназій, дзе навучалася 17,8 тысячы дзяцей.

Дзейнасць прыватных беларускіх школ рэгулявалася строгім парадкам. Для атрымання дазволу на працу школы на кожны навучальны год уладальнік або ўстанова, якая ўтрымлівала гімназію, павінны былі падаваць заяву ў школьны куратарыум, прыклаўшы спіс педагагічных кадраў. Куратарыум меў права адмовіць у допуску да выкладання “нядобранадзейным” настаўнікам. Гэтая працэдура праводзілася непасрэдна перад пачаткам навучальнага года, і адмова ў зацвярджэнні педагогаў, асабліва дырэктара, магла паралізаваць працу школы. Такая практыка прымянялася сістэматычна і мэтанакіравана. Фінансавы стан беларускіх прыватных гімназій найпрост залежаў ад платы за навучанне, якая была дастаткова высокай.

Напрыклад, Віленская беларуская гімназія, адна з самых значных устаноў на той час, хоць і давала магчымасць атрымаць адукацыю на роднай мове, была даступная не кожнаму. У 1928/1929 гадах навучанне там каштавала ад 20 да 110 злотых за год, у залежнасці ад класа. Плюс да гэтага, кожны абітурыент мусіў заплаціць 10 злотых у канцылярыю. Гэта былі немалыя грошы, калі ўлічыць, што за карову трэба было выкласці каля 100 злотых.

Другая знакамітая беларуская гімназія на тэрыторыі Заходняй Беларусі знаходзілася ў Нясвіжы і была заснавана ў 1921 годзе на базе былой рускай жаночай гімназіі, дазвол на яе меў Георгій Жаўнеркевіч. З-за праблем з памяшканнем заняткі пачаліся з вялікім спазненнем і праводзіліся нерэгулярна ў тры змены. Мясцовыя беларусы прадастаўлялі памяшканні для навучання ў сваіх дамах. Такім чынам, гімназія праіснавала легальна два гады, а потым яшчэ адзін год нелегальна.

Адкрыццё беларускай гімназіі не спадабалася польскім уладам і мясцоваму польскаму насельніцтву, а таксама кіраўніцтву рускай мужчынскай гімназіі, дзе большасць вучняў былі беларусы. У 1922 годзе больш за 50 вучняў старэйшых класаў польскай гімназіі падалі заявы аб пераходзе ў беларускую. Каб супрацьстаяць беларускай і рускай гімназіям, польскія ўлады далі рускай гімназіі статус дзяржаўнай школы з фінансавай падтрымкай. Але беларускія бацькі і іх дзеці ўсё роўна імкнуліся да роднай школы.

У беларускую гімназію забаранялі прымаць дзяцей не беларусаў і беларусаў-католікаў. Не дазвалялася таксама перарабіць гімназію з жаночай у змешаную. У выніку, мясцовая адміністрацыя адмовіла Жаўнеркевічу ў выдачы ліцэнзіі на 1923/1924 навучальны год. Школу закрылі пад падставай таго, што беларусам не патрэбна беларуская школа, узровень выкладання нізкі і няма памяшкання. Нягледзячы на гэта, бацькі падалі 150 заяваў, што давала падставу змагацца за адкрыццё школы ў наступным навучальным годзе. Настаўнікі нелегальна арганізоўвалі заняткі па групам у сваіх кватэрах.

Выкладанне вялося па гімназічнай праграме, выкладаліся ўсе агульнаадукацыйныя прадметы, беларускую мову ў старэйшых класах, спевы і фізкультуру вёў Язэп Шнаркевіч. Нямецкую мову выкладала Ніна Счанснoвіч, польскую мову – Смоліч, рэлігію для праваслаўных – святар Ланскай царквы Валасовіч, маляванне і ручную працу – М. Андрыеўская, беларусазнаўства – Рыгор Якубёнак, гісторыю, геаграфію і беларускую мову – Ганна Малойла. Пры гімназіі працавалі тэатральны гурток і хор, якія ладзілі беларускія вечары з пастаноўкамі п'ес Я. Купалы, Ф. Алехновіча, народнымі песнямі і чытаннем вершаў беларускіх паэтаў.

Працаваць было вельмі цяжка, не хапала падручнікаў на беларускай мове. Плата за навучанне часта бралася збожжам, мукой, дрoвамі, а малазабяспечаныя вучні зусім вызваляліся ад платы. Тым не менш, ім удалося знайсці новае памяшканне, сфарміраваць выкладчыцкі склад і пачаць уступныя іспыты. Здавалася, што гімназія хутка пачне працаваць у звычайным рэжыме. У той самы момант, калі арганізацыйныя працы набліжаліся да завяршэння, Язэпа Шнаркевіча выклікалі ў Нясвіжскую павятовую ўправу, дзе абвінавацілі ў варожасці да польскай дзяржавы і існуючых парадкаў. На гэтай падставе яму не толькі адмовілі ў канцэсіі, але і забаранілі выкладаць у вучылішчы. Знаходзіцца ў прыгранічнай зоне з такім статусам сапраўды было рызыкаўна. Арышт мог адбыцца ў любы момант. Найлепшым рашэннем у дадзенай сітуацыі ўяўлялася з'ехаць углыб краіны. Такім чынам, намеры польскіх дзяржаўных чыноўнікаў сталі зусім відавочнымі. Выдаліўшы Шнаркевіча са школы, яны імкнуліся ліквідаваць стойкага абаронцу і спадзяваліся паставіць гімназію ў складанае становішча, што магло прывесці да яе самаразбурэння. Аднак улады памыліліся ў сваіх разліках.

Язэп Шнаркевіч сапраўды быў самым энергічным, але не адзіным беларускім настаўнікам. Побач з ім працавалі такія патрыёты, як Вячаслаў Арэнь, Ганна Малойла, Рыгор Якубёнак і Антон Якімовіч. Найбольш важным было тое, што за іх ініцыятывамi стаяла падтрымка насельніцтва. Пад ціскам шматлікіх дэлегацый ад бацькоў вучняў школьны куратар быў вымушаны даць згоду на адкрыццё ў Клецку 1–4 класаў гімназіі

з магчымасцю паэтапнага пашырэння да 8 класаў уключна. Дазвол на адкрыццё школы быў выдадзены Я. Шнаркевічу, які падпісаў дамову з жыхаром Клецка на арэнду памяшкання, дзе раней размяшчалася прыватная польская школа. Так была спынена дзейнасць Нясвіжскай беларускай гімназіі.

Клецкая гімназія, заснаваная ў 1924 годзе, працягнула традыцыі беларускай педагагічнай адукацыі. Канцэсія на яе адкрыццё была атрымана Антонам Якімовічам, жыхаром Клецка. Гімназія пачала сваю працу пасля працяглых перамоваў з уладамі, і толькі дзякуючы падтрымцы буйнога віленскага прадпрымальніка Дземідовіча, які стаў мецэнатам і гарантыяй яе функцыянавання. Дырэктарам гімназіі быў прызначаны Р. Якубёнак.

Заняткі стартвалі 1 верасня 1925 г., у 1–4 класах навучаліся 58 дзяцей, сярод якіх былі і тыя, хто пераехаў з Нясвіжа для працягу вучобы. У асноўным навучэнцы прадстаўлялі розныя сацыяльныя пласты з навакольных вёсак Клецка і Нясвіжскага павета. У навучальным годзе 1925/1926 г. колькасць вучняў узрасла да 78, а ў падрыхтоўчым класе навучаліся 20 дзяцей, у тым ліку з Баранавіцкага і Гарадзейскага паветаў Навагрудскага ваяводства. У 1928/1929 навучальным годзе гімназія выпусціла першых выпускнікоў – 16 чалавек з 180 навучэнцаў.

Найбольшая колькасць вучняў была зафіксавана ў навучальным годзе 1929/1930, калі ў трох беларускіх гімназіях (Віленскай, Клецкай і Навагрудскай) навучалася 400 дзяцей, з якіх 160 – у Клецкай гімназіі. У апошнія гады свайго існавання (1928–1931 гг.) колькасць навучэнцаў вагалася ад 190 да 200. За ўсю гісторыю гімназіі адбылося тры выпускі, у якіх прынялі ўдзел 46 чалавек. Для маламаёмасных дзяцей пры гімназіі былі адкрыты тры інтэрнаты, дзе арганізоўвалася бясплатнае гарачае харчаванне адзін раз у дзень. Гэтыя дзеці вызваліліся ад платы за навучанне і забяспечваліся абуткам і адзеннем. Фінансавую дапамогу часта аказвалі заможныя беларусы і мясцовыя сяляне. Гімназія мела бібліятэку, у якой знаходзілася навуковая, грамадска-палітычная і мастацкая літаратура на беларускай, рускай і польскай мовах.

У 1925 годзе ў гімназіі быў створаны гурток ТБШ, на паседжаннях якога абмяркоўваліся творы беларускіх аўтараў і праводзіліся дыскусіі. Навучэнцы публікавалі свае працы ў часопісе “Шлях моладзі” ў Вільні і вялі рукапісны часопіс “Вучнеўскі звон”. З мэтай прапаганды беларускай нацыянальнай мастацкай культуры быў створаны гімназічны калектыў мастацкай самадзейнасці, які налічвае 60 чалавек, а ў 1928 годзе – струнны аркестр з 50 удзельнікаў. Самадзейныя артысты ставілі п’есы, такія як “Паўлінка” Я. Купалы, “Пінская шляхта” Дуніна-Марцінкевіча і “Модны шляхціч” К. Каганца.

Дэмакратычны падыход да вучэбна-выхаваўчага працэсу садзейнічаў росту аўтарытэту гімназіі ў Заходняй Беларусі. Педагогі былі сапраўднымі прафесіяналамі сваёй справы і клапаціліся пра сваіх вучняў. Дырэктар Р. Якубёнак працаваў 36 гадзін у тыдзень, асвоіў сталярную справу і сам рамантаваў школьныя памяшканні і інвентар. Актыўная навучальная і культурная дзейнасць гімназіі выклікала насцярожанасць у паліцыі і службаў бяспекі Нясвіжскага староства, што прывяло да ўзмацнення паліцэйскага кантролю за мерапрыемствамі. У 1931 годзе гімназія была зачынена па дэкрэце прэзідэнта. Кіраўніцтва гімназіі звярнулася ў Варшаву з просьбай адмяніць дэкрэт, але яно было адхілена. Маёмасць гімназіі была перададзена польскім школам, а сродкі – у фонд ТБШ, бібліятэка ж была перададзена Віленскай беларускай гімназіі.

Беларускія актывісты, разумеючы важнасць адукацыі для захавання нацыянальнай ідэнтычнасці, прыкладалі значныя намаганні для падтрымкі беларускіх школ.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, беларускія гімназіі працягвалі сваю працу, застаючыся важнымі цэнтрамі беларускай культуры і адукацыі. Яны выхавалі новае пакаленне беларускай інтэлігенцыі, якая ў будучыні адыграла значную ролю ў нацыянальна-вызваленчым руху. Беларускія школы ў Заходняй Беларусі сталі сімвалам супраціўлення паланізацыі і барацьбы за захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці.

Лявонавіцкі хор і тэатр утварыліся яшчэ ў 1926 годзе, калі ў родную вёску прыехаў пасля заканчэння беларускіх настаўніцкіх курсаў з Вільні Сяргей Міхайлавіч Новік. Ён і стаў яго заснавальнікам і першым кіраўніком, малады чалавек з творчай душой, які навучаўся ў Нясвіжскай рускай гімназіі і на беларускіх курсах павышэння кваліфікацыі настаўнікаў у Вільні.

Сяргей Новік-Пяюн – знакавая асоба для культуры не толькі Нясвіжчыны, але і ўсёй Беларусі – пачаў выступаць з вершамі ў віленскіх газетах і часопісах з 1925 года. Найбольш актыўна супрацоўнічаў з дзіцячым часопісам «Заранка», займаўся яго афармленнем. Акрамя таго, захапіўся драматургіяй. Асобнымі выданнямі выйшлі яго п’есы «Цудоўная ноч» і «Елка Дзеда Мароза» (абедзве ў 1927), «Прадка пад крыжам» (1939). Напісаў больш за 100 песень, некаторыя з іх сталі народнымі. Найбольш папулярныя «Зорачкі» і «Над Шчарай» («Слонімскі вальс»). Песня «Зорачкі» нарадзілася пад час ссылкі ў Памор’і. Сам тэкст пад назвай «На выгнанні» быў пазней надрукаваны ў газеце «Беларуская крыніца». Гэты верш быў перакладзены на рускую, украінскую і польскую мовы. Заспявалі «Зорачкі» спачатку ў Лявонавічах, потым па ўсёй Заходняй Беларусі. Сваёй потым стала песня і ў вязняў фашысцкіх канцлагаў. Больш таго, такі знаўца народнай творчасці, як Рыгор Шырма, палічыў «Зорачкі» песняй паланянак з Германіі і апублікаваў яе як народную пасля вайны ў часопісе «Беларусь».

Да яго літаратурнага псеўданіма – Новік-Пяюн – спрычыніўся сам Янка Купала, хоць і ранейшы быў артыстычны, інтрыгуючы – Малады Дзядок. Потым Пяюн. Яны пазнаёміліся ў Слоніме, перад вайной. Купала пахваліў верш маладога паэта, паглядзеў на подпіс – Сяргей Пяюн. І прапанаваў аб’яднаць сапраўднае імя і псеўданім, сказаўшы, што Новік-Пяюн будзе лепш, гучней. Дапоўненае імя, аднак, не мяняла сутнасці паэта, музыканта, мастака, краязнаўцы, эсперантыста. Будзь то Малады Дзядок ці Новік-Пяюн, пры ўсіх уладах (польскай, фашысцкай, савецкай) ён заставаўся гэтакім «злачынцам». Сам ён, можа быць, ніколі і не пярэчыў, але любіў паўтараць адно: «Калі мая любоў да Радзімы – злачынства, то я першы злачынец». У выніку несучасная справаздача аб лёсе: дэпартацыі, прымусовыя селішчы, турмы і лагеры, праведзеныя марна 25 гадоў жыцця.

Новік-Пяюн не раз успамінаў, як дружна ўзяліся сяляне за справу. І ўжо праз месяц чатырохгалосы хор выступаў перад сялянамі вёскі Лявоновічы і суседніх вёсак. З кожнай рэпетыцыяй узбагачаўся рэпертуар, усё больш зладжана гучалі галасы. Калі харыстаў сабралася 17 чалавек, вырашылі стварыць свой Лявонавіцкі беларускі тэатр. П’есы Сяргей Міхайлавіч прывез з Вільні. 18 ліпеня 1926 г. адбыўся першы беларускі спектакль, і гэты дзень лічыцца датай заснавання Лявонавіцкага тэатра.

Аднак неўзабаве кіраўнік хору С. М. Новік-Пяюн за культурна-асветніцкую работу быў арыштаваны і высланы на пяць гадоў на Памор’е. Пасля вяртання зноў арыштаваны і высланы пад нагляд паліцыі ў Слонім.

У 1933 годзе лявонаўцы вырашылі будаваць народны дом. З дапамогай падпіснога ліста сабралі грошы. Закіпела праца. Галоўным “архітэктарам” стаў Васіль Бянько, моцны і вясёлы чалавек, які працаваў у сваёй кузні і часта спяваў чыстым прыгожым тэнарам. Пад ягоным кіраўніцтвам і скончылі будаўніцтва. Праўда, улады не дазволілі

назваць яго народным. Прышлося павесіць шыльду: «Святліца». Песень у рэпертуары дадалося: выконвалі «Люблю наш край», «Чаму ж мне не пець», «Зорка Венера», рускія і польскія народныя песні. Для ўсыплення пільнасці паліцыі хор лічыўся пажарнай аховай. Апроч народных песень спявалі і песні відавочна рэвалюцыйнага зместу. Была створана мясцовая сярэдняя школа, бібліятэка, гурток ТБШ.

За час свайго існавання (1926–1936) тэатральны калектыў ажыццявіў пастаноўку больш 20 п'ес. Гэта «Апошняя спатанне», «Птушка шчасця», «Збянтэжаны Саўка», «Генеральная раэтыцыя», «Мікітаў лапаць», «Модны шляхціч», «Паўлінка», «Дзядзька прыехаў», «Пярэстая красуля», «Лекары і лекі» і многія іншыя. Спектаклі адбываліся ў так званым «магазыне», куды некалі сяляне сыпалі збожжа на выпадак засухі.

Тэатр выязджаў са спектаклямі ў в. Лань і г. Клецк. У спектаклях прымалі ўдзел аркестр пад кіраўніцтвам П. Ф. Казака і Лявонавіцкі народны хор. Паглядзець выступленні прыходзілі не толькі з Лявонавіч, але і з навакольных вёсак, аб спектаклях пісалі віленскія беларускія газеты. Многія з удзельнікаў тэатра таксама цудоўна спявалі, ігралі на скрыпцы, самі рыхтавалі дэкарацыі. Усе удзельнікі тэатра самаахвярна, безкарысна працавалі, неслі родную культуру людзям, праводзілі вялікую культурна-асветніцкую работу, будзілі свядомасць у народзе.

Калі гаварыць аб гульнях і забавах вясковага насельніцтва Нясвіжчыны, то ва ўсе часы, нават нягледзячы на жыццёвыя цяжкасці, сяляне ўмелі добра бавіць вольны час і адзначаць рэлігійныя святы. У Заходняй Беларусі аж да 30-х гадоў XX стагоддзя было шырока распаўсюджана мастацтва народнай драмы, так званай батлейкі. Аднак у Нясвіжскім павеце яно мела істотныя адрозненні ад пастановак гэтага жанру ў іншых раёнах Беларусі. Нават назва жанру гучала не «батлейка», а «батлея». У кнізе «Музы Нясвіжа» аўтар К. Я. Шышыгіна прыводзіць аповяд жыхаркі вёскі Казлы Ганны Іванаўны Яраш, якая змагла аднавіць па памяці сутнасць драмы, якая ставілася ў Казлах і навакольных вёсках. Яе апавяданне, паводле Шышыгінай, гучала так: «У батлеі ўдзельнічалі людзі, а не лялькі. Адны толькі мужчыны. Пераапрунуты хлопец быў за каралеву. Ён быў тоненькі, у вэлюме, гаварыў тоненькім галаском. Батлею паказвалі на Каляды. Зойдуць у якое-небудзь сяло, знойдуць вялікую хату, крэсла-трон і потым з кухні выходзяць па адным.., а сыходзяць ужо ў іншыя дзверы».

У казлоўскім варыянце пастановак сувязь з традыцыямі батлейкі праглядалася больш, чым у іншых месцах. Назва «батлея» падкрэслівала ўзаемасувязь тэатра жывога акцёра і тэатра лялек. Агульнымі тут былі фальклорныя традыцыі, народныя абрады і гумар. Вельмі падобныя па дзеяннях і сэнсе паказу паказвалі ў 20-я гады і жыхары вёскі Гусакі. Пастаноўкі заўсёды заканчваліся пажаданнем «добрых ураджаю і намалоту: каб было па «дзесяць пудоў з капы». Гэтае пажаданне звязвала пастаноўкі з каляднай абраднасцю.

Асаблівасцю культурнай традыцыі жыхароў Нясвіжчыны азначанага перыяда з'яўляецца арыентаванасць часткі насельніцтва, маладосць якой прыпала на даваенныя гады, на тэматыку твораў нацыянальнай самасвядомасці, нацыянальна-вызваленчага руха, нацыянальнай культурна-асветніцкай працы. На Нясвіжчыне захапляліся рэвалюцыйнымі песнямі, песнямі самадзейных беларускіх паэтаў і кампазітараў. Паводле сведчанняў Ганны Верамейчык і Феафані Худніцкай з в. Высокая Ліпа ў маладосці яны пелі песню «Ад веку мы спалі» і шэраг іншых.

Ад веку мы спалі і нас разбудзілі,
Сказалі, што трэба рабіць,
Што трэба свабоды, зямлі чалавеку,

Што трэба зладзеяў пабіць...

Смяюцца над намі багатыя людзі,

Здаецца, панамі іх зваць,

Мы доўга цярпелі, цярпець больш ня будзем

І пойдзем мы долі шукаць.

Спадзяванне на адраджэнне самастойнай незалежнасці Бацькаўшчыны, дзе беларус будзе гаспадаром сваёй зямлі, сваёй спрадвечнай спадчыны ды ўсведамленне неабходнасці нацыянальна-вызваленчай барацьбы жывіла натхненне паэтаў, хоць не усім ім пашчасціла стаць вядомымі. Там жа, у в. Вялікая Ліпа, запісана калыханка літаратурнага паходжання:

...– Спі, мой сынку, спі, маленькі,

Спі, мой родны сын,

Спі, мой мілы, даражэнькі,

Ты ў мяне адзін.

Барацьбіт будзеш за волю

І за родны край,

Што радзіўся беларусам,

Сынку, памятай.

Такім чынам, у 1920–1930-я гады беларускі народ у Заходняй Беларусі, якая апынулася пад польскай акупацыяй, сутыкнуўся з палітыкай паланізацыі, накіраванай на прыгнечанне беларускай культуры і мовы. Гэта выклікала супраціўленне і барацьбу за захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці.

Беларускае насельніцтва Нясвіжчыны, нягледзячы на рэпрэсіі, супраціўлялася палітыцы паланізацыі, арганізоўвала беларускія гімназі і падпольныя школы, гурткі і грамадствы для захавання беларускай культуры і мовы. Барацьба за беларускую культуру ў перыяд польскай акупацыі аказала значны ўплыў на фарміраванне нацыянальнай свядомасці беларускага народа Нясвіжчыны і яго імкненне да самавызначэння. Гэтае супраціўленне стала важнай часткай беларускай гісторыі і адыграла ролю ў фарміраванні сучаснай беларускай дзяржаўнасці.

Крыніцы і літаратура:

1. Блінец, А. Язэп Шнаркевіч – стваральнік Нясвіжскай беларускай гімназіі / Андрэй Блінец. //Нясвіжскія каеты. Краязнаўчы, гістарычна-літаратурны часопіс (электронны рэсурс). – 2019. – №1 – С. 32–34.

2. Новік-Пяюн, С. Гісторыя Нясвіжска-Клецкай беларускай гімназіі / С. Новік-Пяюн // Настаўніцкая газета. – 1995.

3.Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Нясвіжскага раёна // Рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал.рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 567–568.

4.. Плакса, Н. Зорачкі над Лявонавічамі / Наталля Плакса // Нясвіжскія навіны. – 2016. – № 96.— С.4

5. Улейчик, Н. Л. Белорусская национальная школа Западной Беларуси как фактор консолидации нации и развития национального самосознания в межвоенный период «Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемаадзеянне і ўзаемааўплывы» [тэкст] : зборнік навуковых артыкулаў / рэд.кал.: Р. Р. Лазько (галоўны рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – С. 158–160.

6. Шышыгіна К. Я. Музы Нясвіжа / К. Я. Шышыгіна. – Минск : Полымя, 1986. – 139 с.
7. Яраш, А. У Казлах умелі цікава адпачываць / Анатоль Яраш // Нясвіжскія навіны. – 2017. – С. 5.

Гринчук С. А.,

старший инспектор Брестской таможи

67 фонд Государственного архива Брестской области – важный источник информации по партизанскому движению в Западной Беларуси в 1921–1923 гг.

В Государственном архиве Брестской области (ГАБО) находится значительное количество важной и необработанной информации по теме «Партизанское движение в Западной Беларуси против польских властей в 1921–1923 гг.». Особенно, большой интерес вызывает 67 фонд ГАБО. Следует отметить, что партизанское движение не может существовать без подполья. И очевидным недостатком историографии является игнорирование данного вопроса, в то время как в государственных архивах существует огромный массив документов, которые отражают создание и существование такого центра в Западной Беларуси как большевистской направленности, так и эсеровско-бенеэровской [7, с. 228]. В данном докладе подробно описываются участники подпольной группы, руководителем которой являлся в начале 1920-х гг. Герман Шиманюк. Содержатся сведения об организации, целях, деятельности данной группы, контактах Г. Шиманюка с руководителем IV повстанческой группы Вячеславом Разумовичем (Хмарой) и литовским правительством, разгроме данной организации и переходе Г. Шиманюка и членов его группы к партизанской борьбе. Весьма значимы и аналитические материалы польских спецслужб, позволяющие сделать выводы о причинах недовольства действиями польских властей местным населением. В целом можно отметить, что огромный пласт информации по данной теме, содержащийся в Государственном архиве Брестской области требует активного исследования и систематизации, что позволит сделать объективные и научно-аргументированные выводы.

Ключевые слова: Государственный архив Брестской области, 67 фонд ГАБО, партизанское движение в Западной Беларуси, Г. Шиманюк, В. Разумович (Хмара), аналитические материалы польских спецслужб.

Одним из самых крупных массивов документов по истории межвоенной Польши и её северо-восточных земель обладает Государственный архив Брестской области в г. Бресте (Беларусь) [1, с. 263]. Значительный объем информации по данному периоду, в том числе по партизанскому движению в Западной Беларуси против польских властей в 1921–1923 гг., содержится в 67 фонде ГАБО.

Следует отметить, что согласно архивным источникам существовало два течения

антипольского партизанского сопротивления: направляемое из Москвы и Минска просоветское и эсэро-бэнэеровское. Основным оперативным районом отрядов, которых курировали Минск и Москва, служила восточная часть Полесского и Южная часть Новогрудского воеводств. Отряды, которые находились под влиянием Белорусской Партии Социалистов-Революционеров (БПСР) и Белорусской революционной организации (БРО) действовали в районе Беловежской пуши, в Волковысском и Гродненском поветах. В этих районах наблюдалась значительная активность партизан и подпольщиков [2, с. 117–119].

С помощью архивных источников можно воссоздать структуру, созданной белорусскими эсерами, подпольной повстанческой организации в Бельском повете, руководство которой осуществлял Г. Шиманюк: 1. От Гайновки до гмины Влосинки (руководил А. Томашук); 2. От Верховичей до гмины Орля – К. Бартошук (псевдоним «Чайка»); 3. Округа Гродзиско – Д. Леонюк (псевдоним «Железная рука»); 4. Округ Витово – Е. Иванюк (псевдоним «Лес») [2, с. 117–119].

Важное значение имеет информация о деятельности А. Томашука (заместителя Шиманюка), который выполнял наиболее ответственные поручения Г. Шиманюка. Андрей Томашук вступил в подпольную повстанческую антипольскую организацию «Братство крестьян-белорусов» и «Скоморох» оказывал ему всяческое доверие. Изначально, главной задачей Андрея Томашука была агитационная работа. Именно, Андрей Томашук завербовал видных деятелей повстанцев Сахарчука Ю. и Тарасевича Н. [3, с. 13].

Архивные источники позволяют раскрыть и цели восставших и их союзников. Так во время одной из поездок в Ковно Г. Шиманюк и его непосредственный руководитель В. Разумович (руководитель IV группы повстанцев) сумели заключить соглашение и с большевиками. Согласно, данному соглашению, РСФСР обязалась признать Белорусскую республику, которая должна была быть создана на демократических основах в результате восстания. Представители РСФСР обещали начать военные действия против Польши. В свою очередь В. Разумович и Г. Шиманюк должны были организовать полномасштабное восстание против польских властей на территории Западной Беларуси. Поддержать это выступление планировали и вооружённые силы Литвы. Восстание планировалось организовать 8 мая 1922 г., тогда же советские войска должны были начать военные действия против польской армии [3, с. 13].

Деньги на цели восстания против польских властей в Западной Беларуси поступали от Германии и Литвы и распределялись между руководителями повстанческих групп. Значительную часть финансовых средств получал В. Разумович, передавая в свою очередь их подконтрольным ему структурам, в частности после возвращения из Ковно в феврале 1922 г. он передал Г. Шиманюку 200000 марок. При этом, В. Разумович оказывал финансовую помощь и «зелёнодубцам», что подтверждает координацию их действий. Но, не только активная деятельность, созданных БПСР подпольных структур (именно член партии БПСР В. Масловская вместе с завербованным её Г. Шиманюком создала организацию «Братство крестьян-белорусов»), членов организации «Зелёный Дуб» и государств, заинтересованных в ослаблении Польши способствовало росту антипольского движения в Западной Беларуси. Сами польские власти, как отмечают сотрудники дефензивы своими неправомерными действиями и коррумпированностью вызывали недовольство местного населения, что активно использовали как литовские, так и советские, и немецкие спецслужбы, заинтересованные в ослаблении Польши [4, с. 5].

Согласно архивным данным, повстанцы состояли из представителей разных слоёв белорусского общества, начиная от крестьян, интеллигенции, духовенства и заканчивая представителями дворянства. При этом, документальные источники позволяют сделать вывод о доминировании крестьянского элемента в социальной структуре повстанцев и подпольщиков.

Вооружение поступало повстанцам из Литвы и Германии. Частично отряды были вооружены оружием, оставшемся после Первой мировой и советско-польских войны. В некоторых поветах повстанцы имели собственные склады оружия, амуниции и взрывчатых веществ, за которыми постоянно присматривали. Партизаны были вооружены карабинами, винтовками, револьверами разных систем, в наличии имелись гранаты и динамит [5, с. 4; 6, с.7].

Как свидетельствуют архивные источники, восстание в Западной Беларуси не состоялась по причине активной деятельности полиции и дефензифы. Данные польские спецслужбы активно использовали агентов для разгрома повстанческих структур [4, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что сведения, полученные из 67 фонда Государственного архива Брестской области позволяют воссоздать структуру партизанского движения в Бельском повете против польских властей в 1921–1923 гг., раскрыть цели повстанцев и их союзников, сделать выводы о причинах, которые не позволили членам Братства крестьян-белорусов и другим подпольщикам организовать крупномасштабное восстание против польских властей.

Источники и литература:

1. Вабищевич, А. Документы Государственного архива Брестской области как источники по истории Польши периода между Первой и Второй мировыми войнами [Электронный ресурс] // URL : <https://brsu.by>. (дата обращения 5 марта 2023 г.) – С. 263–267.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 264. – С. 117–119.
3. ДАБВ. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 297. – С. 13
4. ДАБВ. – Ф. 67. Воп. 4. Спр. 28. – С. 30–31.
5. ДАБВ. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 327. – С. 4–5.
6. ДАБВ. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 294. – С. 7.
7. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921-1939 гадоў : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2019. – 394 с.

Концлагерь «Берёза-Картузская» – место ссылки неудобных польскому режиму

Согласно Рижскому мирному договору, заключённому 18 марта 1921 г. между Россией и буржуазной Польшей, белорусские земли площадью в 82 тыс. км² с населением 2,6млн. человек вошли в состав польского государства. Белоруссия оказалась разделенной на 2 части. На западных землях, составлявших почти половину всей этнической территории Белоруссии, утвердилась власть польских помещиков и буржуазии, которые насаждали жестокий оккупационный режим, беспощадно эксплуатировала рабочих и крестьян. Польские власти не признавали термин «Западная Белоруссия», именуя эти земли «кресы восточне» (восточные окраины), рассматривали их как бесперспективный сырьевой придаток, тормозили развитие хозяйственной жизни, сокращали и без того слаборазвитое промышленное производство.

Поводом для создания лагеря стало убийство 15 июня 1934 г. министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, известного своими антиукраинскими настроениями. Исполнителем теракта был боевик Организации украинских националистов (ОУН) Григорий Мацейко.

Польские власти отреагировали крайне оперативно – 17 июня 1934 г. президент речи Посполитой Игнацы Мосьцицкий подписал распоряжение «по вопросу о лицах, угрожающих безопасности, покою и общественному порядку». Кроме него документ заверили еще 11 министров польского правительства, включая Юзефа Пилсудского.

Первая статья этого распоряжения гласила: «Лица, деятельность либо намерения которых дают основание допускать, что с их стороны грозит нарушение безопасности, покоя либо общественного порядка, могут подлежать задержанию и принудительному помещению в место изоляции, не предназначенное для лиц, подозреваемых либо арестованных в связи с преступлениями».

Решение об изоляции людей должны были принимать общегражданские администрации – не требовалось никакого судебного приговора. Причем это решение не могло быть обжаловано. Оговаривалось, что срок изоляции может достигать трёх месяцев и затем продлеваться еще на три месяца. Изолированные могли привлекаться к работе. Примечательно, что необходимость этих антиконституционных действий обосновывалась ссылкой на тогдашнюю польскую Конституцию. Комментируя решение о создании концлагеря, премьер-министр Польши Леон Козловский в интервью информагентству «Искра» признавал: «Места изоляции будут иметь очень тяжелый, суровый режим и не будут ничем иным, как только орудием суровой и карающей руки государства».

Местом для первого такого «лагеря изоляции» (польск. «obóz odosobnienia») была выбрана Берёза-Картузская.

6 июля 1934 г. в 20 часов в Берёза-Картузский концлагерь прибыли из Кракова

первые заключенные: польские националисты Антоний Грембош и Адольф-Болеслав Свидерский, которые получили соответственно первый и второй лагерные номера. В 21 час прибыли три коммунисты из Новогрудского воеводства: Любчанский Янкель, Багель Максим и Волько Михайло. За две недели в лагере уже было 200 заключенных.

Сложились следующие категории заключенных:

- политические (коммунисты Западной Белоруссии, Западной Украины и Польши, оуновцы (организация украинских националистов) и эндеки (национал-демократическая партия Польши);

- криминальные элементы;

- за экономические преступления.

Национальный состав заключенных: украинцы, белорусы, поляки, евреи, литовцы, немцы, чехи.

Курировал работу лагеря полесский воевода полковник Вацлав Костэк-Бернацкий, известный садистскими наклонностями. Первым комендантом лагеря стал Болеслав Греффнер из Познани, его заместителем – В. Скрентовский, шеф-комендантом охранной роты – некто Грабовский. 1 декабря 1934 г. Греффнера сменил в должности Юзеф Камаля-Курганский, его заместителем был Станислав Януш, а комендантом охранной роты назначен Петр Яжецкий (с 1938 г. – Здислав Фаличевский). Количество полицейских варьировалось от 64 в 1935 г. до более 130 в начале 1939 г. Второй комендант лагеря Камаля-Курганский отличался изощренным садизмом. Именно ему принадлежит идея использовать уголовников, чтобы терроризировать политических заключенных. Лагерь «Берза-Картузская» был рассчитан на то, чтобы подавлять заключенных и морально, и физически. Лагерную практику Греффнер цинично охарактеризовал: «Из Берёзы можно выйти только на собственные похороны либо в дом умалишённых».

Из воспоминаний бывшего узника И. Г. Колесникова:

«В концлагере говорили, что в 1934 г. Камаля-Курганский сжигал украинские деревни, был организатором прославленной пацификации. За это Камаля-Курганского ценили в санационных кругах. Поэтому его направили в Берёзу после того, когда скомпрометировал себя ранее бывший инспектор лагеря Греффнер, открытый сторонник гитлеровских методов издевательств над коммунистами». Интересную классификацию полицейских сделал бывший узник С. О. Кунцевич: «Пытель – проходил специальную школу, работал в органах госбезопасности Польши, отличался жестокостью. Малецкий был разьюшанным катом, участник убийства нашего товарища Германицкого, религиозным фанатиком. Говорили о нем, что он позже изменился до неузнаваемости, перестал избивать узников, якобы под влиянием того, что у него умерли две малолетние дочери. Ленчковский – самый свирепый кат. Молодой, рослый, крепкий, при побоях доходил до бешенства. Солецкий – бил без пощады, этим, видимо, удовлетворялся как садист...»

Среди других палачей Берёзы-Картузской, отличавшихся особой жестокостью, Кунцевич называет полицейских Птрухневича, Надольского, Бернуцяка, Томака, Ковальского, Сольского, Марцинкевича.

Самойлович Степан Степанович (род. в 1912 г.) (фото 1) – уроженец д. Хорево Пружанского района. Секретарь Пружанского райкомакомсомола. За коммунистическую деятельность в 1934 г. был приговорен к 4 годам строгого тюремного заключения. В январе 1936 г. был амнистирован, но через 3 месяца снова арестован и направлен в концлагерь в Берёзу-Картузскую, где находился до мая 1937 г. Являлся депутатом

Фото 1. Самойлович Степан Степанович

Народного собрания Западной Белоруссии в Белостоке и членом комиссии по разработке Декларации о восстановлении Советской власти в западных областях Белоруссии. В годы Великой Отечественной войны – комиссар партизанского отряда им. Фурманова бригады им. Чапаева Орловского соединения.

Из воспоминаний бывшего узника С. С. Самоловича: «Администрация Березы, выполняя волю своих хозяев, разработала целую систему издевательств, рассчитанных на то, чтобы довести человека до физического и морального изнурения, до положения животных, заставить отказаться от убеждений, сделать своим послушным орудием. Чего стоили, например, так называемые гимнастические упражнения. Они приносили невыносимую боль в суставах...

...Здесь любая работа превращалась в издевательство над человеком...

... В один из октябрьских воскресных дней Надольский приказал мне привезти воды. Когда я по команде выбежал во двор и впрягся в оглобли двуколки, во двор вышел Прухневич. Оба полицейских встали рядом со мной. Пока я шел по мостовой, тянуть бочку еще можно было. Когда же сошел на песчаную дорогу, двуколка с бочкой оказалась не под силу одному. С двух сторон на меня сыпались удары, но двуколка двигалась медленно. Кое-как я все же дотащился до колодца. Теперь предстояло довести бочку с водой до блока. Полицейский скомандовал «бегом» и поднял резиновую палку. Я падал под ударами, поднимался, снова падал и тянул бочку. Протянув метров 200, я упал и больше не в силах был подняться самостоятельно. После этого три дня не мог двигать ногами. Начались мучительные головные боли.

Спустя несколько дней Прухневич и Надольский придрались ко мне и снова зверски избили. На следующее утро я не встал вообще. Дежурный полицейский сначала попробовал привести меня «в чувство» с помощью дубинки, но убедившись, что все его усилия напрасны, вызвал лагерного фельдшера, кстати, тоже полицейского, только в халате. Этот лекарь, смерив температуру, забрал меня в санкамеру. А во второй половине декабря меня отправили в Кобринскую больницу.

И вот я один в изолированной небольшой палате. За окном – полосатая будка, рядом – полицейский. У дверей палаты тоже полицейские. Для обслуживания узников специально выделялись особо доверенные работники больницы. Все процедуры проходили в присутствии полицейских. Таким образом, Кобринская больница для узников Берёзы была также своего рода местом изоляции. После операции, которую сделали мне, врач сообщил в лагерь, что состояние арестованного ненадежное. Только после этого меня выпустили на свободу».

Райский Иосиф Иванович (род. в 1903 г.) (фото 2) – уроженец г. Барановичи Брестской области. С 1924 г. член КПЗБ. За революционную деятельность неоднократно подвергался репрессиям. В концлагере в Берёзе-Картузской находился с 1936 по 1937 гг.

Из воспоминаний бывшего узника И. И. Райского: «В первые дни пребывания в концлагере узников на работу не посылали. Но не оставляли их и без дела. Для новичков подготовлено занятие, без которого, как заявила администрация, «нельзя плодотворно работать». Таким занятием были дисциплинарные упражнения. Суть их заключалась в том, чтобы причинить узникам побольше мучений. Упражнения проводились во дворе. Комендант подает команду «строиться», а затем «бегом марш!». Не нравится коменданту бег – он приказывает «падать». Если расстраиваются ряды, появляются отстающие — на лице коменданта вспыхивает злая гримаса. Он подзывает к себе узника, называя его по номеру.

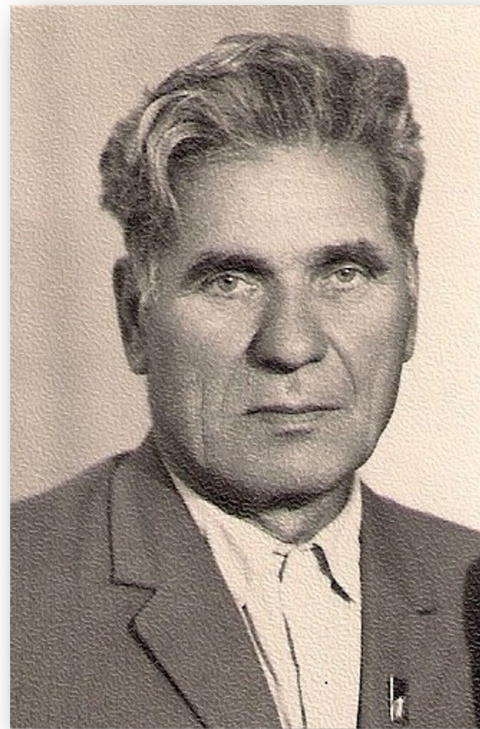
Следует команда: «Согни спину». Спину никто не гнёт. За это получаешь еще несколько ударов резиновой палкой. Но и этот вид упражнений не удовлетворяет коменданта. Он заставляет ходить «гусиным» шагом. Чтобы не охрипнуть, комендант переходит на подачу команды условными свистками. И вот от завтрака до обеда и от обеда до ужина раздаются свистки-команды: бегом марш, падать, ходить «гусиным» шагом...

... Прошло несколько дней, и нас отправили на работу. Под палящими лучами солнца мы рыли траншеи, разбирали старый фундамент. Спину выпрямить не разрешалось. Полицейские, словно соревнуясь между собой, подзывали к себе то одного, то другого узника и зверски избивали их....

...А было и так. Полицейские заставляли класть мешок с песком на носилки, и узники, подгоняемые резиновыми палками, таскали их просто так, для развлечения администрации. Руки от этого деревенели, пальцы не разгибались, носилки выскальзывали и падали. На помощь опять приходила резиновая палка. «Работа» продолжалась до полного изнеможения.

Чем труднее было узникам, тем больше улыбок удовольствия появлялось на лицах полицейских. Мне пришлось однажды быть свидетелем, как один полицейский, будучи, по-видимому, не в духе, начал избивать заключенного. Увлёкшись, он не мог оторваться от своей жертвы. Потребовалось вмешательство другого полицейского, чтобы силой оттянуть садиста.

Страшным был май 1936 г. Мы прибыли, когда террор достиг кульминационного момента. 9 мая в Берёзе были зверски убиты студент Германисский и крестьянин Мозырко. Карцеры были переполнены. Удары резиновых палок сыпались, как из рога изобилия».

Фото 2. Райский Иосиф Иванович

Трутько Степан Алексеевич (1896–1966 гг.) (фото 3) – уроженец д. Огородники Берёзовского района. За коммунистическую деятельность несколько раз приговаривался к тюремному заключению. В концлагере «Береза-Картузская» находился с 1937 по 1938 гг. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Березовском районе. В 1940 г. избран заместителем председателя исполкома Березовского райсовета. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы работал в советских органах, председателем колхоза «33-я годовщина Октября».

Из воспоминаний бывшего узника С. А. Трутько: «Однажды меня вызвал полицейский и заставил мыть в коридоре пол. Когда я кончил эту работу, он начал муштровать меня, вылил мне на голову ушат грязной воды, приказал спуститься на корточках с третьего этажа во двор, а затем, избив, погнал к коменданту блока.

– У тебя, арестованный, есть два выхода: или ты сгниёшь здесь заживо, или сможешь сегодня же быть дома, – сказал он и, минуто помедлив, добавил: – Выбирай одно из двух.

– Каким же образом, пан комендант, я могу быть сегодня дома?

– О! От вас требуется немного: подпишите вот такую бумажку: «Я, нижеподписавшийся, Степан Трутько, отрекаюсь от Коммунистической партии, презираю её и обязуюсь быть лояльным в отношении польского государства».

– Это для меня, пан комендант, не подходит, – ответил я.

– В таком случае, – сказал комендант, – есть еще один выход. Старайтесь и в камере, и на работе быть с коммунистами, прислушивайтесь, о чем они говорят, и рассказывайте нам. Если вы это будете аккуратно делать, то через два месяца увидите свою жену и детей.

– Это тоже не подходит, пан комендант.

– Мерзавец! – крикнул комендант. – Взять его и воспитать как следует.

На такие «беседы» к коменданту блока попадали периодически все заключенные не реже одного раза в месяц. Весь режим в лагере был построен так, чтобы сломить арестованных и морально, и физически. Но это не удавалось. Подавляющее большинство политзаключенных стойко переносило все пытки и издевательства».

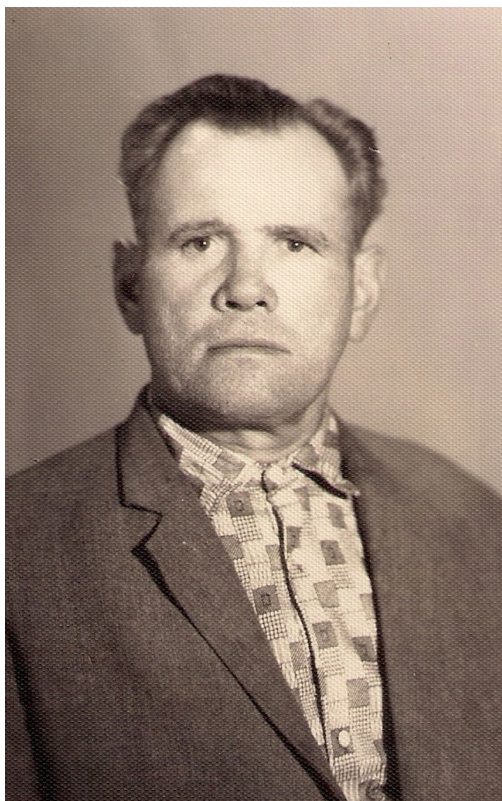
Рыло Фёдор Семенович (род. в 1916 г.) (фото 4) – уроженец д. Плешки (ныне д. Партизановка Слонимского района Минской области) В 1932 г. вступил в ряды КСМЗБ, с 1935 г. – член КПЗБ, секретарь партийной ячейки. В концентрационном лагере «Берёза-Картузская» находился с мая 1936 г. по октябрь 1937 г. Во время заключения 90 дней находился в карцере.

Из воспоминаний бывшего узника Ф. С. Рыло: «Однажды Надольский особенно долго и по-зверски гонял меня по плацу. «Встань! Ложись! Ползай! Бегом марш! Гусиный шаг!» – раздавались одна за другой команды.

Я не успевал выполнить одну команду, как уже получал другую, и палки падали

Фото 3. Трутько Степан Алексеевич

Фото 4. Рыло Фёдор Семенович

на мою спину быстрее, чем приказы садиста. И тогда я решил, что надо с этим кончать. Остановился. Надольский сразу не сообразил, что произошло, а потом как закричит. Бегает вокруг меня, отдает всякие команды, а я стою и меряю его с ног до головы своим взглядом. Думаю: «Здоров ты, но и я парень ничего. Уж если я размахнусь, то ты наверняка не устоишь на ногах».

Бить я его, конечно, не стал. Нельзя было идти на провокацию. А в карцер пошел. Первые часы пребывания в этом бетонном мешке я провел в забытьи. Сидел на холодном полу, прижавшись плечами к такой же стене, и мне казалось, что холод вбирает в себя всю боль моего избитого тела. Даже задремал. Разбудил меня стук в двери и крик полицейского. Оказывается, нужно откликаться на каждый стук часового. Стучали часто, и то ли от этого, то ли от боли и холода уснуть не удавалось.

И думалось мне – вот она, классовая борьба. Мне было радостно, что я участвую в этой борьбе.

От этих мыслей быстрее начинало работать сердце, хотелось петь, и я... запел.

Нарушение было из ряда вон выходящее, и полицейский Марцинкевич, охранявший в это время карцер, доложил обо мне Камалю-Курганскому – этому Люциферу лагеря. Лишь одну ночь я переночевал в камере среди своих товарищей, а на следующий день вновь был посажен на семь дней в карцер...

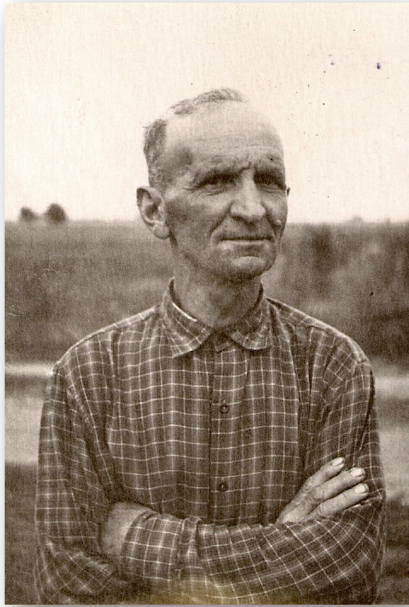
...Холод, голодный карцерный режим, палочные удары сделали свое дело: я заболел куриной слепотой. На четырнадцатые сутки вечером меня выпустили из карцера. Ползком добрался до своей камеры. А утром во время завтрака с котелком кофе в руках наткнулся на полицейского Марцинкевича и облил его мундир. Полицейский даже и слушать не хотел, что я ослеп. Он стал молотить меня дубинкой.

Меня снова ожидал карный рапорт и карцер. Трудно сказать, чем кончились бы очередные семь суток, если бы полицейский Ковальский во время рапорта не доложил Камалю-Курганскому, что Фёдор Рыло «не в своем уме». На несколько недель я был избавлен от карцера....

...90 дней продержали меня лагерные палачи в карцере, но на колени так и не поставили».

Волосюк Лука Трофимович уроженец д. Батче (ныне Кобринский район) (фото 5). В 1923 г. был избран секретарём Кобринского РК КПЗБ. За коммунистическую деятельность неоднократно подвергался полицейским репрессиям. В концентрационном лагере «Берёза-Картузская» находился с 10 мая 1936 г. по 9 июня 1937 г. Узник штрафной камеры № 15 для «особо опасных» узников.

Из воспоминаний бывшего узника Л. Т. Волосюка (находился в концлагере в 1936 году): «Эту камеру помнят многие узники концлагеря. Внешне она не отличалась от других камер арестантского блока: та же параша в углу и узкий деревянный стол, двухъярусные нары на 28 человек и забитое досками окно. И все-таки это была пятнадцатая камера. Официально она называлась штрафной.

*Фото 5.
Волосюк Лука Трофимович*

Я попал в неё на вторые или третьи сутки после моего прибытия в Картуз-Берёзу. Перед тем я почти сутки простоял лицом к стене в «приёмном покое», где комендант блока Пытель вместе с другими полицейскими знакомил меня с режимом для арестованных. Это знакомство состояло в следующем: меня раздели догола, избили, бросили под ноги арестантскую одежду, велели одеться и пришить на рукав и спину два полотнища с номером 633.

После первых суток «знакомства» я еще мог держаться на ногах, и это палачам, видимо, не понравилось. В ночь на вторые сутки в камеру ворвалось четверо полицейских во главе с самим Камалёв-Курганским. Он выслушал мой рапорт и велел полицейским еще «подучить» меня. Двое полицейских схватили меня за руки и растянули их в стороны, а остальные начали бить резиновыми палками по спине и груди. Очнулся я на цементном полу пятнадцатой камеры».

Официально, количество погибших и замученных узников концлагеря в Березе-Картузской числится 13 человек. Большинство из них были доведены в лагере до физического и психологического истощения, а затем направлены умирать в Кобринский госпиталь.

Список жертв, который приводит польский историк В. Слешиньский:

- 13 мая 1936 г. – Абрам Германский (лагерный номер № 624);
- 23 мая 1936 г. – Ян (в действительности Александр) Мозырко (№ 511);
- 9 мая 1937 г. – Моисей Мализман (№ 780);
- 18 января 1938 г. – Пыжаковский (№ 1678);
- 22 марта 1938 г. – Рыневич (№ 1610);
- 1 апреля 1938 г. – Юзеф Недельский (№ 1725);
- 15 июня 1938 г. – Михаил Кривонос (№ 2069);
- 16 июня 1938 г. – Пидсачук (№ 1826);
- 5 февраля 1939 г. – Федорович (№ 2601);
- 9 февраля 1939 г. – Оскар Кретшмер (№ 2693);
- 30 марта 1939 г. – Кароль Кравчик (№ 2600);
- 13 июля 1939 г. – Альберт Вальдман (№ 3000).

Кроме того, 5 февраля 1939 г., не выдержав издевательств, покончил жизнь самоубийством Давид Цимерман.

Есть основания предполагать, что количество погибших и замученных узников концлагеря в Берёзе-Картузской значительно превышает число 13. В воспоминаниях Н. С. Ганецкого (находился в лагере с мая по сентябрь 1939 года), опубликованных С. Крапивиним, говорится о массовой гибели заключенных. В одном случае Ганецкий участвовал в захоронении сразу четырех человек, чьи тела были черными от побоев.

В Государственном архиве Брестской области хранится 2 986 личных дел заключенных, прошедших за 1934–1939 гг. через концлагерь «Береза-Картузская».

Источники и литература:

1. Мірскі, Міхал. Бягом марш! / Мирский Михал. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1963 . – 436 с.
2. Память историко-документальная хроника Березовского района // [редкол.: ...В. В. Андриевич (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2014. – 582 с.
3. Поссе, В., Аржаева, Л. Они не стали на колени [Текст] : Сборник воспоминаний и документов о концлагере Береза Картузская / [Ин-т истории партии при ЦК КПБ - филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Архивное упр. при Совете Министров БССР] ; [Сост. и лит. обработка канд. ист. наук В. Поссе и Л. Аржаева]. – Минск: Беларусь, 1966. – 347 с.
4. Материалы из фондов Березовского историко-краеведческого музея: воспоминания узников концлагеря «Берёза-Картузская».

Бодак А. Ю.,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и политологии исторического факультета учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Бурик Е. А.,

кандидат исторических наук, доцент, проректор по идеологической и воспитательной работе учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Первичные мероприятия советской власти на территории Лунинетчины после Воссоединения Западной и Восточной Беларуси

История процесса Воссоединения нашего народа под крылом одного государства начинается с перехода Красной армии государственной границы Польши 17 сентября 1939 г. Освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию является уникальной войсковой операцией по степени своей эффективности и продуманности. Он при обширных географических масштабах обошёлся нашей армии в минимальные потери и привёл к максимальному результату в предельно сжатые сроки – был установлен полный контроль над значительной территорией, устранена угроза серьёзного сопротивления противника и были эффективно налажены механизмы сохранения порядка и стабильности. Это произошло благодаря тому, что загодя были подробно проработаны малейшие детали этой операции.

Ещё до начала Освободительного похода – 8 сентября 1939 г. – был издан Приказ наркома НКВД СССР № 001064 «Об оперативных мероприятиях в связи с проводимыми учебными сборами». Видя, как не по дням, а по часам рушится Польша под гнётом немецко-фашистских захватчиков, органы НКВД СССР провели масштабную работу по подготовке будущего освобождения Западной Беларуси. Для оперативного закрепления позиций новой будущей власти были созданы ОЧГ (оперативные чекистские группы).

Чекисты должны были:

- немедленно занимать все учреждения связи, государственные и частные банки, казначейства, типографии, редакции газет и все государственные архивы (в первую очередь жандармерии и филиалов 2 разведывательного отдела польского генштаба);
- занять тюрьмы и проверить их контингент, при этом всех политических узников выпустить;
- приступить к созданию агентурной сети по выявлению групп и организаций, препятствующих созданию новой власти;
- арестовать «наиболее реакционные элементы»;
- организовать охрану общественного порядка против бандитизма и грабежа, охрану электростанций, водопроводов, продовольственных складов и железнодорожных станций;
- конфисковать у населения нарезное огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и радиопередатчики;
- участвовать в организации Временных военных управлений (ВВУ), рабочей гвардии и крестьянских комитетов [3, с. 257].

17 сентября Красная Армия перешла границу с Польшей. Перед походом на базе военных округов были созданы Белорусский и Украинский фронты. В состав Белорусского вошли 3, 4, 10 и 11 армии, одна конно-механизированная группа и отдельный стрелковый корпус, нацеленный на Лунинецкий уезд. В его составе были и Днепровская военная флотилия, 52-я стрелковая дивизия.

Войскам корпуса было запрещено без особого распоряжения переходить границу. Обращение командования корпуса к Военному совету Белорусского фронта о переходе в наступление вместе с остальными войсками было отклонено (причины такого решения не вполне ясны).

В итоге стрелковый корпус перешел границу 18 сентября в 12:25. 19 сентября в 11 часов передовой отряд 52 стрелковой дивизии занял Лахву. Двигаясь далее, в Кожан-Городке он был обстрелян отрядом 16 батальона КОП (польский Корпус охраны пограничья). Части РККА развернулись, вступили в бой и оттеснили поляков в лес севернее Кожан-Городка. В этом бою Красная армия потеряла 3 убитых и 4 раненых, взято в плен 85 поляков, из которых 3 ранено и 4 убито. Около 17 часов 205 стрелковый полк с 1 дивизионом 158 артиллерийского полка после небольшого боя занял Давид-городок. К 19:30 части 52 стрелковой дивизии заняли Лунинец.

Днепровская военная флотилия под командованием капитана I ранга Г. Н. Чубанова вышла из Турова, но из-за мели продвигалась по Припяти медленно. Польская ротная флотилия без боя покинула Пинск и позже была затоплена самими поляками.

В течение двух дней после описанных событий вся территория Лунинецкого района была освобождена советскими войсками. С приходом Красной армии началась энергичная работа по организации революционного порядка, установления власти

в лице сельских крестьянских комитетов и Временных управлений в городах организации Рабочей гвардии и сельской милиции по охране общественного порядка. В эту работу включилась самая лучшая часть деревни и города.

В течение недели после освобождения Лунинеччины новые власти провели первый разговор по восстановленной телефонной линии между редакцией «Правды» с Лунином. Непосредственно же почтовая связь налаживалась до октября 1939 г. по всей территории Западной Беларуси. В Лунинец, наряду с другими городами области, стартовали рейсы почтовых самолётов из Москвы и Минска, которые доставляли корреспонденцию и газеты. Также были доставлены первые советские кинофильмы, которые показывали на улицах города при большом скоплении людей.

Сначала требовалось организовать порядок на местах, который могла бы обеспечить новая власть. Решением Политбюро ЦК КП(б)Б «Вопросы Западной Украины и Западной Беларуси», согласно протоколу № 7, пункт 14 гласил: «Организовать временные областные управления, действующие на территориях бывших польских воеводств в составе 4 человек – 2 от армии, 1 – от НКВД, 1 – от Временного управления областного города». 12 октября 1939 г. 1 секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко на заседании партийного актива Минска заявил: «Во главе управлений создать Президиум ВУ (военных управлений). В ВУ – представители РККА – это партийные и советские работники, которых мы переделали в военную форму. Состоят из Председателя, представителей РККА и НКВД и 2-х местных от рабочих и левой интеллигенции». Остальные члены ВУ – «восточники» и местные жители, знающие русский язык [2, с. 244].

В Лунинце было организовано Городское временное управление, руководившее всем уездом. Сначала работа городского управления и селькомов была направлена на установление революционного порядка. Здесь большую роль сыграла городская и сельская милиция – рабочая гвардия, которая помогла в вылавливании спрятавшихся остатков польских офицеров, полицейских и других враждебных новой власти элементов

Из отчета секретаря Лунинецкого райкома, начиная с 17 сентября 1939 г., известно, что сельские комитеты – селькомы – начали организовываться и проводить свою работу сразу после прихода частей Красной армии. В Лунинце было организовано Городское временное управление, руководившее всем уездом. С самого начала существования Городского временного управления работа городского управления и селькомов была направлена на установление революционного порядка. Здесь большую роль сыграла городская и сельская милиция – рабочая гвардия, которая помогла в вылавливании остатков польских офицеров, полицейских и другого «контрреволюционного элемента» [1, л. 53].

Селькомы провели большую работу по конфискации земли у помещиков и передачи ее в пользование батраков, бедняков и малоземельных крестьян, а так же в выселении бывших помещиков из имений, где они оставались. Например, в имении Хворостово Ленинской волости крестьяне сами арестовали помещиков и доставили их в Лунинец, установив охрану имущества имения.

В Лунинецком уезде вслед за организацией селькомов – 120 – в каждой деревне, были организованы волостные крестьянские комитеты, которые избирались сельскими комитетами на волостных собраниях селькомов. В уезде было 6 волостей, в каждой свой комитет крестьянский – Лунинецкая, Лаховская, Ленинская, Чучевичская, Хотынецкая и Круговичская.

Как только навели первичный порядок началась подготовительная работа к выборам в Народное собрание Западной Беларуси. Это был очень важный шаг со стороны Советской власти, поскольку Воссоединение приобретало легитимный характер волеизъявления целого народа. Поэтому все дальнейшие шаги новой власти на воссоединённых землях приобретали законный характер – объявление здесь Советской власти и первичные социалистические преобразования, и дальнейшие шаги по советизации региона. ЦК КПББ помимо имевшихся коммунистов и комсомольцев для этого прислал еще кадров. В первой половине октября 1939 г. был утвержден уполномоченный ЦК по уезду, который начал кадровые назначения и определял агитаторов для населения. Большую помощь оказали воинские части на территории уезда – бойцы, командиры и политработники.

Главный вопрос о легитимизации новой власти должно было разрешить Народное собрание Западной Беларуси. В итоге из общего количества населения старше 18 лет в 65 680 человек, в голосовании при выборе депутатов Народного собрания приняли участие 65 392 – 99,6%. За кандидатов в депутаты проголосовало 99,1% (это – самый высокий результат по региону, в Пинске и остальных уездах «против» проголосовало 1 717 чел. – 1,48% избирателей). Кое-где «за» проголосовало даже 100% [1, лл.65–67].

В историю Лунинеччины прочно вписаны депутаты Народного собрания от Лунинецкого уезда – Бушило Мария Сафроновна – 1887 г. р., член полномочной комиссии и Кудревич Анна Григорьевна – 1918 г. р., крестьянка, член полномочной комиссии, она же - депутат Верховного Совета БССР и Клевец Антон Степанович – 1899 г. р. – батрак, он же – депутат Верховного Совета СССР [1, лл. 285, 288, 289].

После выборов почти все направленные в уезд коммунисты и комсомольцы остались работать в волостях и деревнях.

В ноябре 1939 г. были образованы первичные партийные организации в волостях – Ленинская – 6 человек. Круговичская и Лаховская – по 4, Хотыничская, Чучевичская, фанерный завод в Микашевичах – по 3.

В декабре 1939 г. ЦК утвердил Уездный комитет партии, который руководил работой уезда. К тому времени – здесь насчитывалось 120 членов ВКП(б) и кандидатов в члены партии.

По решениям Народного Собрания 28 октября на правовой основе в декабре 1939 – январе 1940 гг. была проведена административно-территориальная реформа – созданы 5 областей, в которых оказался 101 район [2, с. 245].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 7 декабря 1939 г. утверждён состав облисполкомов, а те утверждают городские и районные исполкомы. 15 декабря 1940 г. после выборов в местные советы созданы сельские комитеты, местечковые, областные, городские и районные советы [2, с. 246].

В январе 1940 г. уезд был реорганизован и было создано 3 района – Лунинецкий, Ганцевичский и Ленинский, утверждены составы райкомов партии. Огромную роль в налаживании процесса советизации района – строительстве основ новой власти, конечно, сыграли коммунисты и комсомольцы. На апрель 1940 г., когда власть начала подводить первые итоги своей работы – в районе (а это приблизительно треть от прежнего уезда) насчитывалось 107 членов и 45 кандидатов в члены партии, из которых – белорусов было 50, русских 68, евреев 15, украинцев 15, представителей других национальностей 4 [1, л. 56].

Некоторое время по Воссоединении решался вопрос о национально-территориальной

принадлежности Западнополесского региона. Здесь столкнулись интересы руководства БССР и УССР – регион располагался между двумя претендующими на него республиками. В целом, победило белорусское руководство. В докладной записке 1 секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Понамаренко И. В Сталину о разграничении районов и областей между БССР и УССР» от 16 ноября 1939 г. белорусский лидер раскритиковал этнографическую карту Карского – тем более тот при ее разработке сам на Полесье по его признанию не был [4, сс. 54–55]. Он доказал, что исторически сложившийся белорусский регион – Западнобелорусское Полесье и уезды Пинский, Лунинецкий, Кобринский, Пружанский, Дрогичинский, Столинский – органическая часть белорусского Полесья, а Камень-Каширский уезд тяготеет к Ковелю – Украине [4, с. 57].

Правоту белорусского руководства подтверждали данные демографической статистики. По польской переписи 1921 г. в Лунинецком уезде проживало 89 270 человек (из них на 1 000 населения приходилось 198 поляков, 18 украинцев, 28 евреев, 704 белоруса) [4, с. 58].

19 ноября 1939 г. Постановление ЦК КП(б)Б «Об областях и районах Западной Белоруссии» гласило: «Образована Пинская область в составе уездов – Лунинец, Столин, Пинск, Коссово, Дрогичин. Полесскую область (бывшее польское Полесское воеводство разукрупнили), так как Восток области отличается от Запада – это Полесье, органически связанное с Полесской областью БССР» [4, с. 62].

29 ноября 1939 г. согласно Постановлению ЦК КП(б)Б «Об административном делении на территории Западных областей» в Пинскую область попали УЖЕ ЧАСТЬ (т. е. НЕ ВСЯ территория) Дрогичинского, Столинского и Пинского уездов до границы с УССР [4, с. 75].

В данной статье затрагиваются только первичные мероприятия Советской власти в налаживании новой жизни. Небесполезно проследить дальнейшие шаги в строительстве основ социальной жизни района на основе сравнения стартовых данных с итогами проделанной новой властью работы.

В сфере народного образования в районе раньше насчитывалось 49 школ с 7 094 учениками. Через полгода уже было 50 школ и 9 338 учеников (на 2 277 больше чем ранее). Учителей имелось 236 человек, из них 36 – бывшие безработные. При этом педагогического персонала не хватало 70 единиц, поэтому в ряде школ учились по 2-3 смены. Новая власть решительно боролась за насыщение школ учителями и постоянно требовало от центрального руководства посылки недостающих специалистов. Для педагогов за это время были проведены курсы по подготовке учителей начальных школ на 60 человек и 6-месячные курсы для других нуждающихся в повышении квалификации педагогов [1, л. 91].

Стремительные изменения произошли в профсоюзной сфере – до прихода новой власти по всему бывшему Лунинецкому уезду из 1498 рабочих и служащих в профсоюзах состояло только 27 человек, т. е. право на социальную защиту имела ничтожная часть работников. Весной 1940 г. только по району (а это – только треть от бывшего уезда – авт.) профсоюзные организации были созданы почти на всех предприятиях, учреждениях, куда в обязательном порядке включались практически все работающие (исключение составляли люди, к которым у силовых органов имелись вопросы политического свойства) [1, л. 77].

Система социального обеспечения населения при прежней власти оставляла желать лучшего. В городе Лунинце ранее насчитывалось до 370 пенсионеров. Более

привилегированные из них, поляки, получали по 300 и более злотых в месяц, остальные получали мизерную пенсию и не от государства, а от т. н. Еврейской гмины от 2 до 10 злотых в месяц. Основное количество инвалидов и стариков, особенно белорусов, вообще ничего не получали. Таких при проведении Отделом социального обеспечения регистрации оказалось более 200.

С приходом Красной армии нами оказана помощь батракам и пенсионерам – 1 200 человек. Роздана разная одежда, белье, обувь. 371 человеку оказана денежная помощь на сумму 9 952 рубля. Кроме того оказывается помощь беспризорным детям по 40 руб. в месяц – 13 человекам. Сейчас проводится упорядочение в выдаче пенсий инвалидам в соответствии с существующими законами [1, лл. 92–93].

Говоря о развитии в районе сферы здравоохранения, приходится констатировать, что в бывшем уезде имелась всего одна больница на 23 койки, 1 врач на полставки, он же и заведующий больницей. Кроме него в уезде было 5 врачей и 5 акушерок. С больных взималась плата за нахождение в больнице от 2 до 4,5 злотых в день.

С приходом новой власти в Лунинце было организовано 2 амбулатории с 10 врачами, которые посещали больных на дому. Так же открыли кожвендиспансер, детскую консультацию, школьную амбулаторию и 2 зубоучастка.

Весной 1940 г. в районе уже имелось 3 больницы – в Лунинце на 100 коек, в Лахве на 30 и Чучевичах на 20 коек. Врачебные пункты были открыты в Лахве, Чучевичах и Бостыни. Фельдшерские пункты открылись в Кожан-Городке, Гаврильчицах, Лунине, Красной Воле и Дятловичах.

В Лахве так же открыли зубоучасток. Всего в районе теперь работало врачей 19, стоматологов 4, медсестер 26, акушерок 11, лаборантов 4, фельдшеров 5, санитарок и других работников 62 человека. Аптек в районе имелось 3 – Лунинце, Лахве и Чучевичах [1, л. 91]. Как отмечали местные власти – население хотя бы в факте бесплатного лечения видело реальную поддержку людей Советской властью.

Простое сравнение достижений новой власти и прежним состоянием социальной сферы в районе наглядно показывало её бесспорные успехи, что стало одним из важнейших доказательств исторической правильности Воссоединения.

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области. – Ф.2226-п. Оп. 1. – Д. 2.
2. Саракавік, І. А. Станаўленне органв улады і кіравання у Заходняй Беларусі на савецкай аснове (1939–1940), сс. 242–247 / І. А. Саракавік // в зб. «Назаўжды разам. Да 80-годдзя уз'яднання Заходняй Беларусі з БССР», сб. артыкулаў. Мінск: НАН, Інстытут Гісторыі, 2021. – 293 с.
3. Тетернік, А. В. «Организация деятельности оперативно-чекистских групп и органов государственной безопасности на территории Западной Беларуси в сентябре-декабре 1939 г.» сс. 254–259 247 / А. В. Тетернік // в зб. «Назаўжды разам. Да 80-годдзя уз'яднання Заходняй Беларусі з БССР», сб. артыкулаў. Мінск: НАН, Інстытут Гісторыі, 2021. – 293 с.
4. «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі. Верасень 1939–1956». Дакументы і матэрыялы. Кніга 1 Верасень 1939–1941. Мінск: «Беларуская навука», 2009. – 340 с.

Куличик М. Н.,

*заместитель генерального директора, председатель Брестского областного отделения
РООФР «ФАРМАБЕЛ»*

Роль аптечных исторических центров в культурно-просветительской работе Брестского РУП «Фармация»

День народного единства является праздником в т. ч. для всей системы здравоохранения, а она неразрывно связана с фармацевтической отраслью. 17 сентября праздник, который подчёркивает, что единство и сплочённость народа важны в достижении благополучия и стабильности страны.

Основная деятельность Брестского РУП «Фармация» – обеспечение населения и учреждений здравоохранения области качественными, безопасными и эффективными лекарственными средствами. Этим занимаются 263 аптеки предприятия. Вместе с тем, она дополняется важным направлением на современном этапе – культурно-просветительскими мероприятиями.

По своему содержанию культурно-просветительская работа – это тематические информационные мероприятия, направленные на:

- изучение и популяризацию истории фармации в регионах;
- участие в общественных мероприятиях республиканского, районного, городского масштабов;
- проведение профориентации школьников и студентов медицинских учреждений образования;
- организацию, проведение экскурсий по памятным местам Беларуси.

Свою работу строим в тесном контакте с общественными организациями (объединениями) предприятия: первичной профсоюзной организацией Брестского РУП «Фармация», ОО «Белая Русь», РООФР «ФАРМАБЕЛ», БРСМ, Советом ветеранов, а также имеется опыт взаимодействия с музеями, библиотеками (УК).

На базе аптек Брестского РУП «Фармация»: №3 г. Бреста и №21 г. Барановичи более 10 лет функционируют исторические центры, отражающие развитие аптечного дела в XIX–XX веках.

**Таблица. Общие сведения об исторических центрах
на базе аптек Брестского РУП «Фармация»**

Название, место расположения	Год открытия, площадь экспозиции	Общее кол-во предметов, ед. хранения	Экскурсий проведено			
			2024 год		I-ое п/г 2025 года	
			количество			
			экскурсии	экскурсанты	экскурсии	экскур-санты
Историческая экспозиция в аптеке № 3 Брестского РУП «Фармация», г. Брест	2014 год 65 м кв.	630	47	503 (среди экскурсантов более 70% - школьники)	44	730 (среди экскурсантов около 90% - школь- ники)
Историческая экспозиция в аптеке № 21 Брестского РУП «Фармация», г. Барановичи	2012 год, 95 м кв. 0,015 га аптечный огород	750	27	228 (среди экскурсантов почти 65% - школьники)	20	230 (среди экскурсантов более 50% - школьники)

Ответственными за организацию работы этих центров являются заведующие аптек. События 1939 года напрямую или косвенно проявляются в истории аптечного дела, в судьбах отдельных представителей фармации.

Аптека №3 по ул. Советской областного центра уникальна тем, что при разных властях (польская, довоенная советская, оккупационная, снова советская и вот теперь белорусская) не изменяла своему изначальному предназначению.

Житель Бреста-над-Бугом Соломон Гринберг решил построить дом для своей семьи и изначально на первом этаже была запланирована аптека, ведь супруга Соломона Гринберга Фаня Абрамовна имела высшее фармацевтическое образование, которое получила в Киевском медицинском университете. Через два года улицу Домбровского, 113 (ныне Советская) украсило оригинальное здание в три этажа. На двух верхних жила семья Гринбергов, а на нижнем этаже в одной из комнат была обустроена аптека. В собственности состоятельной и высокообразованной четы Гринберг аптека функционировала с 1925 по 1939 год. После воссоединения белорусских земель аптека и всё здание было национализировано, но Гринберги оставались жить и работать на прежнем месте. В 1941 году после нападения немцев семья уехала к отцу в деревню под Жабинкой. Всю оккупацию их прятали. В 1944 году вернулись в родной город, а в 1946 году уехали на историческую Родину.

Сегодня в этом здании функционирует аптека второй категории Брестского РУП «Фармация». Здесь в качестве экспонатов есть истинно ценные вещи: Российская

военная фармакопея 2-го издания (1896), Российская фармакопея 5-го издания (1902) и Государственная фармакопея Наркомздрава СССР (7-го издания, стереотипное, 1942 г.), ступки медные с пестиками (конец XIX века), оригинальные рецепты Лыщицкой врачебной амбулатории (1951) и многое другое.

Участники традиционных туристических маршрутов в Бресте по ул. Советской проявляют интерес к данной локации. Среди посетивших её – представители более 15 стран. Туристы имеют возможность посетить и ознакомиться с исторической экспозицией, как самостоятельно в присутствии работников аптеки, так и в формате организованной и согласованной заранее экскурсии.

В г. Барановичи двухэтажное здание вблизи Полесского железнодорожного вокзала, построено на ул. Жвирки, 15 (ныне улица Тэльмана) в конце 20-х годов прошлого столетия «провизором фармации» Станиславом Лаевским. Включено в список памятников, охраняемых государством.

За более, чем 80 лет своего существования фасад аптеки не претерпел серьезных изменений.

На первом этаже располагалась аптека, на втором – лаборатория и жилые комнаты. Аптека работала круглосуточно. Первоначально штат аптеки составлял 4 человека: управляющий, 2 фармацевта, санитарка. Позже, к 1942 году появился рецептар, кассир и оптик, а в 1946 году – бухгалтер.

После сентября 1939 года снабжение аптеки лекарственными средствами осуществлялось с Барановичского областного аптечного склада. В аптеке Лаевского было много лекарственного растительного сырья, косметики. На чердаке была сушильня для трав. Лекарственные травы собирались как в местах естественного произрастания, так и выращивались на собственном аптекарском огороде. Редкие травы привозили из-за границы.

Во время войны семья хозяина жила в одной комнате первого этажа, а второй этаж занимали немцы.

После национализации аптеки в 1946 году Станислав Лаевский уехал в Польшу. Аптека была передана Барановичскому областному аптечному управлению. При аптеке стали открываться оптическая мастерская, аптечные и санитарные ларьки, которых к 1948 году было четыре.

С 1954 до 1993 года на втором этаже аптеки функционировала контрольно-аналитическая лаборатория. А с 1982 года – справочная служба аптек г. Барановичи. Уже в 1995 году аптека переведена в аптеку готовых лекарственных форм.

В настоящее время на первом этаже функционирует аптека №21 второй категории Брестского РУП «Фармация» с необходимым набором помещений, а на втором – разместилась в трёх кабинетах постоянно действующая экспозиция по истории развития аптечного дела.

В системе РУП «Фармация» в республике действует шесть исторических центров. Кроме упомянутых Бреста и Барановичей, в гг. Минске, Гродно, Поставы Витебской области и Рогачёве Гомельской области. Аптеки между собой взаимодействуют, формируют общность интересов среди представителей отечественной фармации.

Центры выступают площадкой для проведения тематических программных мероприятий группам школьников, учащихся колледжей, студентов. Проводимая фармацевтическими специалистами профориентационная работа в аптеках и других площадках, позволяет молодёжи сделать осознанный выбор профессии, основываясь

на своих индивидуальных способностях. А также дополняет школьное и вузовское обучение.

Функционирование исторических центров на базе аптек:

- способствует популяризации истории аптечного дела на Брестчине, сохранению традиций фармации;
- имеет патриотическую направленность, добавляют уникальности аптекам;
- расширяет межрегиональное взаимодействие, коммуникацию, в т.ч. с коллегами старшего поколения (ветеранами аптечной службы), а также местными историками и краеведами.

Вся культурно-просветительская работа освещается на Интернет-сайте предприятия, в «Медицинском вестнике», областной газете «Заря».

Всё это вместе позволяет совершенствовать проводимую идеологическую работу на предприятии.

Игнатович О. С.,

старший научный сотрудник государственного учреждения «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»

Предвоенная обстановка в г. Бресте 1939–1941 гг.: анализ сведений по описанию города в архивных документах, письмах, воспоминаниях

Сентябрь 1939 года вошел в мировую историю. Для Республики Беларусь – это период воссоединения Западной Беларуси с БССР в одно государство.

17 сентября 1939 года войска Белорусского фронта РККА перешли советско-польскую границу. Вскоре подошли к занятому на тот момент немцами г. Бресту. 22 сентября 1939 года город был занят частями Красной армии. С этого момента начинается советский период в истории Бреста.

Брест в 1939–1941 гг. оставался крупным административным центром.

На территориях бывших воеводств создаются областные Временные управления: Белостокское, Виленское, Полесское, и Новогрудское.

Председателем Временного управления г. Брест-Литовска был назначен Горелик Лев Яковлевич. В качестве «Полесского» – действовало до ноября 1939 года, а декабре главный исполнительный орган области уже назывался «Брест-Литовским», а позже просто «Брестским», а Временное управление области было переименовано в областной исполнительный комитет.

Официальных документов о переименовании города из «Бреста над Бугом» в «Брест-Литовск» в фондах Государственного архива Брестской области не обнаружено.

В это время шел процесс по определению границ области. Постановлением ЦК КП (б) Б «Об областях и областных центрах Западной Белоруссии» от 19 ноября 1939 года были упразднены воеводства и созданы области: Вилейская, Барановичская, Белостокская, Пинская и Брестская.

Планировалось создать Брестскую область с областным центром в Брест-Литовске, в составе Кобринского, Брестского, Пружанского уездов, западной части Дрогичинского и западной части Коссовского уездов бывшего Полесского воеводства, а также южной части Бельского и Волковысского уездов бывшего Белостокского воеводства.

Официальной датой образования Брестской области с центром в г. Бресте считается 4 декабря 1939 года, когда вступил в силу соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР (Об образовании Барановичской, Белостокской Брестской, Вилейской и Пинской областей в составе Белорусской ССР № 38).

В данной статье освещается жизнь города Бреста в предвоенный период 1939–1941 гг., посредством сохранившихся архивных сведений, публикаций в периодических изданиях, мемуарной литературы (письма, воспоминания).

Сохранившиеся архивные документы, письма, воспоминания дают представление о первых мероприятиях советской власти в западных областях и перестройке всех отраслей жизни территорий, вошедших в состав БССР.

Помимо документов и архивных материалов, ценным источником информации о городе и его жизни в 1939–1941 годах являются довоенные письма. Незря именно письма называют «зеркалом эпохи». Внешний облик, жизнь в городе, уровень экономического и культурного развития, жизнь горожан, настроения и взаимоотношения разных категорий граждан – обо всем можно узнать из писем современников. Немаловажно, что с 1939 года г. Брест и крепость стали пограничными.

В архиве ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» хранятся воспоминания и письма, которые отражают повседневную жизнь, впечатления от города, а также предчувствие неизбежности войны.

Соединив воспоминания с документами, можно окунуться в предвоенную жизнь Бреста.

Любопытные сведения содержатся в плане развития Бреста, рассчитанного на 15 лет с 1940 по 1955 год.

Из плана развития г. Бреста на 1940–1955 гг. (не ранее августа 1940 г.):

«С освобождением города Бреста встает задача реконструкции его на началах типового областного советского города с полной ликвидацией следов печального и многострадального прошлого и с полным его приобщением к социалистической культуре нашей Великой Советской Страны.

В качестве одного из наиболее выдвинутых на запад городов Белоруссии, Брест в своём историческом прошлом перенес не одну бурю, испил не одну горькую чашу. Ныне за стальной стеной Красной Армии в лучах Сталинской конституции, в атмосфере братского содружества всех национальностей Советских народов город Брест, хотя и находясь на самой грани капиталистического окружения в разгаре империалистической войны, начинает жить полнокровной, трудовой и творческой жизнью Советского города...»

Об экономическом развитии:

«Город Брест является административным центром области, состоящей из 18 районов и имеющей площадь в 17,2 тыс. квадратных километров.

Население области по данным Брестского облплана составляет 770,4 тысяч человек (100%). Из них 175,1 тысяча (22,7%) городское население, 595,3 тысячи (77,3%) – сельское. Брест является доминирующим центром городской культуры в области, где проживает 68 800 человек».

В настоящее время город представляет собою регулярную систему уличной сетки, замкнутую полосой железной дороги, рекой Мухавец, а также не пригодной под застройку территорией.

Архитектура города:

«Город Брест расположен на равнине при впадении Мухавца в Буг (где находился старый город, частично включен в созданную по 1863 г. крепость), отброшен от главной реки Буг, окружен моченными территориями, лишён лесного фона и зелёных массивов, не имеющий никакого наследства в лице архитектурных памятников и архитектурной традиции, не представляет ничего интересного, что бы способствовало созданию интересных решений и пространной планировки. Новый Брест по стратегическим соображениям перенесён и отброшен с удобного места и создан в период упадка градостроительной и архитектурной мысли, имеет в основе жесткую регулярную прямоугольную сетку улиц.

Намечается включить в городскую черту окрестные населенные пункты: Адамково, Речица, Плоска, Березовка, Тришин, Волянка, Гершоны, Пугачёво и др.

Город Брест важный транспортный узел. А именно, является железнодорожным узлом первоклассного значения. Одновременно город лежит на такой важной речной магистрали, каковой после реконструкции советской техникой в изумительно короткий срок Днепро-Бугского канала, является водный путь, соединяющий Чёрное с Балтийским морем. В этом отношении г. Брест может быть назван «вратами БССР». Этот фактор, несомненно, должен считаться крупной позицией в числе ресурсов, на которых зиждется перспектива экономического развития г. Бреста».

В разделе, посвященном современному состоянию промышленности и перспективе её развития, содержатся следующие сведения: *«В современном своем состоянии промышленность г. Бреста представлена 34 предприятиями с около 2260 кадровыми рабочими. В городе работают Областная типография имени Ворошилова, лесопильный завод, изразцовый завод, водочный завод, мельницы, хлебокомбинат, мясокомбинат, пивзавод, новая и старая электростанции, сапоговалыальная, войлочная и ватная фабрика, ателье мод, обувная фабрика, городской промышленный комбинат, столярная мастерская, слесарная мастерская, маслобойный завод, молочный завод. А также промышленные кооперации и артели: артель «Красный мебельщик», артель смоло-скипидарных продуктов «Труд», шорная артель «Красный октябрь», бельевая артель «Пламя революции», артель мыловарения «Серп и молот», овчинно-шубная «III пятилетка», артель пекарей «Красный пищевик», зеркальный цех фотоартели «Красная светопись» и др.*

Существенно изменилась и общественно-политическая жизнь.

Постановлением от 29 ноября 1939 года были утверждены состав бюро обкомов и члены облисполкомов Западных областей БССР. Пост секретаря Брестского обкома КП(б)Б занимал Киселев Н.В., секретаря Брестского горкома КП(б)Б – Пастухов Ф. И., председателя Брестского облисполкома – Длугашевский К. Н., председателя Брестского горисполкома – Соловей И. М.

Знаковым событием стали выборы в Народное Собрание Западной Белоруссии.

Ключевые должности в управленческом и партийном аппарате заняли прибывшие из советских областей партийные работники. Прибыли, так называемые, «восточники», военнослужащих и членов их семей. Прибытие такого количества советских специалистов было по-своему оправданным шагом. Местные жители, сторонники новой власти

не имели опыта работы и управления в советских условиях. Проходившие изменения требовали опытных и надежных кадров.

Так, на работу в Брест на должность лектора Брестского обкома был направлен студент 4 курса исторического факультета Минского пединститута **Соломон Наумович Иоффе** (1915–?), работая в городе и позже, в годы Великой Отечественной войны, он вёл дневник.

Из дневника лектора Брестского обкома Соломона Наумовича Иоффе:

«В конце февраля 1940 г. меня вызвали в ЦК и я получил назначение в Брестский обком партии. В марте я был в Бресте. Жил я один в комнате по улице Комсомольской в частном доме. В Брестском обкоме меня назначили лектором. Зав. лекторской группы был москвич Богданов... Брест меня удивил своей чистотой. В двух довольно ухоженных парках отдыхали мамы с детьми, жители города. Кинотеатр им. Горького был всегда заполнен народом. Помню, что в эти месяцы вышла кинокартина Богдан Хмельницкий. У жителей города, которые знали историю по польским источникам было превратное представление о национально-освободительной борьбе украинского и белорусского народов. Секретарь обкома тов. Белов поручил мне написать срочно статью о роли Богдана Хмельницкого в этой войне. Статья была напечатана в областной газете. Жадно прислушивалось население о жизни в советской стране... Сначала местное население относилось к нам настороженно, но потом стало чаще посещать лекции, задавать вопросы и выписывать газеты. В первые месяцы это было очень важно, так как часть населения относилась к нашим сообщениям очень недоверчиво... Брест постепенно начал становиться советским городом, заработали по нашим программам школы, закрывались частные магазины и развертывалась советская торговля. Открылся драматический театр. Если не ошибаюсь, труппа была из Москвы, школы народного артиста СССР Тарханова. С большим успехом шел спектакль «Любовь Яровая». Не забыть концерты джаз-оркестра во главе с Леонидом Утёмовым. Старшее поколение Бреста хорошо говорило на русском языке, молодое – только на польском. Большинство населения было религиозное. Напротив здания обкома был старинный костёл. Он всегда был наполнен народом, в том числе и молодежью. Удивило меня и еврейское население. Среди них были ремесленники, мелкие торговцы. Их религиозность, значимость сословности, знатности происхождения. В быту по своим нравам и поведению они очень отличались от советских евреев. Все они были очень хорошо осведомлены, что в соседнем польском губернаторстве, где хозяйничали фашисты, об истреблении евреев. Несмотря на это, часть из них бежала на восток осенью 1939 года, летом 1940 года многие согласились вернуться на прежние место жительства. Часть населения польского происхождения пожелало выехать в польское генералгубернаторство, и они начали распродавать свои вещи. Весной 1940 года были очень большие базары, где было всякого барахла и очень ценные вещи. На эти базары приезжали кто мог достать пропуск из Восточной Белоруссии, чтобы что-нибудь купить, чего у нас нельзя было или трудно достать. В Польше были товары многих стран Европы. Этой «коммерцией» часто занимался и советский партийный аппарат. Это дурно влияло на население. Я на такие базары не ходил.

В мае 1941 местное население, а у многих были радиоприёмники, и они слушали радио Лондона, начали говорить о нападении Германии на Советский Союз. Некоторые партийные и советские работники начали отправлять семьи на восток. За панику 5 или 7 (точно не помню) коммунистов исключили из партии. Один раз я с первым

секретарем обкома Киселёвым приехали на его машине в Кобрин. Недалеко от Кобрин он остановил машину. В 20-30 шагах стояли немецкие грузовые машины, около них стояли немецкие офицеры и солдаты. Я спросил у тов. Кисилева, что это значит? Он мне разъяснил, что они приехали с цинковыми гробами забирать трупы солдат и офицеров, погибших в сентябре 1939 года. Они точно знали, кто и где похоронен. Ведь их не так уж много было...».

Со второй половины 1940 г. местных жителей стали активнее выдвигать на различную руководящую работу.

После установления советской власти в городе начались активные работы по ликвидации последствий боев 1939 года. Засыпались многочисленные воронки и рвы. Начался ремонт тротуаров и дорог, зданий, понтонного моста через р. Мухавец. Тем не менее внешний вид города оставлял желать лучшего, что отмечалось даже на уровне ЦК КП(б)Б. В связи с этим, вопросы благоустройства находились в центре внимания городских властей и местной прессы вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Из писем **Андрея Емельяновича Бессоновского** (1916–п/б) военнослужащего 125 стрелкового полка: «Здравствуйте, дорогие мама и брат Боря!

...В нашей крепости есть много отпечатков исторического прошлого, так, например, здесь есть домик, в котором был заключен мирный договор (3.03.18г.) Советской республики с Германией. Как я Вам уже писал, каждое здание в крепости покоряжено пулями, так как здесь были сильные бои немцев с поляками. На второй же день после начала войны Германии с Польшей, немецкая авиация уже бомбила Брест-Литовскую крепость и аэродром. В первую очередь было разбито здание штаба крепости, так что оттуда никто не успел и выбраться. Сейчас от штаба остались только стены.

В город нас в индивидуальном порядке не пускают. Ходим только строем по выходным в кино или на концерт. Город хороший. Идя по городу, приходится наблюдать непривычные для нас картины. Например: целуют руку, из церквей выходит много народу и очень много молодежи, которые нас приветствуют, поднятием фуражки.

В городе можно купить всё (у частников) только страшно дорого. В госмагазинах торгуют только хлебом. Очередей за ним нет. Питание у нас хорошее. Вчера и сегодня в крепости и в городе стоят усиленные караулы, так как здесь выборы проходят в Народное Собрание, то было очень много налётов и убийств. Сейчас правда после паспортизации немного утихло, но всё же изредка убийства военных бывают» (24.03.1940).

«Погода здесь стоит хорошая. На 1 мая участвовал в параде. На параде присутствовали 8 человек из германского командования» (11.05.1940).

Начала выходить первая газета, которая стала печатным органом Временного управления, называлась «Рабочий». Первый номер вышел 26 сентября 1939 года. Газета выходила еженедельно на белорусском языке. Вышло 68 номеров. С декабря 1939 года она стала называться «Заря» как орган обкома партии и облисполкома.

Многочисленные публикации в газете «Заря» являются подтверждением большого внимания к благоустройству города.

Заметка «Дабрабыт Брэста» («Заря» № 193 от 25.08.1940 г. с.1)

«З кожным днём расце дабрабыт горада Брэста, адбудоўваюцца будынкi, упарадкоўваюцца вуліцы, значна пашыраюцца вадаправодная і каналізацыйная сетка.

Да дня свята – гадавіны вызвалення працоўных Заходняй Беларусі – у Брэсце заканчваецца абсталяванне новай гасцініцы.

Значна пашыраецца і ўпарадкаўваецца сетка медыцынскіх устаноў горада. Ужо пабудавана і будзе на днях адкрыта добраабсталяваная гарадская бальніца на 200 ложкаў. Таксама на днях у горадзе будуць адкрыты першыя дзіцячыя яслі на 100 дзяцей. Адкрыта і ўжо работае малочная кухня.

Значна пашыран і рэканструіраван гарадскі вадаправод. Упершыню праведзена каналізацыя па трох галоўных вуліцах горада».

Иван Федорович Вологин (1916–1945) на 22 июня 1941 г. – сержант, командир отделения 31 отдельного автотранспортного батальона. Защитник крепости. Попал в плен. После освобождения участвовал в боевых операциях в Германии. Погиб в 1945 году. Похоронен в г. Брандербурге.

В последнем довоенном письме родным Иван Федорович восхищался красотой города и природой: *«Здравствуйте, дорогие родные мама и папа! Сообщаю, что служба идет хорошо. Здоровье хорошо. Весна – самая прекрасная пора года. Город Брест очень красивый город, много зелени, цветов. Поют птицы...»* (10.05.1941).

Облик города изменился. На улицах появилось множество советских плакатов. С улиц и строений исчезла вся польская национальная символика, портреты государственных деятелей, вывески. Завершением этого процесса стало переименование улиц города и установление памятников погибшим во время боевых действий советским воинам.

С началом Второй мировой войны в Брест с целью репатриации постоянно прибывали новые беженцы. Увеличение их численности, вопросы размещения оставались острой социальной проблемой, которая смогла разрешиться весной 1940 года, когда началась паспортизация населения (в первую очередь паспорта начали выдавать жителям крупных городов Белостока и Бреста, затем населению, проживающему в приграничной полосе 7,5 км.), а также депортация некоторых категорий населения летом 1940 года, которая в основном затронула беженцев.

Докладная записка заместителя начальника УРКМ НКВД БССР Брестской области секретарю Брестского горкома КП(б)Б об организации работы по проведению паспортизации жителей г. Бреста от 14 января 1940 г.

Секретно

«На основании постановления СНК СССР от 9 января 1940 г. с 15 января и по 1 мая 1940 г. по Западной Белоруссии будет производиться паспортизация.

По гор. Бресту имеется 65 000 населения, которым необходимо будет выдать 65 000 паспортных документов, на что потребуется 55 рабочих дней.

Для проведения работы по выдаче паспортов населению гор. Бреста необходимо в городе организовать 12 паспортных пунктов по выдаче паспортов.

Для выписки и выдачи паспортов потребуется 12 начальников паспортных пунктов и 36 человек грамотных технических работников».

Зам. нач. УРКМ НКВД БССР

по Брестской области,

старший лейтенант милиции Богатенко

Наряду с вышеперечисленными, одной из первоочередных задач стало обеспечение населения товарами. Существовавшая до войны система снабжения города больше не работала, поэтому начался массовый завоз товаров первой необходимости.

Восстанавливая систему жизнеобеспечения города, было принято решение отказаться от скорейшей национализации торговли, справедливо полагая, что такой шаг приведет к трудностям в сфере снабжения.

Население изъело из банков сбережения, почти на всех предприятиях повысили зарплату. Прибыло большое число работников, получавших зарплату по ставкам СССР. Некоторое время в регионе ходили и польские и советские деньги. Соответственно, увеличилось количество денежной массы.

Поскольку товары из-за границы в город больше не поступали появился товарный голод и как следствие спекуляция, контрабанда и рост цен.

Постановлением Временного управления Полесской области «О борьбе со спекулятивным повышением цен на сельхозпродукты» 28 ноября 1939 г. – для борьбы с коррупцией и спекуляцией создавались конвенционные бюро, которые регулировали цены.

Отдельная работа велась по перераспределению жилого фонда.

Семья Афанасия Никитовича Толстых (1911–1968) в июне 1941 г. – младший лейтенант, командир взвода 125 стрелкового полка, участник боев в районе г. Бреста, жила в центре города.

«В Бресте семья жила на ул. Широкой около военкомата. Дом расположен был внутри двора. Семья расположилась на первом этаже и занимала две комнаты, что составляла половину первого этажа. Хозяйка была Мария Венедиктовна. В домах, которые нас окружали жили поляки. Поляки, которые жили в соседних домах относились к нашей семье и папе с большим уважением. Уважение заслужил он тем, что при расселении семей военнослужащих, а это было поручено ему, он был особо внимателен к возражениям и требованиям поляков и населения» (Воспоминания дочери Алевтины Афанасьевны Соболевой, 1976).

Несмотря на все трудности, промышленность и торговля были переведены на принципы советского функционирования. Проведена национализация и кооперирование в отраслях. Введены новые формы налогообложения. Система жизнеобеспечения становилась все более отлаженной.

Изменения коснулись работы городского транспорта.

В Бресте горожане передвигались преимущественно на велосипедах или пешком. У центрального железнодорожного вокзала и на оживленных перекрестках дежурили извозчики с дрожками. За проезд на станцию «Брест-Центральный» из города или обратно «дрожкаж» брал 70 грошей, в крепость – 1 злотый 50 грошей. За поездки в пределах города брал 60 грошей. Бесплатное ожидание длилось 15 минут. Далее по 30 грошей за полчаса. В ночное время стоимость поездки возрастала. Примерно от нынешней площади Ленина по ул. Ленина и проспекту Машерова была проложена узкоколейная железная дорога и ходил паровозик с двумя вагонами. В народе его звали «колейка» или «цюхця». Со второй половины 30-х было несколько такси. Большой редкостью были легковые автомобили.

В 1940 году появился первый автобус и стал совершенно новым видом городского транспорта. Это был «Газик» с одной дверью, которую водитель открывал и закрывал рукой. Стоимость проезда приятно удивила всех – всего 5 копеек. Так был открыт маршрут № 1, который шел по Московской, заходил в Южный городок (там также проживали семьи комсостава), а конечной остановкой его были торговые ряды (сегодня Центральный универмаг). Накануне Великой Отечественной войны в городе уже ходило 4 маршрута автобусов.

Замполитрука 37 отдельного батальона связи **Владимир Николаевич Абызов** (1919–1941) описывал транспорт и покупку товаров в городе: *«О городе Брест-Литовске:*

он красивый, имеется хороший железнодорожный вокзал, трамвайного движения нет, а имеются извозчики с колокольчиками, которые ездят по улицам и гремят. Имеется много еврейских церквей и польских костёлов (церковь их). В выходные дни можно наблюдать как из этих церквей в воскресенье выходит молодежь обоего пола. О себе и городе пока всё» (5.04.1940).

В 1939 году было принято Постановление «О железнодорожной сети в Западной Белоруссии и Западной Украине» о перепрошивке железнодорожного полотна.

Эти участки имели западноевропейскую колею (1435 мм). Имеющиеся паровозы и вагоны предназначались для движения по ней. Сначала было предложено эксплуатировать технику на этой колее и образовать 3 станции перегрузки. Однако, была принята позиция: перешивать новые участки на советскую колею (1520 мм) и переделывать вагоны и паровозы. Задача оказалась сложной. Не хватало запасных частей, материалов, рабочей силы. Трудности заключались в том, что организация движения осуществлялась на польском языке, с использованием польских бланков, по правилам технической эксплуатации Польской железной дороги. Только к лету 1940 года перешли на Правила технической эксплуатации СССР, стали использовать русский язык и советские документы. На широкую колею переведен участок дороги Брест-Барановичи.

После окончания работ по реконструкции Днепро-Бугского канала в августе 1940 года Брест стал портовым городом.

Об этом событии была написана заметка «Брест стал портовым городом» (газета «Советская Белоруссия» № 183 от 10 августа 1940 г. с.1)

«9 августа вечером по Днепро-Бугскому каналу из Пинска в Брест прибыли первые два каравана с грузом. Задолго до прибытия судов около новой товарной пристани собрались сотни трудящихся города. С оркестрами, красными знаменами и плакатами организованно пришли рабочие, служащие предприятий и учреждений города.

Весь путь от Пинска до Бреста на расстоянии 202 км караваны с грузом в 500 тонн прошли за 6 суток. В дальнейшем путь этот можно будет пройти за 70 часов».

Преобразования коснулись сферы здравоохранения. На период установления советской власти в г. Бресте было 2 больницы, 2 амбулатории, 1 контрольно-венерический пункт и около 20 врачей. Этого было недостаточно для города. Встал вопрос об увеличении числа медицинских работников и мест для больных.

Реконструируются старые и строятся новые больничные учреждения. Количество которых возросло с 2 до 8. Была открыта инфекционная больница, станция скорой помощи, стоматологическая амбулатория. Однако стал вопрос об обеспечении различными видами медицинского оборудования. На август 1940 года обеспеченность медучреждений была на 30%. Планировалась также создать аптечную базу. Было национализировано 10 аптечных магазинов.

Брестская городская больница на улице Ленина – одна из старейших в городе, была открыта в 1923 году, а в 1935 было построено новое здание на 150 коек. Осенью 1939 г. после модернизации она была расширена до 250 коек и переведена в областное подчинение Брестскому облисполкому.

На территории Волынского укрепления Брестской крепости располагались корпуса Брестского военного госпиталя.

Госпиталь был рассчитан на 300 койко-мест и насчитывал 11 лечебных отделений: хирургическое, терапевтическое, инфекционное, неврологическое, ЛОР, глазное, кожно-

венерологическое, рентгенкабинет, физиотерапевтическое, лечебной физкультуры, стоматологическое. Имел также поликлинику, приемный покой, лабораторию, аптеку, библиотеку, виварий (помещение для содержания подопытных животных).

Вольнонаемной кастелянше терапевтического отделения Брестского военного госпиталя **Любови Филипповне Фигурской** (1908–1981) такими запомнились работа в госпитале и его коллектив: *«Врачи, работавшие в госпитале, были хорошими людьми. Внимательные, культурные, высокообразованные и душевные. За весь период моей работы ни одного оскорбления, никогда никакой грубости. Коллектив был сложен, дружный и добрый. Хорошо припоминаю главного врача госпиталя Маслова Б. А., комиссара Богатеева С. С., Бабкина, Соскина – терапевта, Петрова, Зорина, Крымко и других. В 1941 году многие утверждали о приближении войны с немцами. Однако, в госпитале об этом не говорили, так как разговоры такие считались распространением паники. Накануне войны начали вывозить больных в Пинск, однако всех вывезти не успели. Терапевтическое отделение состояло из 5 комнат, где размещалось 70-80 человек»* (1970).

В 1939–1941 гг. Брест являлся крупным региональным и культурным центром, где гастролировали концертные коллективы и театральные группы из СССР. Уделялось внимание культуре.

Из протокола второго заседания бюро Брестского обкома КП(б)Б от 2 декабря 1939 года следует, что был открыт русский драматический театр, музыкальная школа, Дом народного творчества, Дом художника:

«Учитывая необходимость культурного обслуживания населения города Бреста и гарнизона воинских частей, а также в целях создания базы для развития театрального искусства в области, организовать в городе Бресте областной драматический русский театр».

Театр был размещен в помещении бывшего клуба «Свит». С декабря 1939 года театр начал работу. Актерская труппа была сформирована в Москве из выпускников Государственного института театрального искусства, художественным руководителем курса был известный мхатовец Михаил Тарханов. Труппа прибыла в Брест в 1940 году. Театральный сезон открылся спектаклем «Любовь Яровая» по пьесе Константина Тренёва. В мае 1941 года театр гастролировал в г. Белостоке, г. Гродно. Накануне войны коллектив Брестского драматического театра отправился на гастроли в г. Пинск, а на гастроли в г. Брест приехала труппа театра музыкальной комедии БССР (г. Минск).

В газете «Заря» от 21.06.1941г. было размещено объявление о заключительных гастрольных спектаклях музыкальной комедии БССР «М-ль Нитуш» – оперетта французского композитора Ф. Эрве (1883). Последний спектакль «Мадемуазель Нитуш» состоялся незадолго до полуночи 21 июня 1941 г. В этот же день в парке «1 Мая» выступал Государственный хор БССР Белорусской государственной филармонии.

К концу 1939 года в Бресте была развернута активная работа по организации учреждений культуры. Были созданы русский и еврейский областные драматические театры.

Как свидетельствуют архивные документы, существовавшие в городе кинотеатры были национализированы и вместе с имуществом перешли в распоряжение созданного областного кинотеатра.

На заседании Брестского облисполкома 2 января 1940 года было решено переименовать кинотеатры, носившие еще польские названия. Так, кинотеатр «Сарвера» стал «Кинотеатром имени Горького», «Адрия» переименован в «1 мая», а «Мираж» – в «Ким».

Кроме того, планировалось создать областной Дом народного творчества, Дом художников. В Бресте была проведена областная выставка народного творчества. На предприятиях создаются коллективы художественной самодеятельности.

Жизнь военнослужащих Красной армии была расписана по часам: занятия на стрельбищах, марш-броски, политподготовка. Организация досуга красноармейцев была в ведении Главного управления РККА. В крепости действовали кружки художественной самодеятельности, проходили репетиции духовых оркестров и прочее. На территории крепости было несколько красноармейских клубов, в которых для военнослужащих был организован досуг, в теплое время года фильмы смотрели на улице (приезжали кинопередвижки). Сержант, командир отделения пулеметного взвода и секретарь комсомольской организации полковой школы 455 стрелкового полка **Алексей Данилович Романов** (1912–1983) вспоминал: *«В центре крепости был свой «зеленый театр» – среди деревьев деревянные скамейки и два столба для киноэкрана. Показывали разные фильмы. Была возможность выбрать».*

В свободное время в кино в город с товарищем ходил старший писарь 333 стрелкового полка **Иван Степанович Степанов** (1920–1942), защитник крепости, погиб в плену.

«Сегодня со своим товарищем ходили в город с целью сфотографироваться в новой форме. Пришли к одной фотографии – она окончила свою работу, пришли к другой – очень много людей, пошли к третьей – закрыта, а в четвертой – опять много народу. Оставили на будущие выходные. Раз мы пришли в город подумали посмотреть кино. Ровно в 6 часов была картина «Огненные годы» (24.04.1940).

В 1940 году было принято решение о создании Брестского областного краеведческого музея, началась работа по организации, но открытие музея не состоялось из-за начала войны.

В этот период организуется городская библиотечная сеть. С 1 января 1940 года уже работали городская, районная и областная библиотеки.

К концу 1939 года существенной реорганизации подверглась система образования. На территории Западной Беларуси была введена советская школьная система. На 1 января 1940 года в городе действовало 7 начальных школ, 13 неполных средних и 5 средних школ.

Главная задача – унификация с Восточной частью Белоруссии. Из школ исчезает преподавание религии и религиозная атрибутика. Обучение и воспитание основывается на «марксистско-ленинской» теории, обучение детей обоих полов становится совместным. Немаловажно, что образование становилось бесплатным и доступным для большинства населения. Обязательным в городах становится окончание 7 классов, в деревнях – начальное (4 класса). Появляется комсомольское движение и пионерская организация, значкистское движение (ГТО, ГСО и др.), различного рода творческие и учебные олимпиады.

Брест это и учебный центр области, где работают техникумы и средние учебные заведения по подготовке специалистов. На базе существовавших в межвоенной Польше специализированных учебных заведений были созданы железнодорожный техникум, музыкальное училище, музыкальная школа.

В городе была налажена работа по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения. В 1940 году были открыты педучилище и педкабинет, которые осуществляли помощь учителям, обеспечивая их методической литературой и учебниками. Организовывались специальные курсы переподготовки

В Брестской крепости проживало около 300 семей командиров и политработников Красной армии, дети разных возрастов, которые учились в школах города.

Валентине Ивановне Зенкиной-Сачковской (1927–2004) – дочери старшины музыкантского взвода, капельмейстера 33 отдельного инженерного полка Зенкина Ивана Ивановича (1895–1941), пропавшего без вести в июне 1941 года, накануне Великой Отечественной войны было 14 лет. Она жила с семьей в крепости. Квартира находилась в башне над Тереспольскими воротами.

Валентина Ивановна в послевоенные годы была частым гостем в Брестской крепости, вспоминала детские годы, проведенные здесь: *«Накануне войны я окончила 7 класс 15 средней школы г. Бреста. ...Квартира наша была в Тереспольской башне. Нашими соседями были Нагановы, Мулины, Поповы, Маковы – всего 8 семей. Мы с Нюрой Кижеватовой были одноклассники. Мы часто лазили на верхний этаж башни и оттуда любовались панорамой старинной крепости: ее обводными каналами, сооружениями, островами, Бугом. Бывали и упограничников. Особенно нравилась нам их художественная самодеятельность...»*

В субботу вечером в клубе нашего полка пограничники давали концерт. На нём присутствовал один батальон бойцов, музвзвод и штабные работники» (1958).

На Кобринском укреплении Брестской крепости в домах комсостава жила семья Нестерчуков.

Из воспоминаний **Лидии Николаевны Нестерчук** (1926–2009) – дочери защитника крепости, заместителя командира по политчасти, старшего политрука 98 отдельного противотанкового дивизиона Нестерчука Николая Васильевича (1901–1941).

«Жили на перекрестке от Северных ворот и Кобринских ворот. Училась я в 15 школе – отличница, школа была показательной... Я мечтала учиться в Горном институте, быть геологом... Мы все участвовали в танцах, акробатике, ходили в Дом пионеров» (1978).

Создание национальных школ стало одним из ключевых тезисов организационной политики в системе образования. С 1 января 1940 года в городе должны были начать работу белорусские, русские, еврейские, польские и литовские школы. В документе Брестского облисполкома от 19 декабря говорилось: «Считать, что основная масса школ в области должна быть белорусской. Переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его постепенно, по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями-белорусами. Одновременно, в соответствии с национальным составом и желанием родителей, открывать национальные школы (русские, еврейские, польские, украинские)».

Средняя школа на ул. Долгой (Куйбышева) и неполная средняя школа на Волынке стали школами с обучением на белорусском языке.

Судя по архивным документам, реорганизация началась раньше принятия решений о ней, не будучи централизованной, проходила в каждом районе в индивидуальном порядке.

Но, к 1941 году школьная система была упорядочена. В Бресте работало 4 начальных школы, семилетних – 9, средних – 5. Всего – 18 школ. Детских садов было 3, их посещало

158 детей.

Таким образом, в непродолжительный период с 1939 по 1941гг. в жизни города произошли коренные изменения в политической, социально-экономической и культурной жизни. В первую очередь все изменения затронули городское население, где происходила перестройка жизни на советский лад.

По распоряжению временных управлений вводился восьмичасовой рабочий день, перераспределялся жилой фонд, отменялась плата за обучение и медицинское обслуживание, делаются шаги по решению земельного вопроса.

В Брестской области бедные слои крестьян получили в пользование 66 тысяч гектаров земель, 6 тысяч голов скота, бесплатно 156 тысяч кубометров древесины.

22 октября 1939 года состоялись выборы в Народное Собрание Западной Белоруссии. Был принят ряд законодательных актов. Завершающим из которых стал закон Верховного Совета БССР от 14 ноября 1939 года о принятии Западной Белоруссии в состав БССР.

Создаются органы Советской власти, было проведено новое территориально-административное деление. 4 декабря 1939 года были образованы Барановичская, Брестская и Пинская области.

Прошли преобразования в области образования и культуры. Все школы объявлялись государственными и брались на содержание государства. В декабре 1939 года было принято решение Брестского обкома КПБ об открытии в Бресте, Пинске и Барановичах театров, музыкальной школы, дома художников, дома народного творчества, создавались избы-читальни. К апрелю 1940 года в области действовали 24 хоровых, 28 драматических коллективов, 12 оркестров, 180 кружков. Художественной самодеятельности. Было открыто три кинотеатра, работало 6 кинопередвижек.

Возникали комсомольские организации, но пока прежде всего за счёт приезжей молодежи. Реформа в сельском хозяйстве и экономике.

Следует отметить, что преобразования порой проводились с невниманием к закону, национальным традициям и морали. Преобразования, проводимые советской властью: национализация, ликвидация многих политических и социальных институтов, наступление на церковь и религию способствовали недовольству некоторых слоев населения, что привело к репрессиям перед войной.

Из союзных республик в город Брест едут специалисты: учителя, врачи, железнодорожники, агрономы, строители. Налаживались контакты и связи с другими регионами СССР в разных отраслях и сферах деятельности.

Брест и его жители стали жить по-новому.

Несмотря на трудности, к 1941 году экономика и социальная сфера города стала довольно успешно функционировать. Однако, в виду краткосрочности периода не удалось реализовать все планы по развитию города.

В результате в состав БССР, а затем по правопреемству – к суверенной и независимой Республике Беларусь, вошли территории с преобладающим проживанием белорусов. Этот акт исторической справедливости завершил процесс территориальной и этнографической консолидации белорусской нации – необходимого прочного фундамента белорусской государственности.

А дата 17 сентября сегодня – консолидирующий символ для современных белорусов.

Источники и литература:

1. Брест в 1939–1941 гг.: документы и материалы / Учрежд. «Государственный архив Брестской области»; сост. А.Г. Карапузова и [др.]. – Брест: «Альтернатива», 2012. – 246 с., [12] л. фот.
2. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (далее – Архив ГУ МК БКГ) – Библик Л.Г., научный сотрудник // – Научная справка «Освободительный поход Красной армии в Брестской области, 1939 год», 1990 г. – 25 с.
3. Архив ГУ МК БКГ – Драневич С. Н., зав. научно-экспозиционным отделом // – Научная справка по экспозиции 3 зала Музея обороны Брестской крепости «Вставай страна, огромная!», 2022г. – с. 45-61.
4. Игнатович, О. Верные долгу/ О. Игнатович// Заря. – 2023. – 21 июня – С. 5, 6.
5. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени: Кн. 2. Брест 1939–1941: между молотом и наковальной / В. В. Сарычев. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2007. – С. 306.
6. Смирнов, С. С. Брестская крепость / С. С. Смирнов. – Минск: «Мастацкая літаратура», 1991. – С. 276–285.
7. Городская больница СМП на Ленина: история, воспоминания. Олег Карпович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://virtualbrest.ru/news33810.php>. Дата доступа: 15.02.2023.
8. Культурное прошлое довоенного Бреста: с 1939 по 1941 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vbrest.by/news/36197>. Дата доступа: 6.03.2023.
9. Брестская крепость и кино. Досуг накануне войны. Романюк С. Н. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brestcity.com/blog/brestskaya-krepost-i-kino-dosug-nakanune-vojni>. Дата доступа: 6.03.2023.
10. Из истории образования г. Бреста. Материалы отдела образования Брестского горисполкома [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brestgoo.gov.by> Дата доступа: 6.03.2023.
11. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 37 обс, Абызов В. Н. Д. 37.
12. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 125 сп, Бессоновский А. Е. Д. 215.
13. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 31 оатб, Вологин И. Ф. Д. 10.
14. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 33 оип, Зенкин И. И. Д. 76.
15. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. «ОВК». Иоффе С. Н. Д. 18.
16. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 98 оптад, Нестерчук Н. В. Д. 17.
17. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 455 сп, Романов А. Д. Д. 29.
18. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 333 сп, Степанов И. С. Д. 105
19. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. 125 сп, Толстых А. Ф. Д. 179.
20. Фонды ГУ МК БКГ, – Оп. «Госпиталь», Фигурская Л. Ф. Д.4.

Рысь Е. Н.,

учёный секретарь учреждения культуры «Кобринский военно-исторический музей имени А. В. Суворова».

Условия жизни населения Кобринщины в 1921–1939 гг. глазами очевидцев

Поколение XXI века смотрит на события 1920–1930-х гг. в Западной Беларуси через призму собственных знаний и опыта. Мнение современников на эту тему формируется под воздействием написанных профессиональными историками монографий и умозаключений политиков. Но, бесспорно, самыми объективными, возможно, самыми правильными и искренними следует считать воспоминания земляков, перед глазами которых прошла череда событий, повернувших историю родного края в совсем другое русло и кардинально изменивших их личную судьбу.

Услышав живые голоса простых людей Кобринщины, мы узнаем, насколько их устраивала жизнь «при Польше». Условия жизни населения нашего края предстанут в восприятии его жителей, очевидцев и участников событий: коренного кобринчанина Алексея Мартынова, уроженцев сельской местности Прасковьи Сидорук, её брата Игнатия Сидорука, Василия Харитонюка и Алексея Сущука. Субъективный срез взглядов представителей разных слоёв населения, разного уровня образования, благосостояния и положения в обществе позволит сделать объективные выводы о жизни обывателей, простых горожан и крестьян, «за польским часом».

Особенность собранного материала заключается в том, что использованы большей частью неопубликованные источники: воспоминания наших земляков и фото из семейного альбома В. Харитонюка, находящиеся на хранении в фондах Кобринского музея. Исключением являются только ранее напечатанные газетные статьи А.М. Мартынова.

Коротко об авторах воспоминаний.

Мартынов Алексей Михайлович (1904–1999)

Родился в 1904 г. в г. Кобрине в семье учителя. В 1911–1915 гг. учился в Кобринском приходском училище. В Первую мировую войну семья эвакуировалась в город Рогачев, где А. М. Мартынов продолжал учёбу в реальном училище. Работал учителем в школе ликбеза, после смерти отца в 1922 г. семья вернулась в Кобрин.

В 1922–1939 гг. – чернорабочий на сезонных работах и на лесозаводе. Активно занимался самообразованием, имел признанные литературные успехи.

После воссоединения Западной Белоруссии с БССР в 1939 г. Алексея Михайловича привлекли на работу во Временное управление Кобринского уезда налаживать службу связи. Затем он занимался организацией городской библиотеки, заведующим которой проработал до начала войны.

В годы оккупации в период Великой Отечественной войны Мартынов был связным партизанского отряда им. Чапаева, выполнял разведывательные задания в тылу врага. После освобождения Кобрин от немецко-фашистских захватчиков Мартынов восстановил работу городской библиотеки. Вскоре был призван в ряды Красной Армии,

служил в ряде артиллерийских частей писарем.

С 4 августа 1946 г. назначен директором Кобринского исторического музея А. В. Суворова, на капитанском мостике которого находился 32 года. Алексей Михайлович создавал музей «с нуля». Он отремонтировал здание и наполнил его жизнью: сформировал богатые музейные коллекции и оформил несколько экспозиций. Мартынов организовал в 1966 г. Общество охраны памятников истории и культуры, которое возглавлял до 1972 г. Награжден медалью им. Н. К. Крупской. В 1997 г. удостоен звания «Почётный гражданин города Кобрина» [4, с. 437–438].

Сидорук Прасковья Семеновна (1909-2001), Игнатий Семенович Сидорук (1900-1980)

Прасковья и Игнатий Сидоруки родились в деревне Илоск Кобринского уезда в крестьянской семье. Прасковья Семёновна с 1927 г. член КСМЗБ, а с 1931 г. член КПЗБ. В 1932 г. за подпольную деятельность была арестована и заключена в тюрьму на два года. После освобождения продолжила подпольную работу. В результате была опять арестована и просидела в тюрьме 7 лет, освобождена в сентябре 1939 г., в октябре была избрана депутатом Народного собрания Западной Беларуси. В начале Великой Отечественной войны оказалась на Поволжье, потом была заброшена в Кобринский район для организации подпольной и партизанской борьбы. Была членом бюро Антопольского подпольного райкома КП(б)Б, который находился в партизанском отряде имени Кирова. После войны работала секретарем Кобринского райкома партии, позже заместителем председателя Кобринского райисполкома. Избиралась депутатом Верховного Совета БССР в 1947–1951 годах. В 1964 г. ей было присвоено звание «Почётный гражданин г. Кобрина» [4, с. 455].

Игнатий Семенович Сидорук (1900–1980) – активный член РК КПЗБ в Кобрине, руководитель легальной библиотеки «Просвита» в Кобринском повете, член сеймика и президиума сеймика в Кобрине. Организовал библиотеки-читальни в ряде деревень [4, с. 99].

Спасаясь от дефензивы (польская контрразведка и политическая полиция в межвоенный период) и концлагеря «Берёза-Картузская», бежал в СССР, где был осужден на 10 лет лишения свободы (58 статья) по обвинению в принадлежности к «Польской организации войсковой». Работал на лесоповале учётчиком. После войны его освободили. Реабилитирован в 1956 г. [5]. Жил в Кобрине, работал бухгалтером на хлебоприемном пункте «Заготзерно».

П. С. Сидорук и И. С. Сидорук передали в Кобринский музей рукописные воспоминания под общим названием «Непокорённая Кобринщина», написанные в 1967 г. к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Харитонюк Василий Иванович (1896-1977)

Родился в деревне Забава Кобринского уезда в крестьянской семье. Во время Первой мировой войны был призван в армию, служил в Финляндии. По окончании службы В. И. Харитонюк вернулся домой, построил в 1924 г. новый дом, имел землю, скот и крепкое хозяйство, что обеспечивало стабильный достаток и даже давало возможность платно учить троих детей. Его много раз деревня выбирала в гминную раду и один раз – в поветовый сеймик [8, с. 50–51, 57, 149–150, 163–166].

В годы Великой Отечественной войны участник движения сопротивления, связной партизанских отрядов им. М. В. Фрунзе и им. М. Н. Чернака. После освобождения

Беларуси от фашистских захватчиков был сотрудником районного отдела культуры. С мая 1948 г. по 1958 г. – директор Кобринского парка им. А. В. Суворова [4, с. 460].

Родословная семьи Харитонюк (рукопись Василия Ивановича с автобиографическими набросками) была передана в музей его младшим сыном Иваном Васильевичем на постоянное хранение.

Суцук Алексей Михайлович (1925-2005)

Родился в деревне Кустовичи Кобринского повета в крестьянской семье. С 1943 г. связной партизанского отряда им. В. И. Чапаева. С августа 1944 г. в Красной армии, с ноября 1944 г. до мая 1945 г. принимал участие в военных действиях. После демобилизации работал директором киносети Кобринского района, заведующим отделом культуры Кобринского райисполкома, директором гортопсбыта. Закончил заочно Высшую партийную школу (1970). С 1990 г. помощник-секретарь депутата Верховного Совета, потом Национального собрания Беларуси В. Ф. Кучинского. Участник юбилейного парада Победы на Красной площади в Москве 9 мая 1995 г. Награждён орденом Красной Звезды, Почётной грамотой Верховного Совета БССР [4, с. 245–246].

Автобиографическая хроника А. М. Суцука, написанная в ознаменование 50-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне (второй экземпляр из четырех), была передана в фонды Кобринского музея автором.

По новому административно-территориальному делению Кобрин становится центром повета, входившего в состав Полесского воеводства, главным городом которого был Пинск. С приходом новой администрации для Кобрин начался совершенно новый период существования. Что изменилось с точки зрения обывателя?

Обратимся к воспоминаниям уроженца Кобрин А. М. Мартынова, перед глазами которого прошла вся история нашей малой родины практически за всё XX столетие.

Алексею было всего 10 лет, когда началась Первая мировая война. Спустя год при приближении фронта городской учитель Михаил Яковлевич Мартынов вместе с женой и детьми оказался в положении бездомных беженцев. Похоронив на чужбине маленькую сестру и отца, осиротевшая семья вернулась домой. Но это была уже совсем другая страна с новыми порядками. На плечи молодого человека легла забота о матери и о младших брате и сестре.

Вот как об этом времени с горечью вспоминает А. Мартынов: «Первой встречей с новым порядком и подлинным чистилищем для репатриантов, направившихся в западную Белоруссию, служил огромный лагерь на окраине Барановичей. Для этой цели польской администрацией были использованы многочисленные бараки бывшего лагеря для военнопленных. Здесь прибывшие подвергались санитарному карантину, сопровождаемому тщательным допросом наиболее подозрительных лиц. Вооруженные охранники при любом случае давали почувствовать «чубарикам», что «тут не Большевия, а панство Польске», в котором господствует твердая дисциплина и порядок. Внушались эти истины оробевшим людям, не знавшим польского языка, не только грозными окриками, но и при содействии более доходчивого аргумента – резиновой дубинки. Лишь после трёхнедельного пребывания в невероятных скученных бараках экс-беженцы могли отправляться на места постоянного пребывания» [1].

О бедственном положении возвращающихся домой земляков пишет и Василий Харитонюк, семьи которого беженская эпопея не коснулась, и хозяева даже имели возможность помогать продуктами голодным. «Для беженцев это было страшное

время, – пустая земля, голод, от недоедания сплошная лихорадка... Питались зельем, мололи верес и пекли лепешки. От голода и тифа многие умерли. За подаванием каждый день приходило по человек двадцать, дарили по одной картошке в руки» [8, с. 145].

Более лаконично и образно, как признанный мастер художественного слова ситуацию обрисовал А. Мартынов. «А столь заманчивые по воспоминаниям родные места сплошь да рядом встречали вернувшихся хозяев следами сгоревших хат, заросших бурьяном, да порослями молодых березок и ольшаника на заброшенных полосках ранее пахотных полей. Приходилось селиться в наскоро вырытых землянках, влачить годы в невообразимо примитивных условиях, чтобы с огромным напряжением всех сил восстанавливать с нуля хозяйство, попутно свыкаясь с чуждыми порядками.

Этот неимоверно тяжёлый период для многих семейств занял целое десятилетие. Западно-белорусские земли, волею исторических судеб оказавшиеся в границах буржуазно-капиталистической Польши, получили официальное название «Кресы восточные» – Восточные окраины. С самого начала власти предрержащие разделили Речь Посполитую на Польшу-А и Польшу-Б. Причем Кресы полностью вошли в состав Польшы-Б, которой предназначалось служить аграрно-сырьевым поставщиком индустриально-промышленной Польшы-А» [1].

Воспоминания А. Суцука дополнены статистическими данными. «На «крэсах восточных» не строили крупных промышленных предприятий... В Кобринском повете, где крестьяне страдали от безземелья, 78 помещичьих хозяйств владело около 120 тысячами гектаров земли, на одно хозяйство в среднем – 1540 га. Килограмм соли стоил 55 грошей, литр бензина – 37, коробок спичек – 10. А мама могла заработать у пана Ежи Парневского всего один злотый за целый день копки картофеля!.. Здесь поселялись так называемые осадники – бывшие легионеры Пилсудского, политически надёжные люди имущих классов. Наделялись они лучшей землей, были вооружены и служили опорой режима» [7, с. 33].

Тот же факт подтверждается и А. Мартыновым: «В начале 20-х гг. лучшие земли были переданы участникам польско-советской войны, так называемым осадчикам, владения которых служили опорными пунктами для ополячивания местного населения. Вооруженным осадчикам предоставлялись всевозможные привилегии и льготные кредиты, что, естественно, вызывало лютую ненависть обездоленного коренного крестьянства» [1] (Рис. 1).

Рис. 1. Магистрат и Кооперативный банк в Кобрине. 1921–1939 гг. Фонды КМС

Политика ополячивания местных жителей осуществлялась не только прямыми социально-экономическими средствами, но и косвенными, например, под благовидным предлогом усовершенствования сельского хозяйства. Об этом и пишет В. Харитонюк. «В 1926–1927 годах в повете началось движение за поднятие сельскохозяйственной культуры на селе... С этой целью организовывались кулка рольниче (*Великопольское товарищество сельскохозяйственных кружков*), кулка господинь вейских, кулка молодежи вейской, сельскохозяйственные школы и курсы. Руководили этими кулками опытные инструкторы с агрономическим образованием. В нашем полесском воеводстве кулки имели и другую цель – ополячить полешуков» [8, с. 157–158].

В. Харитонюк жил безбедно, что давалось ему напряженным ежедневным трудом. Организация «Изва рольнича» (Сельскохозяйственное общество) имела своих инспекторов... Они ездили по области, интересовались проблемами крестьян и помогали советами. Один такой инспектор по фамилии Гомулко несколько раз был у Харитонюка и восхищался ведением его хозяйства. Видимо, по рекомендации этого инспектора Василий Иванович «даже без ведома местных властей был награждён бронзовым Крестом Заслуги с обозначением «за общественную и профессиональную работу в сельском хозяйстве» [8, с. 173–174].

Градостроительство фактически прекратилось. Мелкие промышленные предприятия, ремесло и торговля находились в плачевном состоянии. Об этом подробно пишет А. Мартынов. «Дальнейший пространственный рост города также почти полностью прекратился. Достаточно сказать, что лишь на северной окраине пригородного имения Губерния (ныне парк им. Суворова), принадлежавшей польскому помещику, возникли и стали крайне вяло застраиваться две новые улицы – Клопоцин (Пионерская) и Квятова (Жданова, ныне Жукова). Здесь селились преимущественно чиновники с приличными окладами. Ведь за один квадратный метр земли Зелинский получал один злот. Для сопоставления укажем, что средний заработок поденщика не превышал 1,5–2 зл., а корова стоила 80–100 зл.» [1].

А. Мартынов охарактеризовал рассматриваемые два десятилетия истории Кобриня как «всеобъемлющий застой». «Причем этот процесс касался решительно всех аспектов народной жизни, начиная с поразительной устойчивости городского населения, численность которого колебалась в пределах одиннадцати тысяч. И это в то время, когда из перенаселенных центральных и западных воеводств на Кобринщину ежегодно переселялась добрая сотня польских семейств. Благодаря этому неуклонно возрастало количество польского населения, которое по статистике XIX ст. не составляло в Кобринском уезде и одного процента, тогда как в конце 1930-х гг. достигло 5–7%. Одновременно местные коренные жители, угнетаемые хронической безработицей и полнейшей бесперспективностью, непрерывно массово выезжали, куда только удавалось (Рис. 2). Первоначально волна эмиграции направлялась в США и Канаду. Когда же границы

Рис. 2. Писаревич Аким Антонович - мещанин
(г. Кобрин, ул. Гончарская, ныне Пролетарская). 1930-е гг.
Фонды КМС

этих стран были наглухо закрыты, поток эмигрантов переключился на более доступные страны Южной Америки – Аргентину, Парагвай, Уругвай, Бразилию» [1].

О вынужденной эмиграции упоминают и Сидоруки. «Мы, революционно настроенные юноши и девушки, собирались у кого-нибудь на квартире и вели долгие дебаты о беспросветно и нелёгкой жизни народа. У молодежи не было другой перспективы, как пополнить собой ряды безработных или искать призрачного счастья в лесах Канады или в саваннах Южной Америки» [6, с. 75].

А. Мартынов как грамотный и вдумчивый человек, живший в Кобрине в межвоенный период, много читал об этом этапе в истории Кобринщины даже спустя годы. Он хорошо знал польский язык. В 1947 г. в дар музею Авецуком Феодосием Макаровичем была передана книга Юзефа Якубовского «Общественно-культурное состояние деревень Кобринского повета» на польском языке. Внимательно изучив содержание издания и пропустив информацию через призму своих воспоминаний, директор музея основные сведения использовал в своих публикациях.

«По официальным данным Кобринского сеймика (земство)... основным занятием 85% населения являлось сельское хозяйство. Общее количество хозяйств составляло 11294, в том числе помещичьих (свыше 100 га земли) 153. В уезде, помимо города, насчитывалось 19500 домов, тогда как среднее количество жителей одного населенного пункта не превышало 125 человек. 51% земледельцев владели менее 5 га, в которые входили сенокосные угодья и болото.

Рис. 3. Зернохранилище. Гмина Подолесье. Кобринский повет. 1921–1939 гг. Фонды КМС

ценам закупались не только для польской кавалерии, приезжали также ремонтеры из Греции и Румынии» [1].

Когда однажды подросток Алексей Сушук приехал в город вместе с отцом и с удивлением смотрел на богатые экипажи с панями, отец ему разъяснил: «Это купцы, торговцы, капиталисты, их слуги. Едут то на станцию, то со станции. По дешёвке, за бесценок скупают у мужиков свиней, зерно, отборных коней для армии и отправляют вагонами за границу. Всё богатство у них и их детей. Не тянут они косу, не ходят за плугом, не гнут спину с серпом и не крутят цепями при обмолоте, а живут припеваючи...» [7, с. 7].

Сельскохозяйственный инвентарь был примитивным. «Самыми распространенными сельхозмашинами были соломорезки, веялки и ручные молотилки, приобретаемые обычно вскладчину. Однако главным образом для посева служили извечные лукошки,

Поскольку цены на зерно и картофель были крайне низки, их сбыт вызывал затруднения (Рис. 3). Поэтому в 30-х гг. все большее внимание стало уделяться свиноводству. Ежемесячно в городе проводились три животноводческие ярмарки, на которых варшавские купцы закупали по нескольку вагонов свиней. Более инициативные и состоятельные хозяева занимались разведением расовых коней. Они по высоким

для уборки – коса да серп, для молотбы - деревянный цеп, в ходу были все еще «модные» жернова» [1] (Рис. 4).

Далеко не всем пришлось по душе возрожденная хуторская система. «С середины 30-х гг. власти стали усиленно насаждать в деревнях т. наз. «комасацию», возрождать хуторскую систему. Если хутора были выгодны более состоятельной части крестьянства, которая с одобрением встречала это нововведение, то малоземельные массы, отдавая себе отчет в отрицательных последствиях комасации для бедняцких хозяйств, отчаянно протестовали и оказывали всяческое сопротивление.

Помимо экономических соображений, хуторская система мыслилась правительством как надежное разобщение сельского коллектива, усиление собственного индивидуализма с целью противодействия сплоченности в революционной борьбе, которая все более широко охватывала народные массы» [1].

Крестьянское хозяйство было в основном натуральным не потому, что люди сторонились нововведений, а по причине нищеты. Покупалось только самое необходимое, без излишеств. А. Сушук с оттенком горечи вспоминает: «Мама... обшивала всю семью ручной иголкой с наперстком. Трудно представить, как много она знала и как множество работ умела делать. Так жила вся деревня. Сама одевалась и обувалась, сама кормилась и лечилась. Намного легче перечислить то, что всё же приходилось покупать: соль, керосин, иголки, мыло, чугуны для варки пищи, спички, часто заменяемые кресалом, оконное стекло, кирпич для кладки печей, гвозди, косы и серпы. Деревенский кузнец-универсал делал железные плуги, ковал лошадей, делал другой нехитрый крестьянский инвентарь» [7, с. 11].

В воспоминаниях наших героев много страниц посвящено жизни польских панов. Более подробный анализ этого вопроса находим у А. Мартынова. «Подавляющее большинство помещиков были поляками, предки которых в отдаленном прошлом были награждены королями земельными наделами с крепостными крестьянами. Естественно, что извечный антагонизм между паном-эксплуататором и эксплуатируемым холопом продолжался. Повсеместный упадок помещичьего хозяйства после реформы 1861 г. полностью проявился также на Кобринщине. Особенно заметно стал прогрессировать упадок после Первой мировой войны. Хозяйства в подавляющем большинстве велись неумело, на низком агротехническом уровне. В то же время стремление жить красиво, на широкую «панскую» ногу, пускать пыль в глаза, вынуждало залезать в неоплатные долги, продавать за бесценок урожай на корню, на кабальных условиях сдавать в аренду сыроварни и проч. Отдавая себе отчет в шаткости положения, более дальновидные паны предпочитали распродавать земли, которые, однако, не могли приобретаться местными крестьянами: по установленному законодательству «польские земли» могли переходить только в польские руки» [1].

Помещики с неприкрытым презрением и высокомерием относились к крестьянам.

*Рис. 4. Крестьяне Кобринского повета. 1921-1939 гг.
Фонды КМС*

Барские замашки панов возмущали народ. Нередки были и случаи проявления жестокости. Красноречивы воспоминания Сидоруков. «Об управляющем имения Илоск Вильчевском и помещике Бжеском газета «Воля народа» в декабре 1925 года писала: «Чорт семь пар лаптей истоптал, пока их до пары собрал. И, действительно, оба худые, высокие, желчные. Они всем существом своим ненавидели «хлопув, большевикув, коммунистов, злодеев, бандитов»... Какими только эпитетами не награждали они крестьян, которые их кормили, чтобы быть голодными самим, одевали и обували, чтобы ходить раздетыми и обутыми в лапти, на которые драть лыко на помещичьей земле грозило смертью. Не одна крестьянская рубашка, будь то мужская или женская, была врублена в спину плетью управляющего Вильчевского. Всегда на коне, с карабином за плечами и плетью в руке – это был типичный гайдук шестнадцатого века» [6, с. 373].

*Рис. 5. Типичная хата местных жителей
Кобринского повета. 1921–1939 гг. Фонды КМС*

Условия жизни местного населения были невыносимыми, процветала система штрафов. Суцук вспоминает: «На хате не так побелен комин – штраф. Нашли в огороде куст табака – штраф. Задолженность по неоплаченному налогу – опишут имущество и заберут последнюю корову, оставив детей без молока...» [7, с. 30] (Рис. 5).

О том же пишут и Сидоруки: «Польское правительство ввело государственную монополию на продажу водки и табака, установив высокие цены на эти продукты: 0,5 литра водки – 5 злотых и 1/8 фунта табака 50–70 грошей, а заготовка и распиловка одного кубометра дров с корня стоила 25 грошей. Полиция строго следила, чтобы нигде крестьяне не пользовались самосадом. Стоило обнаружить хотя бы один стебель табака в огороде, как владелец подвергался штрафу, а огород уничтожался: рубили подсолнух, валили фасоль, топтали огурцы, капусту и другие посадки. После этого огород крестьянина оставался в таком состоянии, будто по нему прошло стадо скота. А тогда ещё и предавали крестьянина суду» [6, с. 191].

«Важный показатель состояния государства – забота о здоровье населения. Но лечиться у врачей могли далеко не все. Емкую характеристику о состоянии здравоохранения дал Мартынов, используя данные, которые приведены в выше упомянутой книге Юзефа Якубовского. «Один врач приходился на 8782 (!) жителя или же на 277 кв. км. А одна койка в платной больнице (3–5 зл. в сутки) обслуживала 2283 человека (для сравнения: в восточных воеводствах 1 койка на 1211, тогда как средняя цифра по стране – 477). Смертность на десять тысяч населения составляла 134, в том числе 33 процента младенцев... Поскольку полтора десятка практикующих врачей проживали только в городе, куда добраться издалека на лошадке было непросто, да и визит к врачу обходился недешево, огромное количество сельского населения предпочитали пользоваться советами знахарей и «бабок» [2].

Суцук вспоминает о болезни своей сестры и невозможности из-за дороговизны лечиться у профессиональных докторов, исключениями являлись только самые тяжёлые случаи. «Иногда не здоровилось Мане. Замечал, как нежно берегла её мама. Готовила разные домашние лекарства, вносила изменения в питание. Когда посчитала свои меры недостаточными, убедила отца в необходимости показать врачу... Дорого стоил

прием у врача, но другого выхода не было» [7, с. 38]. «Аптека и врачи находились лишь в городе и были недоступны деревенской бедноте, поэтому мама заготавливала летом самые разные лекарственные растения, создавала с них домашнюю аптеку. Она же была домашним доктором. Знала, что приложить при утечке крови при порезах, при нарыве, что дать от кашля и простуды, как снять жар... Вырастила шестерых детей и все росли здоровыми, не знала ни акушерки, ни детского врача...» [7, с. 11].

Отдельная тема – образование и невозможность его получения на родном языке даже на уровне начальной школы. Общий обзор дает А. Мартынов. «В 1921 г. ... была открыта польская восьмиклассная гимназия. Это было первое у нас среднее учебное заведение и единственное в ту пору в уезде с населением 115 тысяч. Плата за обучение была непомерно высока для людей со скромным достатком, поэтому количество учащихся не превышало 350–400 человек. Помимо гимназии в городе была одна семилетка... Имелись религиозные еврейские школы. В середине 30-х гг. открылось коммерческое и ремесленное училище с небольшим контингентом учащихся.

Несравненно хуже обстояло школьное дело на селе. Снова привожу официальные данные Кобринского сеймика. В уезде числилось 104 школы с 12 658 учащимися. На 10 тысяч населения приходилось 8,6 школы, а одна школа обслуживала 36 кв. км территории. Из общего количества школ с 1-3 годами обучения было 89%. Не приходится удивляться, что при таком «образовании» был весьма значительный процент «неграмотности, на что указывала статистика. В теории начальное образование было обязательным. В действительности же, несмотря на денежные штрафы, масса детворы вынуждена была покидать учебу задолго до конца учебного года, ибо приходилось пасти скот или ухаживать за малышами, когда родители работали в поле» [2].

Суцук тоже весьма резко, основываясь на собственном опыте, высказался об образовании «на крэсах восточных». «Министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил прямо: «Мы закрываем в Западной Белоруссии белорусские школы и заменяем их польскими, потому что белорусы вообще отсталый дикий народ, белорусский язык – язык отсталый, приносящий мало пользы». 94,5% населения занималось крестьянским трудом. Урожайность почти не достигла довоенного уровня. В Плянте была женская сельскохозяйственная школа, мужская в Тороканах, в них обучалось соответственно 48 и 62 человека. Срок обучения 11 месяцев, на польском языке» [7, с. 33].

Теме школьного образования несколько строк посвящены в воспоминаниях П. С. Сидорук и И. С. Сидорука. «На всей Кобринщине не было ни одной школы на родном языке, а в польские средние и высшие учебные заведения доступ для рабочих и крестьян-белорусов был закрыт из-за высокой платы и национальной происхождения» [6, с. 75].

Несмотря на трудное время, В. Харитонюк в 1931 г. решил послать старшего сына Андрея после окончания Верхолесской школы учиться в Кобринскую польскую гимназию (Рис. 6). «В гимназии тогда учились дети помещиков и польских чиновников. Крестьянских детей было буквально единицы... но при больших способностях ребёнка трудно было

Рис. 6. Коллектив государственной гимназии им. М. Родзевичуны в Кобрине. 31.01.1939 г. Фонды КМС

отказать. Андрей мой выдержал экзамен хорошо и стал гимназистом. На семью свалилась огромная экономическая тяжесть. Оплата за ученье 150 злотых, квартира, питание, форменная одежда. Все вместе взятое составляло около 500 злотых в год. На покрытие таких расходов пришлось мобилизовать все наши возможности. Годовали скот, держали свиней, были у нас пчелы. Все это шло на деньги» [8, с. 163–164].

О Кустовичской школе подробно пишет А. Суцук. «Школа четырёхклассная, но с семилетним сроком обучения. Работал и руководил школой всего один учитель, который здесь и жил... В самом центре, на глазах у класса – икона Божьей Матери Ченстоховской в тёмно-золотистом украшении. Рядом с иконой, в раме портрет президента Польши Игнацы Мосцицкого. Тут же портрет маршала Иосифа Пилсудского... В начале первого урока и в конце последнего ученики класса встают и, глядя на икону и руководителей Польши на портретах, громко повторяли за учителем слова молитвы на польском языке и крестясь по католическому ритуалу. В нашем классе не было ни одного школьника польской национальности, но все уроки велись только на польском языке. В школе, в которую не ходил ни один польский ребенок, запрещалось детям разговаривать на другом, непольском языке даже на переменах» [7, с. 14].

Палочная дисциплина в школе была нормой и не считалась нарушением педагогической этики. Яркие примеры приводит А. Суцук. «Батюшка Лев Калаур верой и правдой служил имущему, богатому сословию... Учил он смирению, а не сопротивлению насилию, злу. Заметив на ученике какое-нибудь отвлечение, тут же принимал меры для восстановления повиновения. Он незаметно уходил за задние парты и там из-под складок своего черного балахона вытаскивал кусок веревки с завязанным концом в тугий твёрдый узел. Также тихонько подходил он сзади к очередной выбранной им жертве и всей силой наносил удар узлом верёвки по детской спине. Ученик вскрикивал, заливался слезами и рыдал...

Жаловаться на попа-тирана было некому... Пану Стуглику, руководителю школы, тоже не пожалуешься. Он тоже избивал учеников, хотя применял другие приемы. Он брал провинившегося ученика за руку, концы пальцев, и поворачивал ладонь вниз, а потом начинал бить по руке линейкой, вслух отсчитывая удары... Польские чиновники своих крестьян-белорусов публично и в глаза называли «быдлом» (скотиной). Нельзя удивляться, что и детей «быдла» избивали в школах и учителя, и попы» [7, с. 23].

«За все двадцать лет между двумя мировыми войнами никто из мужицких детей нашей деревни Кустовичи не учился дальше... В Полесском воеводстве не было ни одного высшего учебного заведения. В тринадцати гимназиях училось 3,6 тыс. детей богатых сословий...» [7, с. 30].

Особенно красноречива история с поступлением А. Суцука в Кобринскую гимназию. На последнем году обучения в Кустовичской школе преподавательница пани Елена предложила Алексею Суцуку как ученику с отличной успеваемостью поступить в гимназию. В первую очередь решили купить велосипед, чтобы подросток мог приезжать на выходные домой. Велосипед стоил дорого, почти по цене коровы. В деревне Муховлоки заказали настоящий костюм из ткани, вытканой матерью... Это была первая одежда, которую Алексею шил настоящий портной, а не мама.

Получив на гербовом бланке удостоверение об окончании Кустовичской школы.

По всем предметам стояло «отлично», только по поведению «хорошо». Пан Стуглик снизил оценку по поведению за то, что подросток не выполнил его распоряжение разговаривать с товарищами по-польски не только на уроках, но и на переменах. Алексей Сушук сдал документы в гимназию и стал готовиться к поступлению. Учебный год должен был начаться 1 сентября 1939 г. Но вызова в гимназию так и не дождались. Богатые всегда не допускали бедных к образованию. Мужичьи дети, по их мнению, должны были только пахать и сеять [7, с. 42–45]. Мечта подростка осуществилась только с приходом советской власти, он стал учеником 5-го класса СШ № 1 г. Кобрин.

Не в лучшем состоянии находилась и культура. Полную характеристику проблем в этой области обозначил Мартынов. «В Кобрине было пять платных общественных библиотек... Естественно, литература этих библиотек не могла удовлетворить всех читателей. До 1932 г. в ряде деревень, преимущественно на севере и западе уезда, существовали отделения общества «Просвита», имевшие свои небольшие библиотеки. Действующие при них драматические кружки изредка ставили любительские спектакли.

Сказанное следует дополнить упоминанием о двух городских кинотеатрах Эбрами и Фрейдкиса, обслуживаемых семьями владельцев. Вследствие слабой посещаемости из-за дороговизны билетов сеансы давались в определенные дни, причем использовались главным образом американские фильмы ввиду крайне ограниченного выпуска польских фильмов. В виде редкого исключения на экранах появлялись советские фильмы. Когда демонстрировались пользующиеся огромным успехом «Веселые ребята», на сеансы гурьбой прибывала сельская молодежь, нередко прошагавшая более 10 километров» [2].

Краткая характеристика социально-экономического развития Кобринского повета через призму воспоминаний его жителей позволяет заключить, что земли эти находились в состоянии глубокой стагнации. Политическое бесправие, национальное угнетение населения Западной Беларуси, тяжелое социально-экономическое положение стали объективными условиями для развёртывания национально-освободительного движения.

Эти выводы ни в коей мере не расходятся с оценками профессиональных историков. Приведу умозаключение на данную тему директора Института истории НАН Беларуси, кандидата исторических наук, доцента Вячеслава Даниловича, прозвучавшее на круглом столе, проведенном в 2020 г. в издательском доме «Беларусь сегодня». «Польская власть не отражала интересов народа и была по факту чужой для большинства населения Западной Белоруссии. И это вполне закономерно социально-экономические вопросы и проблемы фактически не были решены. К тому же Западная Белоруссия весьма пострадала от мирового экономического кризиса 1929–1933 годов, росла безработица. То есть к проблемам национального угнетения здесь добавлялась социальная неудовлетворённость» [3].

Источники и литература:

1. Мартынов, А. Потерянное двадцатилетие : [о жизни населения Кобринского повета в 1921–1939 гг.] / А. Мартынов // Кобрин-информ. – 2009. – 15 октября. – С. 6.
2. Мартынов, А. Потерянное двадцатилетие : [о жизни населения Кобринского повета в 1921–1939 гг.] / А. Мартынов // Кобрин-информ. – 2009. – 10 декабря. – С. 6.
3. Осипов, М. Стирая границы : [почему воссоединение западных и восточных белорусских земель – эпохальное событие] / М. Осипов // Народная газета. – 2020. – 18 верасня. – С. 37.
4. Памяць. Кобрынскі раён. Мінск : Белта, 2002. – 624 с.
5. Сидорук Игнатий Семёнович // База данных «Жертвы политического террора в СССР» Книга памяти Курганской обл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : clock.ru/3NJjPe. Дата доступа: 07.08.2025.
6. Сидорук, П. С., Сидорук, И. С. Непокорённая Кобринщина : [рукопись, к 50- летию Великой Октябрьской социалистической революции]. – Кобрин. - 1967. // Архив Кобринского военно-исторического музея им. А. В. Суворова.
7. Суцук, А. М. Автобиографическая хроника : [машинопись, экз. 2, в ознаменование 50-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне]. – Кобрин. – 1995. // Фонды Кобринского военно-исторического музея им. А. В. Суворова. КП 9656. – 657 с.
8. Харитонюк. В. И. Родословная Харитонюков : [рукопись, автобиографические наброски]. – Кобрин. – 1974. // Фонды Кобринского военно-исторического музея им. А. В. Суворова. КП 9649. – 181 с.
9. Фотоальбом : [семьи Харитонюк]. – Кобрин. – 1930-е // Фонды Кобринского военно-исторического музея им. А.В. Суворова. КП 11820.

Кириллова Н. М.,

заведующая научно-экспозиционным отделом учреждения культуры «Брестский областной краеведческий музей»

Отражение темы «Воссоединение Западной Беларуси с БССР» во временных экспозициях Брестского областного краеведческого музея

В экспозиционно-выставочной работе Брестского областного краеведческого музея тема борьбы населения Западной Беларуси за воссоединение с БССР всегда занимала важное место. Начиная с первой постоянной исторической экспозиции 1957 г., так и в последующие времена, будь то 1980-е или 1990-е годы. На период отсутствия постоянной исторической экспозиции музея в связи с переездом в новое здание была создана передвижная фотодокументальная выставка, которая была востребована, как в школьной, так и во взрослой аудиториях. В новой постоянной исторической экспозиции, открытой в 2016 г. раздел «Борьба за социальное и национальное освобождение на Брестчине в 1921–1939 гг.», стал важной составной частью зала №7, в котором он представлен.

7 июня 2021 г. Президентом Республики Беларусь был учреждён Указ №206 о государственном празднике – Дне народного единства, который отмечается 17 сентября. К этой дате, 15 сентября того же года в областном краеведческом музее была открыта временная экспозиция «Дорогами борьбы и созидания», посвящённая воссоединению Западной Беларуси с БССР. Экспозиция разместилась в выставочном зале площадью 60 кв. м. Это позволило представить хранящиеся в запасниках музея материалы, которые изыскивались и комплектовались на протяжении многих десятилетий, начиная с 1950-х годов. Всего было отобрано более 120 предметов из разных музейных коллекций: документальной, фотодокументальной, технических средств и приспособлений, вещевой, ткани и одежды, живописи, вексиллологии, предметов быта и других. Многие из представленных предметов экспонировались впервые. Некоторые из них относятся к категории редких, а порой и уникальных.

По условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. Западная Белоруссия вошла в состав Польского государства. Эта территория была поделена на 4 воеводства. Самым крупным из них стало Полесское, куда входила большая часть современной Брестчины. На присоединённых территориях был введён особый политико-правовой режим. Организация местного самоуправления и избирательного процесса были направлены на обеспечение польского представительства в органах власти. По отношению к белорусам проводилась политика полонизации и ассимиляции. Конституционно гарантированные права национальных меньшинств на использование родного языка и получение на нём образования не исполнялись. В экономическом развитии присоединённые территории оставались аграрно-сырьевым регионом.

Выставка давала представление о том, как в период тяжёлого экономического положения, политического бесправия и национального угнетения создавались условия для усиления национально-освободительного движения. Этой борьбой руководила

созданная в 1923 г. Коммунистическая партия Западной Белоруссии. Год спустя был создан Коммунистический союз молодёжи Западной Белоруссии. Под их руководством проходили забастовки рабочих, антиправительственные демонстрации и митинги, выступления крестьян на территории Полесского воеводства, где действовали окружные, районные и городские комитеты КПЗБ. Был создан Брестский окружной комитет КПЗБ, первым секретарём которого стал Семён Андреевич Дубовик.

В экспозиции были представлены уникальные транспаранты 1920–1930-х гг., которые в нелегальных условиях вывешивались к революционным событиям и праздникам. Создавались они из бумаги и ткани в подпольных условиях, под страхом ареста. В 1956 г. из Государственного архива Брестской области были переданы в Брестский областной краеведческий музей 90 транспарантов. 46-ю из них музей поделился с ведущими музеями республики – Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны, Гродненским историко-археологическим музеем, Кобринским военно-историческим музеем им. А.В. Суворова, Минским областным краеведческим музеем и другими.

Под руководством КПЗБ в г. Бресте-над-Бугом с 1925 г. по 1939 г. действовала подпольная типография. Располагалась она на квартире члена КПЗБ с 1923 г. Волошко Ивана Романовича (1898–1966) на углу улиц Переца и Ягеллонской (сейчас угол улицы 17 сентября и проспекта имени П. М. Машерова). Квартира подпольщика одновременно была явочной и складом нелегальной литературы. В типографию из г. Вильно привозили готовые матрицы, по их образцу делали отливки из олова. Печатали листовки, воззвания, циркуляры Брестского окружного комитета КПЗБ и Брестского окружного комитета КСМЗБ и другие партийные издания на 5 языках (белорусском, русском, польском, идише и украинском). После использования матрицы расплавляли, станок разбирали, чтобы не было улик на случай обыска полицией. Печатные материалы использовали в революционной работе Брестский и Пинский окружные комитеты КПЗБ. Благодаря строгой конспирации И. Р. Волошко сохранил типографию и в октябре 1939 г. передал её политотделу Брестского пограничного отряда, позже материалы были переданы в Брестский областной краеведческий музей. В настоящее время в запасниках музея хранятся 311 листовок, изданных в подпольной типографии в 1920–1930-е гг.

Полицейские гонения и террор против членов КПЗБ приобрели в Польше массовый характер. Согласно уголовному кодексу от 11 июля 1932 г. за принадлежность к коммунистической партии предусматривалось наказание вплоть до пожизненного тюремного заключения. За содействие коммунистам было установлено наказание до 5 лет тюрьмы, проводились массовые политические процессы. 10–17 января 1927 г. в г. Бресте-над-Бугом состоялся процесс 31-го – суд, организованный польскими властями над группой членов КПЗБ. Среди подсудимых были В. З. Хоружая, З. Ф. Поплавский, Л. П. Герасимук, Ф. С. Строкач и другие.

Освободительный поход Красной Армии и воссоединение Западной Белоруссии с БССР отражали подлинные документы и фотографии того времени, живописные полотна членов Союза художников БССР В. Шикина, И. Рудчика и других. 28–30 октября 1939 г. в г. Белостоке состоялось Народное собрание, которое должно было определить характер государственного устройства Западной Беларуси. В принятой декларации Народное собрание провозгласило установление Советской власти на всей территории Западной Беларуси и постановило просить Верховные

Советы СССР и БССР принять Западную Беларусь в состав СССР и БССР. Народное собрание утвердило также Декларацию о конфискации помещичьих земель и национализации банков и крупной промышленности. В разработке и принятии этих решений активно участвовали и посланцы Брестчины – В. П. Ласкович и В. С. Селивоник, материалы о которых были представлены на выставке. 2 ноября 1939 г. сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о включении Западной Беларуси в состав СССР и воссоединении её с БССР.

В 2023 г. ко Дню народного единства в нашем музее состоялось открытие новой выставки под названием «На пути к единству». Она также была основана на подлинных материалах из разных фондовых коллекций и насчитывала около 150 предметов.

Впервые экспонировались материалы по теме «Концентрационный лагерь в Берёзе-Картузской»: документы и фотографии заключённых членов КПЗБ, изображение лагеря, опубликованное в польской периодической печати 1934 г. Тема дополнялась материалами, полученными из Государственного архива Брестской области.

Особое место заняли мемориальные вещи, принадлежавшие нашим землякам – активным участникам революционного движения в Западной Беларуси, членам КПЗБ и КСМЗБ Мирону Емельяновичу Криштафовичу, Захару Филимоновичу Поплавскому, Василисе Семёновне Селивоник, Василию Петровичу Ласковичу. Это личные вещи, подлинные документы и фотографии. Впервые были представлены их скульптурные изображения художников А. Грицкевича и М. Робермана.

На выставке экспонировались компас, головной убор, сборник стихов нашего земляка, белорусского поэта, члена Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ) и Товарищества белорусской школы (ТБШ) Николая Артемьевича Засима. Дополняли выставку живописные и графические работы членов Союза художников БССР В. Шикина и Н. Чурабо.

В 2024 г. к государственному празднику коллектив нашего музея подготовил новую временную экспозицию под названием «Слово в борьбе за единство», где в качестве главных экспонатов выступали транспаранты, листовки, воззвания, газеты, циркуляры. Выставку дополняли инсталляция «Концентрационный лагерь в Берёзе-Картузской», фотографии улиц города Бреста и мемориальных досок, установленных в память виднейших деятелей КПЗБ, в т. ч. уроженцев Брестчины: М. Е. Криштафовича, З. Ф. Поплавского, С. Е. Богданчука, В. З. Хоружей, Н. Н. Дворникова, Н. А. Засима.

Специально к областному мероприятию, посвящённому Дню народного единства, который проходил в г. Кобрине 17 сентября 2024 г., была подготовлена ещё одна выставка. Она носила название «Территория единства». В её создании кроме Брестского областного краеведческого музея принимали участие военно-исторический музей им. А. В. Суворова и Берёзовский историко-краеведческий музей. Выставка состояла из музейных предметов, отражающих социально-исторические процессы на территории Западной Беларуси в 1920–1930-е гг.: этноконфессиональная политика, система образования, национально-освободительное движение, освободительный поход Красной Армии и другие. Выставку дополняли картины и транспаранты КПЗБ.

Таким образом, собранные в музее материалы дают возможность регулярно готовить по указанной теме новые временные экспозиции с более подробным освещением тех или иных фактов и событий.

Ружанщина в составе Польского государства: время борьбы и испытаний

Аннотация. В статье описывается социально-экономическое и национально-культурное положение населения Ружан и близлежащих деревень, оказавшегося под польской оккупацией, становление подпольной борьбы, деятельность еврейской общины.

В конце XIX – начале XX вв. Ружанщина входила в состав Слонимского уезда Гродненской губернии, большая часть населения проживала в сельской местности. В 1897 г. в Ружанах проживало 5 036 человек, была народная школа, 2 водяные мельницы, несколько суконных фабрик и мануфактур. Положение рабочих на суконных фабриках было тяжелым. В 1910 г. на Ружанских фабриках бастовало 310 человек.

В период Первой мировой войны Ружаны были оккупированы немцами. Часть населения перед приходом немцев выехала в глубь России.

К середине 1918 г. на Ружанщине начали свою деятельность подпольные большевистские группы. Большевиками был подготовлен и проведен уездный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором был избран уездный исполнительный комитет Совета, секретарь Ружанского комитета партии, начальник милиции, председатель ЧК [3, с.63].

Согласно условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. Ружаны с близлежащими населенными пунктами вошли в состав Коссовского уезда Полесского воеводства. Ружаны стали центром гмины. Население Ружан в 1921 г. составляло 3 622 человека.

На территории оккупированной Западной Беларуси существовало национальное и социальное угнетение. Польские власти проводили колониальную политику. Так, в Полесском воеводстве помещики и крупные кулаки составляли 6% от общего количества хозяйств, но владели 75% всех, при чем лучших, земельных угодий, а 94% хозяйств бедняков и середняков имели всего ¼ непригодных, заболоченных и песчаных земель. Около 94% лесов Западной Беларуси принадлежало польским помещикам. Безземелье и малоземелье, непосильные налоги, угнетение со стороны помещиков и осадников, своеволие властей привело крестьян Западной Беларуси к нищенскому существованию. Всё это стало объективными условиями для развертывания национально-освободительной борьбы против польских оккупантов.

После октября 1923 г., когда была создана коммунистическая партия Западной Беларуси, на всей территории уезда начали создаваться партийные ячейки. Одной из самых сильных была подпольная партийная ячейка в Ворониловичах, возглавлял ее Суходольский П. А., член КПЗБ с 1926 г. Активно действовали партийные и комсомольские ячейки в деревнях Щитно, Клепачи, Байки, Бутьки, Куляны, Осошники, Близная [3, с.79–80].

С 1925 г. действовал Ружанский подпольный райком КПЗБ, объединивший от 80 до 120 членов партии. Активным организатором революционного подполья был Гарус П. П., в 1929 г. был арестован, два года отбывал тюремное заключение. После освобождения возобновил связь с подпольным райкомом комсомола и в 1932 г. наладил

работу Ружанского райкома партии. После очередного провала РК КПЗБ, в октябре 1933 г., райком был снова организован Станкевичем Д. П. из д. Еськовцы. Возобновлять работу райкома помогал инструктор Пинского окружного комитета КПЗБ Пестрак П. С., в будущем известный белорусский писатель. Организаторами и активными участниками партийного подполья Ружанщины были Мацевич П. П., Шаповал М. М., Урбанович В. П., Минич А. М., Борисевич М. Л., Ермак Т, Дурейко А. М. и другие. Большую работу по созданию комсомольских ячеек в 1920-е годы провел Прокопеня А. М., позже он работал в партийной печати в Вильне [3, с. 80].

Из воспоминаний бывших членов КПЗБ Станкевича Д. П. и Минича А. М.: «1929 – бурный, беспокойный год. Массовые аресты и облавы. Сотни революционных крестьян, которые захотели «людьми зваться», под конвоем «синих мундиров» отправлялись в тюрьму. Празднование 1 Мая вылилось в гневный протест против национального и социального угнетения» [3, с. 110]. Накануне 1 Мая польские власти арестовали многих членов КПЗБ, чтобы лишить руководства революционное движение и избежать первомайских выступлений. Но руководство подпольного Ружанского райкома КПЗБ провело подготовку накануне праздника: было принято решение развесить красные флаги по всему району и в самих Ружанах в самых людных местах.

На одной из строго конспиративных маевок, организованной в лесу между деревнями Ворониловичи, Капли и Товцвилы, выступающим был неизвестный молодой человек в гимназической форме. Так как среди собравшихся были призывники, слова юноши были адресованы непосредственно им: «Вас прызываюць у фашысцкую армію. Вучыцеся там добра страляць, авалодвайце ваеннай справай. Гэта спатрэбіцца. Вас рыхтуюць для барацьбы з нашымі братамі з СССР. Але вораг тут – навокал. Гэта буржуазія і памешчыкі. Яны захапілі ўсе землі, яе нетры, лясы, рэкі і бязлітасна эксплуатауюць рабочых і сялян. Яны заключаюць лепшых сыноў народа ў цёмныя астрогі, закоўваюць у кайданы. Але як бы яны ні стараліся, ім не пагасіць яснай праўды, не спыніць народны рух за хлеб, свабоду і працу» [3, с. 111]. Спустя время стало известно, что на маевке выступал Иосиф Урбанович, ставший в годы Великой Отечественной войны одним из организаторов антифашистского и партизанского движения на Брестчине.

Иосиф Павлович Урбанович родился 3 апреля 1907 г. в д. Шейпичи Пружанского уезда Гродненской губернии (сейчас Зеленевицкий сельсовет Пружанского района Брестской области) в крестьянской семье. В 1915 г. семья эвакуировалась в глубь России, в 1921 г. возвращается на родину, в д. Шейпичи, но два старших сына – Андрей и Иван – остаются в СССР. Из переписки с братьями Иосиф узнает о новой свободной советской жизни и положении белорусских крестьян во вражеской Советскому союзу буржуазно-помещицкой Польше. Именно эти письма оказали на 16-летнего юношу революционное влияние, на его политическое развитие и взгляды.

В 1924 г. Иосиф Урбанович поступил в Виленскую белорусскую гимназию, где организовал комсомольскую ячейку, руководил всеми революционными мероприятиями, проводимыми среди учащихся. На родине Иосиф Павлович проводил тайные собрания крестьян, призывая их к борьбе, по поручению ЦК комсомола Западной Беларуси – заседания окружных комитетов комсомола. Согласно данным Брестского государственного архива, 24 августа 1928 г. Урбанович провел заседание Слонимского окружного комитета комсомола, 28 августа – Ружанского райкома КПЗБ в лесу между Ружанами и Шейпичами.

За революционную деятельность исключен из гимназии. С 1930 г. стал на путь профессионального революционера: возглавляет Вильнюсский, затем Барановичский и Брестский окружные комитеты КПЗБ, проводит заседания окружных комитетов и райкомов КПЗБ, ведет активную организаторскую и политическую работу. 7 мая 1931 г. был арестован, 21 октября приговорен к 6 годам тюремного заключения. Был освобожден по амнистии, после чего продолжил революционную деятельность.

В дни освобождения Красной Армией Западной Беларуси в сентябре 1939 г. И. П. Урбанович возвращается на родину, принимает участие в становлении Советской власти на Ружанщине, выбирается депутатом Ружанского поселкового и Брестского областного советов, председателем исполкома Ружанского поселкового Совета.

В начале 30-х годов во всем капиталистическом мире произошел экономический кризис, последствия которого ощутило на себе сельское население. Тяжелое положение было у рабочих западных областей Беларуси. Под руководством КПЗБ и комсомола они вели жёсткую борьбу против польской оккупации всеми доступными средствами и способами. Доведение до нищеты рабочих привело к революционным выступлениям рабочих и крестьян.

31 июля 1932 г. состоялся массовый митинг молодежи деревень Манчики, Молочки. Среди участников были распространены апелляции Ружанского райкома КПЗБ. Расходились с митинга колоннами с пением «Интернационала».

Из отчёта Коссовского уездного старосты Станислава Волка Полесскому воеводскому управлению от 6 августа 1932 г.:

«Вслед за письмом от 3 августа с.г. сообщаю, 31 июля 1932 г. в 19 час. 30 мин. была проведена коммунистическая массовка между дер. Манчики и Молочки Ружанской гмины, в которой приняло участие около 100 человек. Массовка была организована приехавшими еврейкой и двумя евреями, а также местными подрывными элементами. Фамилии этих лиц до сего времени не установлены.

Организаторы массовки призывали собравшихся не платить налогов, не выполнять шарварков, а если вспыхнет война между Россией и Польшей, повернуть оружие против поляков.

Во время речей было вывешено красное полотнище, как будто бы без надписи, и разбросаны антиправительственные воззвания с лозунгами следующего содержания: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Долой войну! Война войне! Долой оккупацию Западной Белоруссии! Да здравствует коммунистическая партия! Ружанский районный комитет» [1].

Протестуя против угнетения и насилия, рабочие Западной Беларуси, и особенно молодёжь, своей борьбой приближали день освобождения Западной Беларуси, её объединения с БССР.

Еврейская община существовала в Ружанах уже в XVI в. С 1662 г. община получила самостоятельный статус. Евреи занимались торговлей и ремёслами. Некоторые еврейские семьи на арендованных ими землях занимались огородничеством и садоводством. В Ружанах была создана одна из первых в России групп Ховевей Цион. В 1904 г. была создана организация еврейской самообороны, не допустившая погромов в Ружанах. В 1905–1907 гг. в Ружанах активизировалась деятельность различных еврейских политических партий.

Во время оккупации польские власти разными способами ограничивали еврейскую

торговлю, промышленность и ремёсла. Евреи стали покидать Ружаны: в 1921 г. здесь проживало 3718 евреев, в 1939 г. — 3500. В эти годы еврейская община Ружан старалась сохранить еврейское образование и культуру. В городе работала средняя школа Тарбут с преподаванием на иврите, средняя школа с преподаванием на идиш, частная начальная школа, театральное общество. Активно действовали различные сионистские партии.

Из воспоминаний Ривки Зильберберга (Питковского): «...я попытаюсь извлечь из пучины забвения некоторые подробности жизни молодёжи города в 1929–1933 годах.

Насколько мне помнится, у молодёжи была сильная тяга к общественной и политической деятельности. Среди политических партий в первое время большим влиянием пользовался Бунд.

Несколько молодых коммунистов и студентов, приехавших издалека, оказывали влияние на молодёжь города. Порой это приводило к ожесточённой борьбе, разгорались жаркие споры о различных мировоззрениях и мечтах о лучшем будущем. Многие из молодёжи поддавались пропаганде и попадались в сети провокаций. В один из ясных дней августа 1934 года нескольких из них схватили и в цепях отправили в тюрьму.

В рядах молодёжи, состоявшей в «Гехалуц» и «Ха-Шомер Ха-Цаир», шла активная сионистская и общественная деятельность. «Гехалуц» был сильной организацией в городе.

Члены организации «Ха-Шомер Ха-Цаир» играли львиную долю в сионистской деятельности. Это была самая сильная организация в городе, носившая характер скаутской [4, с. 137].

Осенью 1932 г. забастовали рабочие лесных промыслов Белостокского воеводства. Пружанский райком КПЗБ через свои ячейки развернул широкую политическую агитацию среди рабочих Беловежской и Ружанской пущ, призывая их поддержать бастующих лесорубов и извозчиков. На лесоразработки райком КПЗБ направил коммунистов, комсомольцев, выпустил специальные листовки, призывая рабочих к борьбе за повышение заработной платы. Агитационную работу во время забастовки проводил райком КПЗБ и среди сельского населения. В забастовку включались крестьяне-земледельцы, крестьяне, работающие на лесных промыслах, батраки имений помещиков.

Забастовка в Беловежской и Ружанской пущах, которая началась как экономическая, приняла затем политический характер. Вместе с экономическими требованиями забастовщики объявляли лозунги о свержении буржуазно-помещичьего правительства, отказа от уплаты налогов [3, с. 106].

В 30-х годах активно развернулась подпольная работа в деревне Заполье, организатором которой был Иосиф Гордей, член КПЗБ. В 1928 г. Гордей И. был арестован и посажен в волковысскую тюрьму, из которой вернулся в 1930 г. Через своего сына Евгения Иосиф Гордей привлекал к подпольной работе многих жителей д. Заполье: приглашал на беседы, передавал листовки. В 1933 г. дефензива решила расправиться с революционерами. Полицейские арестовали связного подпольного райкома партии Тихона Ермака, секретаря ячейки Александра Куницу, Иосифа Гордея и других. Всего 10 человек.

Комсомольская ячейка в Заполье была очень сильной и активной. Её руководителем был Антон Куница по кличке. В ячейку входили Константин Гордей, Илья Предко, Николай Семак, Александр Куница, Иван Манчик, Владимир Семак. В подпольной

ячейке были свои правила поведения: не курить, не употреблять алкоголь, уметь читать и писать на белорусском и русском языках, играть на музыкальном инструменте. К 1936 г. в Заполье был создан струнный оркестр, гитары, мандалины, балалайки делали сами участники оркестра.

В фондах музея хранится автобиография одного из членов запольской подпольной ячейки Владимира Павловича Семака. Из нее мы узнаем, что в 1932 г. Владимир Павлович вступил в КПЗБ, член ячейки в д. Заполье. На тот момент в ячейке было 5 человек. В августе 1933 г. секретарем подпольного Ружанского райкома КПЗБ был назначен техником по доставке подпольной коммунистической литературы со Слонимского окружного комитета в Ружанский район. В июле 1934 г. Семак В. П. был арестован польской полицией, судим за коммунистическую деятельность в марте 1935 г. Брестским окружным судом на 1 год тюремного заключения и лишения прав на 3 года. С приходом Красной Армии в 1939 г. принимал участие в разоружении польских банд [2].

17 июня 1934 г. в г. Берёза-Картузская власти Польши создали концлагерь, действующий до сентября 1939 г. В лагерь попадали люди, не согласные с польским режимом, известным как «санация». Эти годы характеризовались массовыми арестами подпольщиков. Многие ружанские подпольщики оказались узниками концлагеря. Среди них были Семак В. П., Минич А. М., Самойлович С. С., Ильяшук А. П. и другие коммунисты-подпольщики, которые перенесли ужасы концлагеря. Так, в ноябре 1937 г. полиция отправила Минича А. М. в концлагерь. «Тяжело словами описать режим Берёзы, издевательства и оскорбления, которым подвергались там узники. Человека не считали за человека, он становился просто номером», – вспоминает А. М. Минич. Особенно тяжело нам стало, когда администрация создала из криминальников группу «инструкторов» для «работы» с политзаключенными. Некоторые из этих «инструкторов» соревновались с полицейскими в издевательствах и садизме и иногда превосходили даже завзятых палачей». С концлагеря Минич А. М. был выпущен в июне 1938 г. Ничто и никто не мог сломать воли подпольщиков, заставить хоть на один день остановить борьбу за лучшую жизнь.

Но не только политической борьбой ограничивалась жизнь Ружанской гмины. Культурно-просветительскую работу проводили общественные организации и школы, при которых работали так называемые светлицы (небольшие клубы). При некоторых организовывались художественная самодеятельность, библиотеки.

В январе 1929 г. состоялся съезд кружков ТБШ Коссовского и Пружанского уездов. Съезд выдвинул протест против преград, которые ставили власти работе ТБШ, против запрета общего съезда, закрытия белорусских гимназий, исключения учащихся Виленской гимназии. На территории современного Пружанского района действовало 5 кружков ТБШ, при них работали библиотеки. Особенно активно работал кружок ТБШ в д. Близная.

В 1933 г. на Ружанщине была 1 семилетняя и 14 начальных школ, 6 из них размещались в частных помещениях. До 1939 г. в Ружанах была семиклассная польская школа, в которой работало 8 учителей. Училось в ней 396 учеников. При школе работала библиотека, в которой насчитывалось 1 760 книг и было 58 читателей. Была и двухклассная еврейская школа, в которой работало 5 учителей и училось 173 ученика. В Ружанах были платная амбулатория, больница на 30 коек с медперсоналом 3 человека, больница на 16 коек с медперсоналом

2 человека, частная паровая мельница, фабрика одеял, 8 пекарен, выпекающих за смену 1,5 тонны хлебобулочных изделий, канатная фабрика с 40 рабочими, бойня. Действовало два небольших клуба, посещало из от 25 до 50 человек.

17 сентября 1939 г. стало известно, что Красная армия перешла границу Польши. Ружанские подпольщики решили действовать: захватить почту, полицейский участок, гмину и управление бургомистра. Крестьяне во главе с подпольщиками двинулись на Ружаны. Основные полицейские силы были сконцентрированы в полицейском участке, в жёстком столкновении они не устояли и отступили в уездный город Коссово. После вступления Красной Армии на территорию Ружанщины начали создаваться комсомольские организации. Первые из них были сформированы в Ружанах, Березнице, Заполье, Могилевцах, Ворониловичах, Колозубах.

15 января 1940 г. указом Президиума Верховного Совета БССР в западных областях республики были образованы районы. В современных границах Пружанского района были образованы Пружанский, Шерешевский и Ружанский районы. Ружаны стали районным центром. В конце января начал свою работу Ружанский райком партии, а в апреле было проведено Ружанское районное отчетно-выборное собрание, на котором секретарем райкома партии был избран М. Т. Подоляк. Начал свою работу и Ружанский райисполком под председательством Королёва А. В. Развернул активную работу среди молодежи и райком комсомола, первый секретарь – А. М. Довбня. В 1940 г. в Ружанах уже появился кинотеатр, телеграф, почта, электростанция, 6 лесозаводов, 4 мельницы, 4 кирпичных и 2 бетонных завода, 2 фабрики колесного мазута. В этом же году была создана МТС, организованы курсы трактористов.

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1902. Л. 72.
2. Фонды ГУК «Ружанский дворцовый комплекс рода Сапег»: КП 1783.
3. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна. – Мінск, 1992.
4. Rozana: a Memorial Book to the Jewish Community, с. 137.

Банковская система города Бреста в составе Польши (1921–1939): историко-экономический анализ

*Аннотация. В статье исследуется развитие банковской системы Бреста в период его вхождения в состав Польши (1921–1939 гг.), уделяя особое внимание роли *Pocztowa Kasa Oszczędności*, РКО – Почтовая сберегательная касса (ПСК) в финансовой жизни региона. На основе анализа архивных материалов, включая сберегательную книжку № 123.912-D из частного архива В.П. Ласковича, реконструируются механизмы работы банковских учреждений, их влияние на экономику и повседневные практики сбережений населения.*

Ключевые аспекты исследования:

- Финансовый хаос и мультивалютное обращение в Бресте (1921–1923 гг.).
- Последствия реформы Грабского (1924 г.) для стабилизации банковской системы.
- Операции ПСК: вклады, снятие средств, процентная политика, процедуры при утере книжки.
- Социальная роль сберегательных касс в условиях экономической нестабильности.

Введение

После подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. Брест-Литовск вошёл в состав Польши, став административным центром Полесского воеводства. Его приграничное положение и статус крупного транспортного узла обусловили особую роль в экономике региона. Однако банковская система города долгое время оставалась неразвитой, несмотря на её значение для стабилизации финансов после гиперинфляции 1920-х гг.

Цель статьи: проанализировать структуру и функционирование банковских учреждений Бреста, включая государственные банки, кредитные кооперативы и ПСК, а также их влияние на местную экономику.

Научная новизна заключается в комплексном изучении банковской системы Бреста через призму повседневных финансовых практик, что позволяет оценить её вклад в преодоление кризиса.

Брест в период становления польской банковской системы (1921–1926 гг.)

После подписания Рижского мира, Брест-Литовск оказался в составе Польши. Период с 1921 по 1923 гг. стал для Бреста временем глубочайшего финансового хаоса. Ситуация осложнялась несколькими взаимосвязанными факторами:

1. Мультивалютное обращение. На территории города одновременно циркулировали:
  - польские марки (введенные в 1920 г.);
  - российские рубли и совзнаки (оставшиеся с дореволюционных времен);
  - немецкие оккупационные марки (появившиеся в период 1915–1918 гг.) – местным

населением назывались «острублы»;

- различные местные денежные суррогаты и боны [3].

2. Гиперинфляция. В 1918–1923 гг. в стране господствовала инфляция, которая в 1923 г. переросла в гиперинфляцию. Если в конце 1919 г. один доллар США стоил 119 польских марок, то в июне 1923 г. – уже 100 000, а в октябре того же года – около 1,7 млн [2]. Об инфляции красноречиво говорят и номиналы денег, выпущенных в 1920, 1922 и 1923 гг. 7 февраля 1920 г. выходят 1/2 марки (потребность в разменных купюрах пока еще сохранялась) и 5000 марок. В 1922 г. осуществлена эмиссия банкнот в 10 000 (11 марта) и 50 000 (10 октября) марок, а в 1923 г. – 250 000 (25 апреля), 100 000; 500 000; 1 000 000 (30 августа) и, незадолго до реформы – 20 ноября, банкноты в 5 миллионов и 10 миллионов марок [3] (Фото 1). Это делало любые сбережения практически бессмысленными и подрывало доверие населения к финансовым институтам.

3. Последствия Первой мировой войны. По данным на 1915 г. было разрушено 2500 зданий из 3670 (70%) [4], а из 70 тысяч довоенного населения в городе осталось всего 29 тысяч жителей [7].

Реформа Грабского и её последствия (1924-1926 гг.)

К 1923 г. Польша находилась в глубочайшем экономическом кризисе: гиперинфляция, бюджетный дефицит – больше половины расходов покрывалось эмиссией. Переломным моментом стала денежная реформа Грабского 1924 г., которая создала основу для финансовой стабилизации и предусматривала:

Создание Банка Польского (Bank Polski (25.02.1924 г.)), который имел право эмиссии злотого (1 zł = 0,3226 грамма 900-й пробы золота) и был независим от правительства [3].

Деноминация (01.05.1924 г.): 1 новый злотый = 1,8 млн старых марок. Обмен был ограничен 600 злотых на человека [3].

Реформа оказала влияние на банковскую систему Бреста. Были образованы два новых государственных банка – Банк Польский и Банк национального хозяйства. В результате снизилась инфляция, а новые условия позволили активнее использовать денежный ресурс населением страны. Банк Польский выполнял на протяжении всего межвоенного периода функции центрального банка страны. Главными его задачами определялись: эмиссия денег, регулирование денежного оборота и предоставление кредитов государственным учреждениям, кооперативным организациям и частным лицам [2].

Государственные банки финансировали крупные государственные проекты в сфере сельского хозяйства (особенно актуально для аграрного характера экономики Полесского воеводства), модернизации и развития промышленности, в том числе оборонной. В Западной Беларуси насчитывалось 7 филиалов Банка Польского (Барановичи, Слоним, Волковыск, Пинск, Кобрин, Гродно и Брест). Кроме того, на территории западнобелорусского региона в силу его аграрного характера располагались отделения Государственного сельскохозяйственного банка и Банка национального хозяйства [5].

Реформа Грабского создала основу для развития банковской системы Бреста, которая к 1930-м гг. укрепилась через расширение сети кредитных кооперативов

Фото 1. Банкнота в 10 миллионов марок

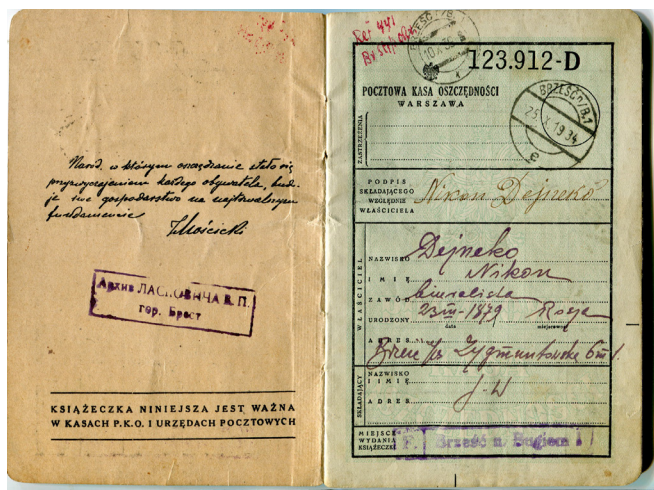

Фото 2. Первый разворот
Почтовой сберегательной книжки

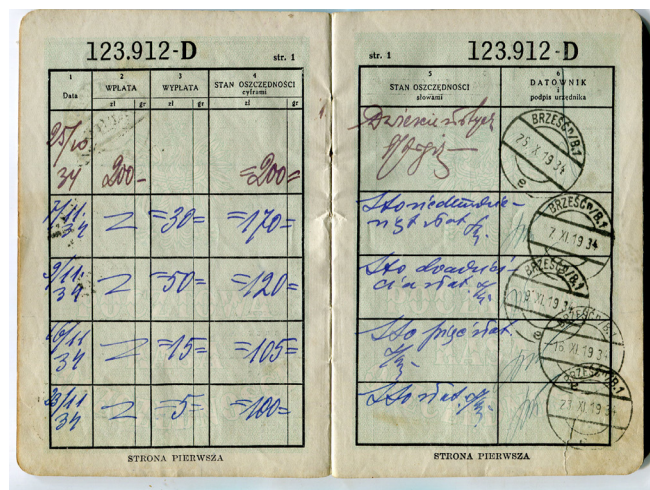

Фото 3. Страница с первыми вкладами

и ПСК Развитие сберегательных учреждений на территории Западной Беларуси межвоенного периода началось с 1919 г., когда был утвержден проект устава Почтовой сберегательной кассы, которая была основана на базе почтовых отделений Второй Польской Республики. Одновременно решалось две проблемы: расширение функций почтовых и телеграфных отделений и приток сбережений населения для восстановления экономики страны. В соответствии с уставом новое финансовое учреждение создавалось для осуществления следующих видов операций: привлечение средств населения на депозиты; развитие чекового оборота (включая денежные переводы); покупка и продажа ценных бумаг; инкассо финансовых документов (прежде всего векселей).

В период стабилизации национальной польской валюты интерес населения к финансовым пакетам, предлагаемым на рынке Почтовой сберегательной кассой, резко возрос. В связи с этим ПСК заняла в межвоенный период до 30 % рынка мелкого кредита страны, оставив позади коммунальные сберегательные кассы, частные банковские учреждения [6] (Приложение 1).

Мы проанализируем сберегательную книжку № 123.912-D из частного архива В. П. Ласковича.

На первом развороте сберкнижки ПСК содержится фрагмент цитаты третьего президента Польши Игнация Мосьцицкого (1926-1939 гг.) о важности сбережений для каждого отдельного гражданина и для государства в целом.

Ниже напечатана фраза «KSIĄŻECZKA NINIEJSZA JEST WAŻNA W KASACH P.K.O. I URZĘDACH POCZTOWYCH» («Данная сберкнижка действительна в кассах ПСК и почтовых отделениях») – стандартная формулировка для сберегательных книжек межвоенного периода.

Сберкнижка №123.912-D заведена в подразделении I в г. Брест-над-Бугом на имя Никона Дайнеко. Дата рождения: 23.03.1879 г., место рождения: Россия, адрес: Брест-над-Бугом, ул. Зигмунтовская, 6/1. По профессии «*Biuralista*» (канцелярский работник) – в межвоенной Польше так обозначали низших служащих в учреждениях, банках, на почте.

Документ содержит две печати: 25.10.1934 г. – это дата открытия счета и первого вклада; дата второй печати – 10.10.1939 г. (Фото 2, 3).

Хотя советские войска вошли в Брест 17 сентября 1939 г., печать поставлена почти месяц спустя. Возможные объяснения:

Действия польских сотрудников ПСК. До конца октября 1939 г. некоторые отделения формально продолжали работу под советским контролем: завершали текущие операции; фиксировали остатки счетов для передачи новым властям.

Советская администрация. С октября 1939 г. НКВД начал инвентаризацию польских финансовых документов: печати ПСК иногда ставили на документах как доказательство «законности» изъятия вкладов и подтверждали «добровольность» передачи средств.

17 сентября 1939 г. вместе с Красной Армией польскую границу пересекли оперативные и чекистские группы, созданные в соответствии с приказом НКВД СССР от 8 сентября 1939 года. Оперативные группы НКВД сначала взяли на себя важнейшие инфраструктурные узлы Республики Польша. Они занимали государственные офисные здания, банки, типографии, редакции газет, конфисковывали ценные бумаги и архивы. Они производили аресты и задержания на основании ранее подготовленных запретительных списков и текущих доносов довоенной и приобретенной советской агентуры, обнаруживали и фиксировали коллаборационистов и офицеров, солдат польских спецслужб, офицеров польской администрации, активистов партий, политических и общественных групп [1].

В оперативном приказе народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00486 от 15 августа 1937 г. есть следующий пункт: *«Одновременно с арестом производится тщательный обыск. При обыске изымаются: оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы (шапирографы, стеклографы, пишущие машинки и т.п.), контрреволюционная литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы»* [10].

25 сентября в письме Иосифу Сталину руководитель БССР П. Пономаренко отмечал: *«В городах есть частные, кооперативные и государственные банки. В банках находится много мелких и крупных вкладов. Клиенты требуют деньги, кое-где выплачиваются ограниченные суммы, кое-где ждут инструкций. Мы назначили в банках комиссаров. Оставшиеся там суммы опечатали. Мы не считаем возможным брать на себя какие-либо банковские обязательства перед кем бы то ни было. Следует выплатить мелким вкладчикам их вклады из частных банков. Крупные вклады помещиков, капиталистов, высших государственных чиновников и осадников рассматривать как народное имущество и после выплаты мелких вкладов прекратить деятельность частных банков, оставив активным только Государственный банк»* [8].

На страницах 14–18 сберегательной книжки напечатано 30 параграфов, регламентирующих все основные рабочие процессы. Озаглавлено: «Постановления о сберегательном обороте ПСК для владельцев сберкнижек, действующих в почтовом обращении». Выдержки из этого устава будут приведены ниже, в разделе «Повседневная практика банковских операций» (Фото 4).

Страница 19 представляет собой бланк заявления на замену испорченной/заполненной сберкнижки в польской Почтовой сберегательной кассе. Требуется указать данные владельца, номер старой книжки и подпись. Новую книжку оформят на указанное имя после проверки (Фото 5).

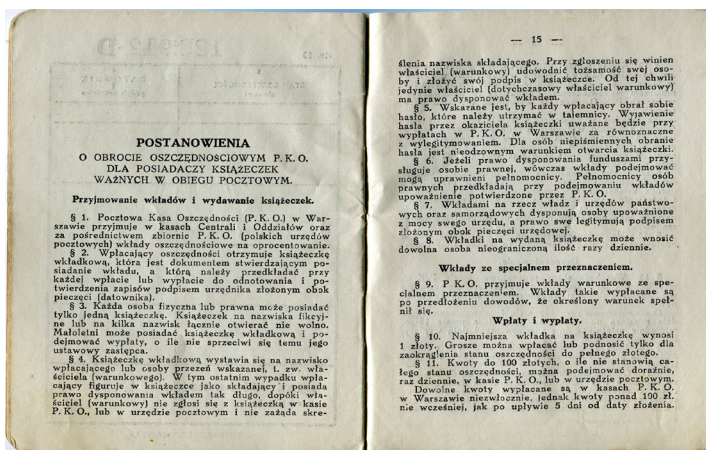

Фото 4. Постановления о сберегательном обороте ПСК для владельцев сберкнижек, действующих в почтовом обращении

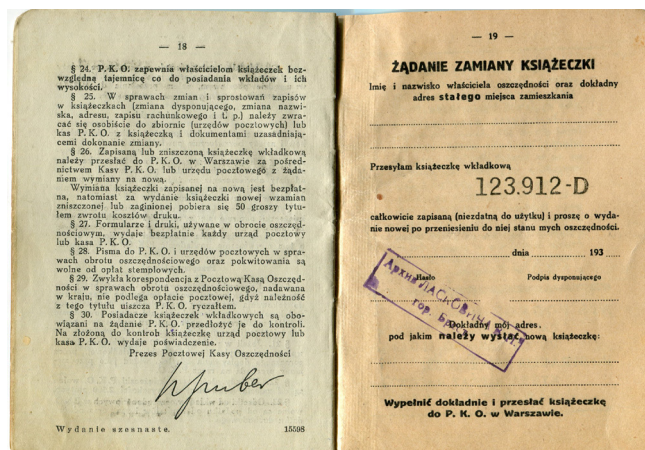

Фото 5. Бланк заявления на замену испорченной/заполненной сберкнижки

Страница 20 регламентирует порядок пользования отрывными бланками: Приложенные к сберкнижке документы следует использовать только при внесении вкладов или при срочных снятиях (до 100 злотых).

Бланки заявлений на снятие сумм свыше 100 злотых или полного закрытия вклада выдаются в кассах ПСК и во всех почтовых отделениях.

Разрешение на снятие ПСК немедленно отправляет в соответствующее отделение или почтовое учреждение без отдельного уведомления вкладчика. Если разрешение не поступит в течение 5 дней, распорядитель вклада должен подать жалобу в ПСК в Варшаве.»

Далее идут сами отрывные бланки для вкладов на счет или получение выплаты. Форма использовалась для подтверждения операций по сберкнижкам в отделениях ПСК и на почте. Дублирование бланка квитанции (вероятно, для архива и клиента) (Фото 6).

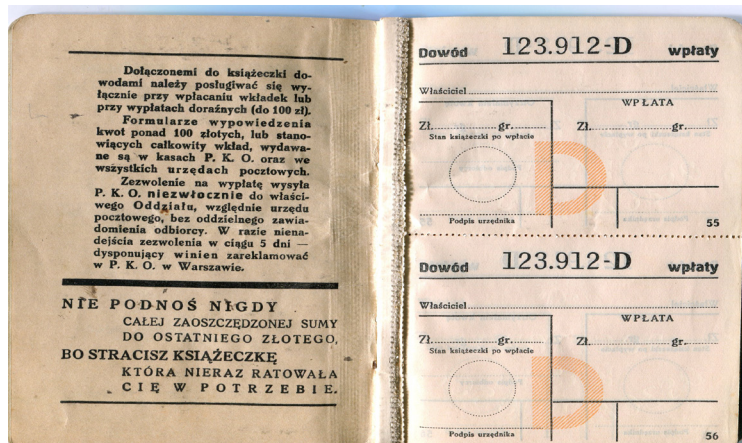

Фото 6. Отрывные бланки и правила их использования

Повседневная практика банковских операций

Анализ сберегательной книжки № 123.912-D позволяет реконструировать типичные операции банковского обслуживания в Бресте:

1. Вкладные операции:

- Минимальный взнос – 1 zł
- Приём мелких сумм (грошей) только до округления

2. Снятие средств:

- До 100 zł – в день обращения в кассе ПСК или почтовом отделении

- Свыше 100 zł – через 5 дней после подачи заявления.
3. Процентная политика предусматривала:
- Начисление процентов дважды в месяц (1-го и 16-го числа)
  - Капитализацию процентов 31 декабря каждого года
  - Неначисление процентов на суммы менее 2 злотых и более 10 000 злотых
4. Особый интерес представляют процедуры работы с вкладами, зафиксированные в инструкциях ПСК (§12–17 исследованных документов).

Так, при утере книжки требовалось:

- Немедленное уведомление варшавской централи
- Публикация объявления в прессе
- Месячный срок ожидания перед выдачей дубликата

Эти меры демонстрируют сочетание бюрократической строгости и заботы о безопасности вкладчиков.

Обнаруженные в документах предупреждения *«Никогда не снимай всю накопленную сумму до последнего злотого, потому что ты потеряешь сберкнижку, которая не раз выручала тебя в трудную минуту»* (Фото 6) свидетельствуют о:

- Популяризации сберегательной культуры среди населения.
- Важности книжек как финансового «буфера безопасности» для граждан.
- Государственной политике поощрения мелких вкладчиков

Заключение

Исследование показало, что банковская система Бреста в 1921–1939 гг. прошла путь от хаотичного мультивалютного обращения к относительной стабильности благодаря реформе Грабского и развитию сети ПСК.

Ключевые выводы:

1. Государственные банки (Банк Польский, Банк национального хозяйства) играли ключевую роль в кредитовании аграрного сектора и инфраструктурных проектов.
2. ПСК стала основным институтом для мелких вкладчиков, охватив до 30% рынка сбережений. Ее деятельность способствовала финансовой грамотности населения, о чём свидетельствуют предупреждения в сберкнижках (например, против полного снятия средств).
3. Процедурная строгость (месячный срок восстановления утерянных книжек, требования к крупным снятиям) сочеталась с социальной функцией сберегательных касс как «буфера безопасности» для граждан.

Источники и литература:

1. 17 września – minęło 77 lat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bs.net.pl/17-wrzesnia-minelo-77-lat>. – Дата доступа: 06.07.2025 г.
2. Баюра А. Кредитно-банковские учреждения Западной Беларуси в 1919-1939 гг. // «Банковский вестник». – 2012. – №1 – С. 21-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://thelib.net/1811279-kreditno-bankovskie-uchrezhdenija-zapadnoj-belarusi-v-1919-1939-gg.html>. – Дата доступа: 19.07.2025 г.
3. Баюра, А. Н. Польские марки в денежном обращении Бреста в 1919–1924 гг. // Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами. (К 90-летию подписания Рижского мирного договора) : сборник материалов международной научно-практической конференции, Брест, 17–18 декабря 2011 г. /

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – С. 258-262 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/44353/258-262.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 21.07.2025 г.

4. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост. А.Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с., [12] л. фот. – С. 91.

5. Гецевич, А. К. Кредитно-банковские учреждения на территории Беларуси в 1917–1941 гг. // «Вышэйшая школа» : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2024. – № 1. – С. 47–52. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/318232/1/Гецевич_ВШ_24-1-047-052.pdf. – Дата доступа: 10.07.2025 г.

6. Гецевич А. К. Структура, функции и деятельность Почтовой сберегательной кассы на территории Западной Беларуси в 1920–1930-е гг. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 14–20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elib.grsu.by/doc/87252>. – Дата доступа: 12.07.2025 г.

7. Гросу, Екатерина. К 75-летию создания Брестской областной конторы Госбанка СССР // Банкаўскі веснік. 2015. С. 64-67 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10082.pdf>. – Дата доступа: 18.07.2025 г.

8. Ile «pańskiego złota» wpadło w ręce bolszewików? Losy skarbcza Banku Polskiego podczas II wojny światowej. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.onet.pl/informacje/nowaeuropawschodnia/ile-panskiego-zlota-wpadlo-w-rece-bolszewikow-losy-skarbcza-banku-polskiego-podczas-ii/7zmtqz,30bc1058>. – Дата доступа: 06.07.2025 г.

9. Ковалёва, Н. Н. Экономическое развитие Брестчины в межвоенный период (1921–1939 гг.) // Исторические, социокультурные и экономические аспекты воссоединения белорусского народа : материалы межвузовской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, посвященной 60-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, Брест, 26–27 октября 1999 года / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский политехнический институт ; редкол.: Н. Н. Ковалева, И. С. Григорчук, А. Н. Баюра. – Брест : БПИ, 2000. – С. 28–30. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/20929/28-30.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 12.07.2025 г.

10. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00486. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/ArhiwnDokumenty/SSSR/SSSR_1918_1988/45-15-08-37-Operativnyj-prikaz-00486.pdf. – Дата доступа: 06.07.2025 г.

11. Сберегательная книжка № 123.912-D [Архивный документ] / В. П. Ласкович (частный архив).

Приложение 1

Сеть кредитно-сберегательных касс на территории Западной Беларуси (по состоянию на 1938 г.) Воеводства	Отделения Почтовой сберегательной кассы	Коммунальные сберегательные кассы	Гминные кредитно-сберегательные кассы
Польша	4167	468	975
Белостокское	160	9	28
Виленское	184	8	31
Новогрудское	139	8	–
Полесское	107	9	26
Источник: [6].			

Содержание

Зарецкая И. В.

Коммунистические транспаранты 1920–1930-х гг.
в собрании Брестского областного краеведческого музея 4

Каплиев А. А.

Недзяржаўныя формы медыцынскага абслугоўвання насельніцтва
ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд 12

Сосонкина В. Ф., Басин Е. А.

Деятельность аптечных предприятий на Брестчине в 1921–1939 гг.....19

Шкрабина О. В.

Захаванне беларускай нацыянальнай адукацыі і культуры
на тэрыторыі Нясвіжскага павета ва ўмовах польскага рэжыму 1920–30-х гг. 26

Гринчук С. А.

67 фонд Государственного архива Брестской области – важный источник
информации по партизанскому движению в Западной Беларуси в 1921–1923 гг. 32

Мюллер О. В.

Концлагерь «Берёза-Картузская» – место
ссылки неугодных польскому режиму 35

Бодак А. Ю., Бурик Е. А.

Первичные мероприятия советской власти на территории
Лунинетчины после Воссоединения Западной и Восточной Беларуси.....42

Куличик М. Н.

Роль аптечных исторических центров в культурно-просветительской
работе Брестского РУП «Фармация» 48

Игнатович О. С.

Предвоенная обстановка в г. Бресте 1939–1941 гг.:
анализ сведений по описанию города в архивных документах,
письмах, воспоминаниях 51

Рысь Е. Н.

Условия жизни населения Кобринщины
в 1921–1939 гг. глазами очевидцев» 64

Кириллова Н. М.

Отражение темы «Воссоединение Западной Беларуси с БССР»
во временных экспозициях Брестского областного краеведческого музея 75

Кубарко Е. А.

Ружанщина в составе Польского государства:
время борьбы и испытаний 78

Левчук Ю. А.

Банковская система города Бреста в составе Польши (1921–1939):
историко-экономический анализ 84